

Анархизм. Алексей Алексеевич Боровой filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Анархизм. Алексей Алексеевич Боровой

Имя Алексея Алексеевича Борового почти наверняка неизвестно сегодняшнему читателю. А между тем этот человек – крупнейший мыслитель российского анархизма первой трети XX века после П. А. Кропоткина, незаурядный оратор, педагог, философ, социолог, экономист, правовед, историк, библиофил, литературовед, поистине энциклопедическая личность – отнюдь не заслуживает забвения. Без него наши представления об истории отечественной культуры и освободительного движения будут неполны.

Алексей Алексеевич Боровой родился 30 октября 1875 года в дворянской семье в Москве. Его отец был преподавателем математики, а мать страстно увлекалась музыкой. В 1894–1898 годах Алексей учился на юридическом факультете Московского университета, выделяясь среди товарищей своими способностями, и по окончании был оставлен при кафедре. В эти годы он был увлечен марксизмом (позднее называл это увлечение «религиозной страстью») и написал свои первые научные труды: о рабочем дне, о французских и русских экономистах XVII–XVIII веков и другие. Романтик и жизнелюб, любознательный, талантливый, энергичный, Алексей Алексеевич в 1898–1903 годах сочетал преподавание политической экономии, географии и права в Университете и других учебных заведениях с учебой в консерватории (обладая музыкальными способностями, он музыкально воспринимал мир), общался с учеными, философами и литераторами, увлекался философией Ницше и поэзией символизма, пропагандировал идеи революционного синдикализма... Общительность, душевная восприимчивость, развитая интуиция, ораторский талант, превосходная память, исключительная работоспособность, бунтарство, влюбчивость и духовный максимализм, характерные для Алексея Алексеевича Борового, обусловили его эволюцию от марксизма к анархизму.

В 1903–1905 годах молодой приват-доцент совершает длительную поездку во Францию и Германию для продолжения научных занятий и сбора материала для диссертации. Там, в Париже осенью 1904 года он осознал себя анархистом – навсегда, до конца. Это откровение пришло к нему не «свыше», но «изнутри», внезапно и окончательно. По его признанию: «я чувствовал, что я родился анархистом – с отвращением и естественным протестом против всякого организованного насилия». Анархизм стал для Борового не просто социальным учением или «идеологией партии», но осознанным исповеданием личного мировоззрения. Придя к анархизму совершенно самостоятельно и в зрелом возрасте, Алексей Боровой долгое время был идейно-психологически дистанцирован от массового анархического движения (на преодоление этой дистанции ушло целое десятилетие) и оказался в состоянии действовать в одиночку, как теоретик и пропагандист анархизма, самостоятельно генерируя идеи и смыслы, сохраняя самобытность и верность себе даже в безнадежных ситуациях.

Вернувшись в Россию в 1905 году, в разгар Революции, Боровой быстро стал широко известен. Профессора называли его «любимцем факультета» (однако кадетское большинство в Университете не позволило ему защитить докторскую диссертацию из-за его радикализма и нонконформизма), а отчет Охранного Отделения именовал его «любимцем московского студенчества». Публичные лекции Борового «Общественные идеалы современного человечества. Либерализм. Социализм. Анархизм» и «Революционное мирозерцание» (вскоре изданные отдельными брошюрами) пользовались огромным успехом и стали первым легальным воззванием анархического мировоззрения в России, ознаменовав начало «постклассического» (то есть, в данном случае, посткропоткинского) этапа в развитии либертарной мысли.

Боровой много выступал и преподавал, возглавил анархическое книгоиздательство «Логос», участвовал в выпуске известного журнала «Перевал», опубликовал (в двух книгах) фундаментальное диссертационное исследование «История личной свободы во Франции», а также «Популярный курс политической экономии», сотни статей, переводов, рецензий. По его инициативе в России были изданы работы анархистов Э. Реклю, Ж. Грава, Э. Малатести и других. Среди его друзей и знакомых были Вера Фигнер, Максимилиан Волошин, Иван Ильин, Николай Кареев, Максим Ковалевский, Александр Скрябин, Густав Шпет, Борис Вышеславцев... «Белая ворона» – дворянин, ушедший в революцию; меломан, любитель поэзии, участник музыкальных, философских и литературных кружков; боец, но не «партийный» фанатик; индивидуалист и одновременно социалист; ученый, но противник сциентизма и «цеховой учености»; поэт-мыслитель, Алексей Алексеевич Боровой всем интересовался, жил «во все стороны», участвовал во многих начинаниях,

Анархизм. Алексей Алексеевич Боровой filosoff.org
дружил со многими людьми (ему были важны в человеке не столько «-измы», сколько мироощущение) – всегда оставаясь самим собой (в философии, в науке, в общественной деятельности), не растворяясь до конца ни в чем и выражая себя во всем. Он стремился к синтезу различных идейных подходов и сторон жизни, к творческому самопроявлению, был открыт миру и обостренно ощущал уникальность личности – как собственной, так и других людей.

Маркс, Бакунин, Бергсон, Ницше, Штирнер, Достоевский, Пушкин и Скрябин творчески влияли на мирозерцание этого удивительного мыслителя-анархиста, попытавшегося дать либертарный ответ на вызовы XX века и предложившего – пусть незаконченную и не свободную от противоречий – новую мировоззренческую парадигму анархизма, подвергнутого самокритике и обновлению. Алексей Алексеевич стремился сочетать идеи «философии жизни» Анри Бергсона и Фридриха Ницше (творчество, спонтанность, интуитивизм, критика рационализма и сциентизма) с идеями Макса Штирнера (выдвижение в центр рассмотрения личности и критика отчуждения и всяческих «фетишизмов»), с полузабытыми гениальными прозрениями Михаила Бакунина (философия бунта, негативная диалектика, критика государственного социализма, примат «жизни» перед «наукой», примат действия перед «теорией») и с творческим осмыслением практики революционного синдикализма.

Подвергнутый гонениям со стороны самодержавного режима (аресты, обыски, штрафы, изгнание из учебных заведений, тюремное заключение и уголовное преследование), Боровой бежал за границу. Два года (1911–1913) он провел в эмиграции во Франции, где читал лекции, водил экскурсии по Парижу (и даже издал книгу об этом любимом городе) и основательно изучал философию Бергсона и практику революционного синдикализма. В 1913 году он по амнистии вернулся в Россию и занялся журналистской деятельностью. Призванный в армию с началом Мировой войны, Боровой (как он пишет в автобиографии), «служил в эвакуации. В 1918 г. состоял в звании военного комиссара при Главном Военном Санитарном Управлении». С революцией 1917–1921 годов Алексей Алексеевич стал профессором Московского университета (одним из самых любимых студентами) и ВХУТЕМАСа, возглавил анархические издания «Жизнь» и «Клич», был одним из руководителей Московской Федерации работников умственного труда (попытавшейся объединить на принципах революционного синдикализма интеллектуальный пролетариат) и Московского Союза идейной пропаганды анархизма. (Именно к нему летом 1918 года приехал в первую очередь Нестор Иванович Махно, восторженно отзывавшийся о нем в своих воспоминаниях.) Алексей Алексеевич читает многочисленные курсы, издает книги «Революционное творчество и парламент», «Анархизм», «Личность и общество в анархическом мировоззрении».

Отстраненный в 1921 году большевистским режимом от преподавания, Боровой работал экономистом и сосредоточился на деятельности в музее П. А. Кропоткина (он был заместителем Веры Фигнер – председателя Всероссийского Общественного Комитета по увековечиванию памяти П. А. Кропоткина), готовил новые статьи и книги (в том числе огромную рукопись «Достоевский» и «Разговоры о живом и мертвом» – сочинения, так до сих пор и не опубликованные) и руководил работой анархо-синдикалистского издательства «Голос Труда», выпустившего десятки книг. Совместно с Н. Отверженным Боровой издает книгу «Миф о Бакуине», а в 1926 году под его редакцией выходит сборник «Очерки истории анархического движения в России». Для этой книги, подытожившей историю российского анархизма, Боровой написал превосходную статью «Бакунин» – лучшее и по сей день изложение философских идей Михаила Александровича. В 1929 году Алексей Алексеевич Боровой как «неразоружившийся анархист» был арестован и сослан сначала в Вятку, а потом во Владимир, где он успел умереть своей смертью 21 ноября 1935 года, до конца сохранив человеческое достоинство и верность своему обреченному делу. В эти последние годы он завершил огромную книгу замечательных воспоминаний, подводя итог всей своей жизни, описывая сотни людей, встретившихся на его пути и рефлексируя пережитое. (Эта книга до сих пор ждет публикации.)

Во время Гражданской войны в Испании русские эмигранты-анархисты в Испании объединились в Группу имени Алексея Борового. А в 1990–2000-е годы уже несколько современных российских анархистов (и в их числе автор этих строк) также создали Группу имени Алексея Борового для изучения, пропаганды и развития его наследия (она провела две посвященные ему конференции и издала две брошюры). Давно назрела необходимость вернуть память об Алексее Алексеевиче Боровом в Россию, переиздать его опубликованные ранее труды и издать рукописи.

Анархизм. Алексей Алексеевич Боровой filosoff.org
Предлагаемая вниманию читателя книга «Анархизм» была написана и издана в 1918 году. Сам Алексей Алексеевич считал ее во многом «сырой». Несмотря на посвящение Петру Алексеевичу Кропоткину, это сочинение знаменует значительный шаг вперед от «научного анархизма» Кропоткина, воздвигнутого на позитивистском философском фундаменте и пронизанного сциентизмом и прогрессизмом. Боровой затронул в этой книге широкий круг принципиальнейших вопросов анархического мировоззрения и наметил радикальную самокритику классического анархизма. Для него неприемлем ни «богемный» анархо-индивидуализм, отрывающий личность от общества, ни кропоткинский анархо-коммунизм, обожествляющий общество и растворяющий в нем личность. В представлении Борового анархизм есть «романтическое мировоззрение с реалистической тактикой», с которым несовместимы догматизм, слепая вера в разум и науку, для которого невозможен «конечный идеал» (ибо анархизм – «учение динамическое», указывающее направление движения, а не детально описывающее «пункт прибытия»). В центре анархического мировоззрения стоят ценности личности, жизни, свободы, творчества, спонтанности. Критикуя крайний индивидуализм, рационализм, марксизм, Алексей Боровой подробно разбирает вопросы о тактике и методах анархизма, его отношении к национализму, а также проблему взаимосвязи и борьбы между личностью и обществом. Афористическая, лаконичная, порой отрывочная и декларативная форма изложения, вызванная поспешностью написания книги, не должна заслонить от читателя оригинальности, смелости, свежести и целостности подходов Борового к теоретическим основаниям анархизма. Эта книга, написанная 90 лет назад, сегодня, в эпоху глобального кризиса человечества и окончательной исчерпанности ценностных оснований модерна, не утратила своей значимости (причем не только сугубо исторической) для всех, кому близки либертарные идеалы и кого интересует анархическая мысль.

Кандидат философских наук, доцент

Петр Владимирович Рябов

ГЛАВА I. Анархизмъ и абсолютный индивидуализмъ.

Анархизмъ есть апофеозъ личнаго начала. Анархизмъ говоритъ о конечномъ освобожденіи личности. Анархизмъ отрицаетъ всѣ формы власти, всѣ формы принужденія, всѣ формы внѣшняго обязыванія личности. Анархизмъ не знаетъ долга, отвѣтственности, коллективной дисциплины.

Всѣ эти и подобныя имъ формулы достаточно ярко говорятъ объ индивидуалистическомъ характерѣ анархизма, о приматѣ начала личнаго передъ началомъ социальнымъ и, тѣмъ не менѣе, было-бы огромнымъ заблужденіемъ полагать, что анархизмъ есть абсолютный индивидуализмъ, что анархизмъ есть принесеніе общественности въ жертву личному началу.

Абсолютный индивидуализмъ – есть вѣра, философское умозрѣніе, личное настроеніе, исповѣдующія культъ неограниченнаго господства конкретнаго, эмпирическаго «я».

«Я» – существую только для себя и все существуетъ только для «меня». Никто не можетъ управлять «мною», «я» могу пользоваться и управлять всѣмъ.

«Я» – перлъ мірозданія, драгоцѣнный сосудъ единственныхъ въ своемъ родѣ устремленій и ихъ необходимо оберечь отъ грубыхъ посползновеній сосѣда и общественности. «Я» – цѣлый, въ себѣ замкнутый океанъ неповторимыхъ стремленій и возможностей, никому ничѣмъ не обязанныхъ, ни отъ кого ничѣмъ не зависящихъ. Все, что пытается обусловить мое «я», посягаетъ на «мою» свободу, мѣшаетъ «моему» полному господству надъ вещами и людьми. Ограниченіе себя «долгомъ» или «убѣжденіемъ» есть уже рабство.

Краснорѣчивѣйшимъ образцомъ подобнаго индивидуализма является философія Штирнера.

По справедливому замѣчанію Штамллера, его книга – «Единственный и его достояніе» (1845 г.) – представляетъ собой самую смѣлую попытку, которая когда-либо была предпринята – сбросить съ себя всякій авторитетъ.

Для «Единственнаго» Штирнера нѣтъ долга, нѣтъ моральнаго закона. Признаніе какой-либо истины для него невыносимо – оно уже налагаетъ оковы. «До тѣхъ поръ, пока ты вѣришь въ истину – говоритъ Штирнеръ – ты не вѣришь въ себя!

Анархизм. Алексей Алексеевич Боровой filosoff.org
Ты – рабъ, ты – религіозный человѣкъ. Но ты одинъ – истина... Ты – больше истины, она передъ тобой – ничто».

Идея личнаго блага есть центральная идея, проникающая философію Штирнера.

«Я» – эмпирически – конкретная личность, единственная и неповторимая – властелинъ, предъ которымъ все должно склониться. «...нѣтъ ничего реальнаго внѣ личности съ ея потребностями, стремленіями и волей». Внѣ моего «я» и за моимъ «я» нѣтъ ничего, что бы могло ограничить мою волю и подчинить мои желанія.

«Не все-ли мнѣ равно – утверждаетъ Штирнеръ, – какъ я поступаю? Человѣчно-ли, либерально, гуманно или, наоборотъ?... Только бы это служило моимъ цѣлямъ, только бы это меня удовлетворяло, – а тамъ называйте это, какъ хотите: мнѣ рѣшительно все равно... Я не дѣлаю ничего «ради человѣка», но все, что я дѣлаю, я дѣлаю «ради себя самого»... Я поглощаю міръ, чтобы утолить голодъ моего эгоизма. Ты для меня – не болѣе, чѣмъ пища, такъ-же, какъ я для тебя...»

что послѣ этихъ утвержденій для «Единственнаго» – право, государство?

Они – миражъ предъ властью моего «я»! Права, какъ права, стоящаго внѣ меня или надо мной, нѣтъ. Мое право – въ моей власти. «... Я имѣю право на все, что могу осилить. Я имѣю право свергнуть Зевса, Иегову, Бога и т. д., если въ силахъ это сдѣлать... Я есмь, какъ и Богъ, отрицаніе всего другого, ибо я есмь – мое все, я есмь – единственный!»

Но огромная внѣшняя мощь Штирнеровскихъ утвержденій, тѣмъ рѣшительнѣе свидѣтельствуешь о ихъ внутреннемъ безсиліи. Во имя чего слагаетъ Штирнеръ свое безбрежное отрицаніе? какія побужденія жить могутъ быть у «Единственнаго» Штирнера? Тѣ, какъ будто, социальныя инстинкты, демократическіе элементы, которые проскальзываютъ въ проектируемыхъ имъ «союзахъ эгоистовъ», растворяются въ общей его концепціи, отказывающейся дать какое-либо реальное, содержаніе его неограниченному индивидуализму. «Единственный», это – форма безъ содержанія, это вѣчная жажда свободы – «отъ чего», но не «для чего». Это – самодовлѣющее безцѣльное отрицаніе, отрицаніе не только міра, не только любого утвержденія во имя послѣдующихъ отрицаній – это было бы только актомъ творческаго вдохновенія – но отрицаніе своей «святости», какъ «узды и оковы», и въ конечномъ счетѣ, отрицаніе самого себя, своего «я», поскольку можетъ идти рѣчь о реальномъ содержаніи его, а не о безплотной фикціи, выполняющей свое единственное назначеніе «разлагать, уничтожать, потреблять» міръ.

Безцѣльное и безотчетное потребленіе міра, людей, жизни – и есть жизнь «наслаждающагося» ею «я».

И хотя Штирнеръ не только утверждаетъ для другихъ, но пытается завѣрить и себя, что онъ, въ противоположность «религіозному міру», не приходитъ «къ себѣ» путемъ исканій, а исходитъ «отъ себя», но – за утвержденіями его для каждаго живого человѣческаго сознанія стоитъ страшная пустота, холодъ могилы, игра безплотныхъ призраковъ. И когда Штирнеръ говоритъ о своемъ наслажденіи жизнью, онъ находитъ для него опредѣленіе, убійственное своимъ внутреннимъ трагизмомъ и скрытымъ за нимъ сарказмомъ: «Я не тоскую болѣе по жизни, я «проматываю» ее» («Ich bange nicht mehr ums Leben, sondern «verthue» es»).

Эта формула – пригодна или богамъ или человѣческимъ отрешеніямъ. Человѣку, ищущему свободы, въ ней мѣста нѣтъ.

И нѣтъ болѣе трагическаго выраженія нигилизма, какъ философіи и какъ настроенія, чѣмъ штирнеріанская «безцѣльная» свобода[1].

Такимъ же непримиримымъ отношеніемъ къ современному «религіозному» человѣку и беспощаднымъ отрицаніемъ всего «человѣческаго» напитана и другая система абсолютнаго индивидуализма – система ницше[2].

«Человѣкъ, это многообразное, лживое, искусственное и непроницаемое животное, страшное другимъ животнымъ больше хитростью и благоразуміемъ, чѣмъ силой, изобрѣлъ чистую совѣсть для того, чтобы наслаждаться своей душой, какъ чѣмъ-то простымъ; и вся мораль есть не что иное, какъ смѣлая и

Анархизм. Алексей Алексеевич Боровой filosoff.org
продолжительная фальсификация, благодаря которой вообще возможно наслаждаться созерцанием души... («Ienseits von Gut und Bose» § 291).

Истинным и единственным критерием нравственности – является сама жизнь, жизнь, как стихийный биологический процесс с торжеством разрушительных инстинктов, беспощадным пожиранием слабых сильными, с категорическим отрицанием общественности.

Все стадное, социальное – продукт слабости. «Больные, болзненные инстинктивно стремятся к стадной организации... Аскетический жрец угадывает этот инстинкт и стремится удовлетворить ему. Всюду, где стадность: требовал ее инстинкт слабости, организовала ее мудрость жреца». («Генезис морали» § 18).

И в противовес рабам, «морали-рабов» – Ницше творит свое учение о «сверхчеловеке», в котором кипит самый врывающийся пафос.

Из созданных доселе концепций сверхчеловека следует отметить две, полярная одна другой: Ренана и Ницше.

Первый хотел создать сверхчеловека – «intelligence supérieure» истреблением в человеке зверя, выявлением в нем до апофеоза всех его чисто «человеческих» свойств. Идеал Ренана – чисто рационалистический: убить инстинкты для торжества разсудка. Ренановский сверхчеловек – гипертрофия мозга, гипертрофия разсудочного начала, апофеоза учености.

Сверхчеловек Ницше – его противоположность. Ницше стремится убить в сверхчеловеке все «человеческое» – упразднить в нем проблемы религии, морали, общественности, выявить «зверя», побить разсудок инстинктами, вернуть человеку здоровье и силы, потерянные в рационалистических туманах. «Мы утомлены человеком», говорит он. (Там же § 12).

И он поет гимны – силе, насилию, власти.

«Властвующий – высший тип!» («Посмертные афоризмы» § 651). Он привстает «хищное животное пышной светлорусой расы» с наслаждением блуждающее за добычей и победой» («Генезис морали» § 11), «самодержавную личность, тождественную самой себе, ... независимую сверхнравственную личность... свободного человека, который действительно может общаться, господина свободной воли, повелителя»... (Там же. Отд. II, §2). «Могущественными, беззаботными, насмшливыми, способными к насилию – таковыми хочешь нас мудрость: она – женщина, и всегда любит лишь воина!» («Так говорил Заратустра»).

Ницше не боится рабства. «Эвдемонистически-социальные идеалы ведут человека назад. Впрочем, они... изображают идеального раба будущего, низшую касту. В ней не должно быть недостатка». (Приложение к «Заратустре» § 671).

Но стоит сопоставить гордые формулы самоутверждения с их подлинно реальным содержанием и мы – перед зияющим противоречием.

Вместо сильного, этически безразличного «блокураго зверя» мы видим тоскливо мечущееся обреченное человеческое существо, готовое на жертвы, мечтающее о смерти – победой, как желанном конце.

– «Велико то в человеке, что он – мост, а не цель... Что можно любить в нем, это то, что он – переход и падение»...

– «...Выше, нежели любовь к ближнему, стоит любовь к дальнему и будущему: еще выше, чем любовь к людям, ценю я любовь к вещам и призракам», – вдохновенно учил Заратустра.

В этих словах – основы революционного мирозерцания. Любовь к дальнему и будущему, любовь к «вещам» – высшая мораль творца, перерастающая желания сегодняшних людей, отвергающая уступки времени и исторической обстановке.

– «Не человек, восклицает Ницше, а бессилие человека препятствует миролюбцам нашего времени сжечь нас». («По ту сторону добра и зла» § 104).

Так спасеніе духа становится выше спасенія плоти. Нѣтъ жертвъ достаточныхъ, которыхъ нельзя было бы принести за него, и нѣтъ для спасенія духа бесплодныхъ жертвъ. Онѣ не бесплодны, если гибнуть во имя своего идеала. Бесплодныя сейчасъ – онѣ не бесплодны для будущаго. На нихъ строится будущее счастье, будущія моральныя цѣнности. Эти жертвы – жертвы любви къ дальнему, любви къ своему идеалу, и въ ихъ трагической гибели – залогъ грядущаго высшаго освобожденія человѣческаго духа.

– «Я люблю тѣхъ – говорилъ Заратустра, кто не умѣетъ жить, ихъ гибель – переходъ къ высшему». «Я люблю того, у кого свободенъ духъ и свободно сердце; его голова – лишь содержимое его сердца, а сердце влечетъ его къ гибели». «Я люблю того, кто хочетъ созидать дальше себя и такъ погибаетъ». «Своей побѣдоносной смертью умираетъ созидающій, окруженный надѣющимися и благословляющими... Такъ надо учиться умирать... Такъ умирать – лучше всего, второе же – умереть въ борьбѣ и расточить великую душу...» («Такъ говорилъ Заратустра»).

Въ этомъ трагическомъ стремленіи къ гибели заключенъ высшій возможный для человѣка нравственный подвигъ; это – не Штирнеровское «проматываніе» жизни! Но какъ согласить это вдохновенное ученіе съ стремленіемъ вымести изъ человѣка все «человѣческое»!

Не правъ-ли Фуллье, что «пламенное прославленіе страданія, какъ бы прекрасно оно ни было въ смыслѣ моральнаго вдохновенія, мало понятно въ доктринѣ, не признающей никакого реальнаго добра, никакой истинной цѣли, по отношенію къ которымъ страданіе могло бы служить средствомъ».

И другое неизбѣжное противорѣчіе – между отвращеніемъ къ стадности и жадной быть учителемъ и пророкомъ раздираетъ ученіе философа.

Пусть говоритъ онъ о «пустынѣ», пусть агитатора называетъ онъ «пустой головой», «глинянымъ горшкомъ», пусть заявляетъ онъ, что «философъ познается бѣгствомъ отъ трехъ блестящихъ и громкихъ вещей: славы, царей и женщинъ...», но развѣ не зоветь къ себѣ вѣхъ «пресыщенный мудростью» Заратустра, чтобы одѣлать своими дарами?

И подлинный ужасъ встаетъ, когда проповѣдникъ сверхъ-человѣчества признается въ интимнѣйшихъ своихъ чувствахъ, которыя не суждено слушать «толпѣ»: «Мысль о самоубійствѣ – сильное утешительное средство: съ ней благополучно переживаются иныя мрачныя ночи». («По ту сторону добра и зла» § 157).

Это – гибель всего міровоззрѣнія

Начать съ гордыхъ утвержденій полнаго самоудовлетворенія въ одиночествѣ и кончить школой, любовнымъ подвигомъ трагической гибелью и трусливымъ бѣгствомъ изъ жизни. Развѣ это не цѣлая послѣдовательная гамма разочарованій...

Штирнеріанство – бесплодное блужданіе въ дебряхъ опустошенной личности, нищество – скорбный кликъ героическаго пессимизма.

Послѣдовательный индивидуализмъ неизбѣжно приводитъ къ солипсизму, то-есть къ признанію конкретнымъ «я» реальности только своего существованія, къ утвержденію всего существующаго только, какъ своего личнаго опыта. «Я» – Абсолютъ, Творецъ всего; остальной міръ – фантомъ, продуктъ моего воображенія.

Солипсизмъ есть категорическое упраздненіе всего соціального.

Анархизмъ и абсолютный индивидуализмъ могутъ быть названы антиподами.

Анархизмъ есть также культъ человѣка, культъ личнаго начала, но анархизмъ не дѣлаетъ изъ эмпирическаго «я» центра вселенной.

Анархизмъ обращается ко всѣмъ, къ каждому человѣку, къ каждому «я». И, если не каждое «я» равно драгоцѣнно для анархизма, ибо и анархизмъ не можетъ не дѣлать различій между подлинно свободнымъ человѣкомъ и насильникомъ, пытающимся строить свою свободу на порабоженіи другого, то каждое «я» – и малое и большое – должно быть для анархизма предметомъ равнаго вниманія,

Анархизм. Алексей Алексеевич Боровой filosoff.org
каждое «я» имеет равное право для выявления своей индивидуальности, каждое «я» должно быть обеспечено защитой от посягательств другого «я».

И если абсолютный индивидуализм стремится утвердить свободу только данного конкретного «я», анархизму дорога свобода всех «я», дорога свобода человека вообще. Абсолютный индивидуализм не только мирится с рабством других, но или относится к нему безразлично или даже ставит его в уголь своего благополучия. Анархизм и рабство – непримиримы. Общество, построенное на привилегиях и ограничениях – несвободно. Там, где есть рабы, нет места свободным людям.

«Я истинно свободен – писал Бакунин – если все человеческие существа, окружающие меня, мужчины и женщины точно также свободны. Свобода других не только не является ограничением, отрицанием моей свободы, но есть, напротив, ее необходимое условие и подтверждение. Я становлюсь истинно свободен только через свободу других... Напротив того рабство людей ставит границу моей свобод...» («Бог и Государство»).

Анархизм, поэтому, чужд солипсизму. Для него равно реальны все люди, для него, наоборот, ирреален тот эгоцентризм, то выделение и чудовищная гипертрофия личного «я», личного начала, которая порождает абсолютный индивидуализм.

Также различны они – анархизм и последовательный индивидуализм – и в области практической деятельности.

Абсолютный индивидуализм не знает методов социального действия. Он не имеет социально-политических программ, не собирает партий, не образует союзов.

Чистый индивидуализм, который во всем окружающем, не исключая людей и разнообразных форм человеческого общения, видит только средство удовлетворения своих эгоцентрических стремлений, относится с полным безразличием, к отдельным типам организованной общественности, к отдельным политическим формам.

Социально-политический прогресс для него не существует, ибо общественные симпатии его к тому или другому бытовому укладу обуславливаются не соображениями «общего блага», обеспечения справедливости, утверждения свободы и т. п., но исключительно личными вкусами. И в этом смысле античное государство с институтом рабства, феодализм и крепостничество, вольный город и цеховая регламентация, буржуазное правовое государство, социалистический строй, анархистическая община – для него совершенно равнозначны.

Требую неограниченной свободы для себя, он отдает свои симпатии Платоновскому «Государству мудрых», мандаринату, диктатуре, аморфному, ничто не связанному «союзу эгоистов». Его не смущают одиозные привилегии или моральные несовершенства излюбленного им строя. Насилие, хищничество, закабаление – все средства хороши для достижения главной цели: утверждения своего неограниченного господства, торжества своей воли. Слабому, темному, погибающему – противопоставляются «я», герой, великий человек, сверхчеловек. Целью расы могут послужить навозом для великих – писал Стриндберг. Весь мир – говорит философ Эмерсон – должен стать питомником великих людей.

Анархизм есть не только социальная теория. Он также – социальная практика. Анархизм утверждает и ищет практические методы социального действия.

Несмотря на непримиримые противоречия между отдельными течениями анархистской мысли, есть своеобразная «программа – минимум», объединяющая все оттенки анархизма. И эти принципы обуславливают и его тактику.

В ряду этих принципов

Прежде всего – отрицание власти, принудительной санкции во всех ее формах, а следовательно, всякой организации, построенной на началах – централизации и представительства. Отсюда отрицание права и государства со всеми его органами.

Анархизм. Алексей Алексеевич Боровой filosoff.org
В области собственно политической – отрицание политических форм борьбы, демократии и парламентаризма.

В области экономической отрицание капитализма и всякого общественного режима, построенного на эксплуатации наемного труда.

Наконец, анархизм в новейших стадиях его развития приходит к убеждению, что революция вообще и анархическая в частности не декретируется «верхами», революционным правительством и не срывается «сознательным инициативным меньшинством» или случайной кучкой «заговорщиков», но совершается «низами», являясь творческим выражением «бунта», идущего непосредственно из «масс». Но дух «созидающий, в отличие от духа «погромного», может найти себя выражение не в случайных и «безцельных» взрывах толпы, но в свободной ассоциации, поставившей сознательно определенные цели в духе анархического мировоззрения. Отсюда анархизм понимает социальное творчество, как самостоятельность заинтересованного класса.

Классовая аполитическая организация является, поэтому, не только лучшей, но и единственно моральной и технически целесообразной формой анархического выступления. Акты «одиночек» и «кучек» могут в известных случаях иметь педагогическое значение и могут быть нравственно оправданы, но к ним сводит всю анархистическую тактику – значило-бы обречь ее на полное бесплодие.

Так анархизм из бунтарского настроения личности преобразуется постепенно в организованный революционный масс.

Теперь должно быть ясно коренное различие между абсолютным индивидуализмом и анархизмом.

Первый – есть настроение свободолюбивой личности, ни к чему ее не обязывающее и потому – по существу – безответственное. Второй – социальная деятельность, строящаяся на исповедывании определенных принципов и влекущая для каждого деятеля моральную ответственность.

Первый ведет к установлению власти, усилению гнета, второй несет в себе подлинно освобождающий смысл. Первый предполагает освобождение единиц за счет общности, второй освобождает личность через свободную общность [3].

Наконец, чистый индивидуализм, как на это неоднократно указывалось, антиномичен, т.е. внутренне противоречив и неизбежно ведет к самоотрицанию.

У сильной индивидуальности безграничная свобода, бесспорно, является стимулом к чрезвычайному развитию личной мощи за счет слабых индивидуальностей. Это неизбежно должно повести к своеобразному «аристократическому» отбору, который для обеспечения своей свободы и безопасности порабощает все окружающее. Но, с одной стороны, устранение борьбы и мирное пользование неограниченной властью ведет неизбежно к вырождению избранных и преобразует в последующих поколениях силу в слабость, с другой, вызывает в поработанных дух протеста против ослабшего властителя и зовет их к борьбе, неизбежно кончающейся поражением поработителя. Эту мысль прекрасно выразил Зиммель: «... Аристократы, вышедшие из общего уровня, на некоторое время создают для себя особый высший уровень жизни. В новой обстановке они, однако постепенно утрачивают жизнеспособность, между тем как масса, пользуясь выгодами большого числа, ее сохраняет».

Так неограниченный индивидуализм, отрицающий свободную общность, неизбежно приходит к вырождению и самоотрицанию.

ГЛАВА II. Анархизм и общность.

Личность есть центр анархического мировоззрения. Полное самоопределение личности, неограниченное выявление ею своих индивидуальных особенностей – таково содержание анархистского идеала.

Но личность – немыслима вне общества. И анархизму приходится решать проблему – возможно-ли и как возможно такое общество, которое бы цели личности

Анархизм. Алексей Алексеевич Боровой filosoff.org
сдѣлало своими цѣлями, которое утвердило бы полную гармонию между индивидуальными устремлениями личности и задачами общественного союза и тѣм самым осуществило бы, наконецъ, мечты хиліазма.

Анархизмъ можетъ рѣшить эту проблему только въ смыслѣ отрицательномъ.

Такое общество – невозможно.

Исторически и логически антиномія личности и общества – неустранима. Никогда, ни при какихъ условіяхъ не можетъ быть достигнута между ними полная гармонія. Какъ бы ни былъ совершененъ и податливъ общественный строй – всегда и неизбежно вступить онъ въ противорѣчіе съ тѣмъ, что остается въ личности неразложимымъ ни на какія проявленія общественныхъ чувствъ – ея своеобразіемъ, неделимостью, неповторимостью.

Никогда личность не уступитъ обществу этого послѣдняго своего «одиночества», общество никогда не сможетъ «простить» его личности.

Стремленіе – всегда впередъ и всегда дальше есть удѣлъ личности и представленіе о такой общественной организаціи, которая видимымъ своимъ совершенствомъ могла бы убаюкать это стремленіе – было бы вмѣстѣ убожденіемъ въ возможности духовной смерти личности.

Для анархиста подобное представленіе – невозможно. Постоянное, непрерывное, ни извнѣ, ни изнутри не ограничиваемое устремленіе личности къ самоосвобожденію – есть основной постулатъ анархизма.

Именно здѣсь – на пути къ свободному творчеству личности и встаютъ тѣ мощныя препоны, которыя создаетъ организація общественности, порождаемой безсознательно стихійно инстинктомъ самосохраненія.

И принадлежа общественности однимъ сторонами своего существованія, личность освобождаетъ другія, которыя служатъ только индивидуальнымъ ея запросамъ.

Бросимъ бѣглый взглядъ на характеръ соотношеній между личностью и обществомъ.

Въ извѣстномъ, занимающемъ насъ смыслѣ, можно утверждать, что вся человѣческая исторія – есть исторія великой тяжбы между личностью и обществомъ, исторія систематическаго закрѣпощенія личности, извращенія ея оригинальныхъ задачъ, подчиненія ея интересовъ и нравственныхъ запросовъ интересамъ и нормамъ общественности.

И потому – въ античномъ, феодальномъ и современномъ буржуазномъ строѣ личность и общество всегда – то открыто, то замаскированно – вели беспощадную борьбу.

И въ этомъ неравномъ единоборствѣ доселѣ жертвой была личность.

Какъ будто съ этими утвержденіями не вяжутся – ея триумфы, поднятіе вождей на щиты, реформирующее вліяніе «избранниковъ» на общественные нравы? Эти успѣхи были – призракомъ, обманомъ...

Организаторъ – вождь, даже съ неограниченными полномочіями въ рукахъ, былъ всегда «слугой» возглавляемой имъ группы; онъ былъ вождемъ лишь до тѣхъ поръ, пока хотѣлъ или умѣлъ слѣдовать инстинктамъ и вождельніямъ руководимой имъ среды. Когда вождь становился слишкомъ «индивидуаленъ» для толпы, для многоголоваго суфлера – назрѣвалъ конфликтъ. И падалъ вождь!

Такъ было на всѣхъ ступеняхъ развитія человѣческаго общества. И чѣмъ болѣе усложняется человѣчскій механизмъ, тѣмъ болѣе, какъ будто, растетъ зависимость отдѣльной личности отъ общества. Тысячи цѣпей – семейныхъ, служебныхъ, профессиональныхъ, союзныхъ, государственныхъ опутали ее. Тысячи паразитовъ стоятъ на дорогѣ ея творческимъ устремленіямъ. И – кажется, никогда еще антагонизмъ между личностью и обществомъ не достигалъ такой остроты, какъ въ наше время.

И, тѣмъ не менѣе, анархизмъ не только не есть отрицаніе общественности, какъ полагаютъ многіе, но, наоборотъ, самая пламенная ея защита.

Анархизм. Алексей Алексеевич Боровой filosoff.org
Пересмотримъ, хотя б?гло, аргументы противъ общественности и за нее.

1) Наиболе распространенымъ и в?скимъ соображеніемъ противъ общественности было указаніе, что вс?, изв?стныя намъ досел?, историческія формы общественности ограничивали личность, не давая полного простора устремленіямъ.

Организованное общежитіе есть всегда н?который компромиссъ разнородныхъ индивидуальныхъ волей. Личность должна, вынуждена поступиться ч?мъ-то «своимъ», чтобы послужить «общему благу». Каждый жертвуетъ частью своей личной свободы, чтобы обезпечить свободу общественную.

Общество – неизб?жно вырабатываетъ свою волю, не совпадающую съ волей отд?льныхъ индивидуальностей, ставитъ ц?ли, далекія, быть-можетъ, ц?лямъ, принадлежащимъ личности, избираетъ средства къ осуществленію ц?лей, отвергаемыхъ индивидуальностью.

И вотъ открывается мучительный процессъ приспособленія, когда индивидуальность бываетъ вынуждена поступиться самымъ дорогимъ для нея, единственно важнымъ и святымъ, затаить свою правду, чтобы не породить диссонанса «средней», которую властно диктуетъ общественный союзъ, стоящій надъ личностью.

Правда, «общій уровень» массъ повышается съ чрезвычайной быстротой, но все-же, по наблюденію социологовъ, его ростъ относительно отстаетъ отъ роста индивидуальности.

Въ современныхъ условіяхъ общественности личность развивается, усложняется, дифференцируется несравненно быстр?е, ч?мъ дифференцируется ц?лое общество, масса, народъ. Пропастъ, д?лившая н?когда господъ и рабовъ, уже той пропасти, которая разд?ляетъ современную, утонченную въ интеллектуально-моральномъ смысл? индивидуальность отъ массы, несмотря на огромный безспорный прогрессъ также въ социально-экономической области, какъ и въ области просв?щенія.

Вожди и народъ стояли прежде психически ближе другъ къ другу, ч?мъ нын?. И это справедливо не только въ прим?неніи къ вождямъ, но и къ ц?лымъ классамъ современности. Не говоря о первобытной общин?, феодалъ среднев?ковья былъ ближе по кругозору, настроеніямъ и вкусамъ къ кр?постному, ч?мъ современный банкиръ къ рабочему, мелкому конторщику, или своему лакею.

И современное общество, не взирая на вс? его социально-политическія, экономическія, техническія завоеванія, является бол?е тяжелой формой гнета для отд?льной личности, ч?мъ какое-либо изъ ран?е существовавшихъ обществъ.

Оно – торжество «золотой середины». Деспотически подчиняетъ оно своимъ вел?ніямъ даже выдающуюся индивидуальность.

2) Помимо того, что подобное систематическое давленіе общественности на личность выражается въ неизб?жномъ пониженіи интеллектуальнаго уровня членовъ общественнаго союза, ибо высочайшіе духовные запросы индивидуальности могутъ остаться безъ удовлетворенія, разъ они идутъ вразр?зъ съ бол?е властными запросами середины, необходимо еще им?ть въ виду, что самыя, общественныя ц?ли – примитивн?е, проще ц?лей индивидуальныхъ.

Личность – безконечно бол?е сложна въ ея оригинальныхъ устремленіяхъ, ч?мъ общество, неизб?жно ставящее себ? ближайшія, бол?е грубыя, бол?е доступныя ц?ли. Общественныя ц?ли могутъ легко стать ц?лями даже и выдающейся личности. Но сколькимъ ц?лямъ лог?дней не суждено долго, а, можетъ быть, и никогда стать ц?лями общественными.

Эта «примитивность» общественныхъ ц?лей объясняетъ намъ также, почему коллективныя нормы, резолюціи, установленія поражаютъ насъ относительной б?дностью содержанія, почему, наприм?рь, парламенты, соединявшіе не разъ въ историческіе моменты то, что могло-бы съ полнымъ правомъ быть названо цв?томъ націи въ интеллектуальномъ смысл?, давали такіе жалкіе, такіе скудные плоды. Въ подобной работ?, ставящей себ? широко-общественныя ц?ли, заран?е принимается во вниманіе необходимость стереть въ общемъ р?шеніи все оригинальное, все личное, чтобы оно было доступно общему, неизб?жно, низшему уровню пониманія. И сколько-бы ни собрать большихъ людей, если имъ

Анархизм. Алексей Алексеевич Боровой filosoff.org
будет поставлена задача выработать некое общее решение, оно будет
всегда безвзвешенным, внятным, даже умственно убогим.

3) Несвобода личности идет еще далее.

В общественной в любой момент встают проблемы, вызываемые
техническими запросами общества, ни мало не интересующая личность, как
таковую. В обществе живут рядом – сословная и классовая противоречия,
интеллектуально-моральные антагонизмы между различными культурными слоями,
культурно-религиозные суеверия и культурно-религиозный нигилизм. Все это,
сталкиваясь, порождает могущественный хаос, в который вовлекается
личность, вопреки ее воле, независимо от оригинальных и органичных ей
стремлений. И она или гибнет в нем под гнетом чуждых ей проблем или
совершает огромную, ей ненужную работу. Сколько неожиданных трагедий
встает для личности на этом пути трагедий, – порожденных часто лишь
случайным внешним воздействием с другими...

Счастье той личности, проблемы которой совпадут с проблемами общества.
Так бывает часто с «талантом», превосходящим, по общему замечанию
Шопенгауэра, способности, но не понятия толпы. Он умеет угадать, сделать
своим то, что незримо ставится на очередь и предложить самостоятельное
решение прежде, чем косная обывательская мысль сознает необходимость
самого решения. Талант получить награду. Но гений, стоящий над понятиями
среды и над уровнем ее лавры, остается часто непонятым и отторгнутым.

4) Еще более мучительной для личности является обязанность для нее
руководиться нормами общественной нравственности.

Жизнь и творчество сознающей себя личности определяется нравственным
законом – не теми требованиями морали, о которых говорят классы,
политические партии и государство, а велениями того внутреннего божества,
без которого нет человеческой природы, и которое возвышает ее над всем
остальным органическим и неорганическим миром.

Эти веления, этот единственный нравственный закон заключается в
установлении полной гармонии между властными императивами своего «я» и
внешними поступками, внешним поведением личности.

Всякие попытки модифицировать деятельность, жертвуя внутренними
императивами, приводят к нарушению гармонии, уничтожают единство и
цельность личных устремлений, колеблют равновесие в нравственной природе
человека и потому являются безнравственными.

Можно говорить о их целесообразности, важности и даже необходимости, но
все эти соображения имеют внутренним источником не нравственные интересы
отдельного и самостоятельного «я», а побуждения среды – партии, класса,
толпы и т. д.

Коллективная психика, конечно, может подчинить и обусловить психику
индивидуальную: она может заставить ее пережить во имя общественной
целесообразности или даже нравственности такие чувства и настроения,
которые в данный момент совпадают с настроениями и чувствами автономной
личности. Но коллективная психика есть нечто лежащее вне личности; она
указует ей свои цели и свои средства. Подчиняя себя психику
индивидуальную, она требует у личности отречения от своего полного
чистого «я»; она не считается с душевными драмами личности, она
довольствуется ее внешним согласием, и раз последнее дано, коллективная
психика с полным удовлетворением впитывает в себя индивидуальную, как
равноправного члена.

Над нравственностью «я», нравственностью личности вырастает новая
нравственность, подчиняющаяся иным законам, чем та, о которой мы
говорили выше. Эта новая нравственность, стоящая над личностью, в
значительной мере и вне ее, легко и свободно мирится с компромиссами и
уступками, на которые должна идти каждая отдельная личность в угоду ей.
Она не видит и не желает знать трагедии отдельного человеческого
существования, она не желает знать индивидуальной правды, она знает
только – коллективную правду.

Но коллективная правда есть ложь! Ради нее личность отказывается от
полноты своей субъективной правды, ради нее она смиряет свои смелые

Анархизм. Алексей Алексеевич Боровой filosoff.org
порывы, ибо психика массы всегда консервативна!

Коллективная правда – грубая совокупность отдельных человеческих правд со всеми урезками и уступками, необходимыми для примирения всех. Она – насилие, ибо она есть грубое воздействие одних на других. И автономная личность не может с нею мириться, ибо только в себе чувствует для себя законный источник нравственного.

5) Т? опасности общественности, о которых мы говорили до сих пор – самоочевидны. Но есть иные, более грозные, о самом существовании которых многие не подозревают.

И к? ним? относится прежде всего неизбежный психологический факт, что общественная санкция в наших глазах является единственным критерием истинности наших утверждений.

Мы только что констатировали возможность жесточайших антагонизмов между личностью и обществом, – мы знаем, что антагонизмы эти могут обостряться в такой м?р?, что личность не только не ищет общественного признания своих открытий, но а priori отвергает за обществом какое либо право оц?нивать или судить ее творческие устремления. Но это гордое отъединение, это презрение к? суду масс?, суду народа есть разрыв, только кажущийся.

В наиболее категорическом смысле, он может быть еще разрывом с данной формой общественности... Но... какой смысл мог бы быть заключен в наши утверждения, в наше творчество, если бы в нас не жила твердая уверенность, что придет день, когда творчество наше заразит других, всех, когда в?ра наша станет в?рою других и восторжествует та правда, которую испов?дуем мы.

Следовательно, вся деятельность наша направляется сознанием, что она имеет не только ц?нность с нашей личной точки зрения, но что она есть определенная ц?нность и в общественном смысле. Наше дело может быть отвергнуто современным нам обществом, может быть им признано вредным, но оно в наших глазах освящается упованием, что общество или откажется от своей несправедливой оц?нки нашего дела или что позднее найдется достойного и справедливого судью в посл?дующих поколениях. Иного м?рила истинности своих утверждений личность не знает.

Так вырастает над? ней судия, которому рано или поздно, но неизбежно предстоит произнести приговор над? творчеством каждого.

6) Есть еще одна тяжелая зависимость личности от общества, обычно остающаяся неосознанной.

Когда общество, ограничивает нас систематически в свободах наших проявлений, подм?няет наши ц?ли своими, рекомендует, а чаще навязывает пользование, лишь им одобренными средствами, оно убивает в известной м?р? нашу личную инициативу и этим культивирует в личности чувство безответственности.

Именно, на этой почве ограничения и подавления личной самостоятельности, рождается у личности стремление слагать с себя ответственность и за свои собственные акты и за т? общественные несовершенства, которых она является свидетелем. Вина возлагается на партию, среду, общество, народ. Личность же оказывается безвольной игрушкой, или сл?пым исполнителем общественных вел?ний.

7) Наконец, в этом изследовании антиномий, разд?ляющих общество и личность, должно найти себе место указание, частью методологического характера, но сохраняющее чрезвычайную важность для индивидуалистического мирозерцания – указание на отсутствие подлинной реальности у общества, как такового.

Подлинной самоочевидной реальностью – является личность. Только она имеет самостоятельное нравственное бытие, и позднее не может быть выводимо из порядка общественных взаимоотношений.

Правда, известны утверждения противоположного характера.

Основное историко-философское положение гегелианства заключается – в

Анархизм. Алексей Алексеевич Боровой filosoff.org
совершенномъ подчиненіи своеобразныхъ личностей моменту ихъ слиянія въ общественности, въ поглощеніи начала личнаго началомъ общественнымъ, въ утвержденіи самостоятельности послѣдняго, признаніи его абсолютнымъ, наконецъ, въ апофеозѣ «государства» и «народа». Въ нихъ гегеліянство примиряетъ свободу и необходимость, въ нихъ его Міровой Абсолютный Духъ достигаетъ своего самосознанія; они, наконецъ, опредѣляютъ волю индивидуальности, влагаютъ въ нее реальное содержаніе, поставляютъ себя высшимъ, единственнымъ критеріемъ нравственности для ея устремленій.

Экономическій матеріализмъ, оставляя въ сторонѣ раздирающія его противорѣчія и опредѣленно-прагматическій характеръ его отдѣльныхъ утвержденій, хоронитъ личность въ угоду мистической реальности общественныхъ образованій, создаетъ себѣ фетишь – производственныхъ отношеній.

Наконецъ, есть писатели, которые, исходя изъ представленій объ обществѣ, какъ своеобразномъ, автономномъ, имѣющемъ собственныя законы «активномъ процессѣ», не вдаваясь въ вышеуказанныя крайности, утверждаютъ тѣмъ не менѣе общественность, какъ реальность *suī generis*.

Такъ французскій соціологъ – Дюркгеймъ полагаетъ, что «коллективныя наклонности имѣютъ свое особенное бытіе; это – силы настолько же реальныя, насколько реальны силы космическія, хотя онѣ и различной природы». Это – «реальности *suī generis*, которыя можно измѣрять, сравнивать по величинѣ». И Дюркгеймъ думаетъ, что здѣсь можно говорить о «психическомъ существѣ новаго типа, которое обладаетъ своимъ собственнымъ способомъ думать и чувствовать». И такъ какъ «коллективныя представленія обладаютъ совершенно иной природой, чѣмъ представленія индивидуальныя», то и «соціальная психологія имѣетъ свои собственные законы, отличающіеся отъ законовъ психологіи индивидуальной».

Возраженіе, что общество внѣ лицъ не существуетъ, что въ обществѣ нѣтъ ничего реальнаго, происходящаго внѣ индивида, Дюркгеймъ отводитъ ссылкой на наличность чувства у многихъ индивидуальностей, представляющихъ себѣ общество, какъ «противодѣйствующую имъ и ограничивающую ихъ силу», а также указаніемъ на то, что «коллективныя состоянія существуютъ въ группѣ... раньше, чѣмъ коснутся индивида, какъ такового, и сложатся въ немъ въ новую форму чисто внутренняго психическаго состоянія».

Итакъ, существуютъ факты, явленія, «характерныя черты которыхъ отсутствуютъ въ элементахъ, ихъ составляющихъ». Таковы, напр. религія – образъ мышленія, присущій только коллективному существу, право (совокупность нормъ и совокупность правоотношеній), наконецъ, такія соціальныя явленія, какъ архитектурный типъ, орудія транспорта и пр.

Это разсужденіе, какъ всѣ ему подобныя, безспорно, покоится на недоразумѣніи. Несомнѣнно, что въ преломленіи нашего индивидуальнаго сознанія общество представляется моментомъ, надѣленнымъ всѣми атрибутами реальности, своеобразнымъ качествомъ, имѣющимъ свою психологію, свои специфическія силы, выражающимъ свою волю, утверждающимъ свои нормы. Отсюда возможность научно построить – ученіе объ общественномъ организмѣ и даже усматривать въ обществѣ – самостоятельную нравственную субстанцію.

Однако, утверждать реальность за общественностью значило бы идти противъ самоочевидности.

Какъ не было и не могло быть общественности, сложившейся внѣ людей, такъ не было и не можетъ быть ни одного общественнаго момента, который своимъ существованіемъ и своимъ развитіемъ не былъ-бы обязанъ личной инициативѣ и личному творчеству. Общественность всегда есть продуктъ личной воли, каковы-бы ни были мотивы, лежащіе въ основѣ ея. И прежде чѣмъ какой либо фактъ становится фактомъ общественности, онъ долженъ быть выявленъ чѣмъ-либо личнымъ сознаніемъ и долженъ быть выраженъ въ чѣмъ-либо личномъ трудѣ. Мы не знаемъ иного способа зарожденія общественнаго факта. Фактъ индивидуальный, фактъ личности или личностей, усвоенный общественностью, испытавшій на себѣ разнообразныя скреживающіяся вліянія, приобретающій специфическій характеръ, становится чисто «соціальнымъ», и ему постепенно начинаютъ приписывать самостоятельную субстанцію, обращая его въ фетишь – мистическую, непознаваемую «реальность».

Личность – всегда *prīus*. Общественность – всегда ея производное. И реальна

Анархизм. Алексей Алексеевич Боровой filosoff.org
только личность – в совокупности ее психофизических особенностей, переживаний, устремлений, в своеобразии их индивидуального комплекса – единственном неповторимом. Общественность – реальна отраженным свѣтомъ, свѣтомъ реальной личности.

Быть-можетъ, в социологической литературѣ, вопросъ этотъ никѣмъ не былъ такъ широко поставленъ и такъ всесторонне освѣщенъ, какъ П. Л. Лавровымъ, который в цѣломъ рядѣ сочиненій дѣлаетъ его центромъ своихъ изслѣдованій.

«...Личность лишь тогда – писалъ онъ в своихъ «Историческихъ письмахъ» – подчиняетъ интересы общества своимъ собственнымъ интересамъ, когда смотритъ на общество и на себя, какъ на два начала, одинаково реальныя и соперничающія в своихъ интересахъ. Точно такъ же поглощеніе личности обществомъ можетъ имѣть мѣсто лишь при представленіи, что общество можетъ достигать своихъ цѣлей не в личностяхъ, а в чемъ-то иномъ. Но и то, и другое – призракъ. Общество внѣ личностей не включаетъ ничего реальнаго... Общественныя цѣли могутъ быть достигнуты исключительно в личностяхъ..

«...Индивидуализмъ... становится осуществленіемъ общаго блага помощью личныхъ стремленій, но общее благо и не можетъ иначе осуществиться. Общественность становится реализованіемъ личныхъ цѣлей в общественной жизни, но онѣ и не могутъ быть реализованы в какой-либо другой средѣ». (письмо шестое). [4]

И в другихъ сочиненіяхъ онъ развиваетъ тѣ же мысли: «...Реальны в исторіи лишь личности; лишь онѣ желаютъ, стремятся, обдумываютъ, дѣйствуютъ, совершаютъ исторію» (Введеніе в исторію мысли), «...Общества имѣютъ... реальное существованіе лишь в личностяхъ, ихъ составляющихъ...» (Задачи пониманія исторіи), «...Вообще реальны лишь особи...» (Тамъ-же).

Но признавъ личность – основнымъ творцомъ общественности и ея исторіи, понимая самую общественность, какъ определенную связность реальныхъ «мыслящихъ, чувствующихъ, хотящихъ» личностей (виндельбандъ), мы тѣмъ менѣе можемъ смотрѣть на общественность, какъ на объектъ одностороннихъ посягательствъ.

Только неограниченный индивидуализмъ, усматривающій в ней самостоятельную реальность, можетъ направлять на нее свои отравленныя стрѣлы.

Реалистическій анархизмъ – именно потому, что общественность есть продуктъ творческой воли личности – долженъ «оправдать» ее.

Анархическое міровоззрѣніе полагаетъ, что в общественной подлинное освобожденіе можетъ найти свою опору.

Неограниченный индивидуализмъ ведетъ къ «дурной свободѣ».

Изслѣдуемъ же аргументы, которыми защищается общественность.

1) Прежде всего общество, какъ извѣстный порядокъ взаимоотношеній живыхъ существъ – есть постоянный историческій фактъ. Человѣкъ на всѣхъ ступеняхъ его историческаго развитія есть существо общественное (zoön politikon). Уже изъ основного факта человѣческой природы – акта рожденія, вытекаетъ съ необходимостью моментъ сосуществованія старшихъ поколѣній съ младшими для выращиванія послѣднихъ и для разнообразныхъ формъ симбіоза в цѣляхъ взаимопомощи.

Мы не знаемъ изолированныхъ людей, за исключеніемъ аскетовъ и робинзоновъ, но и тѣ были продуктомъ общественности. «Даже уединенный отшельникъ – хорошо сказалъ Виндельбандъ – в своей духовной жизни определенъ обществомъ, которое его создало, и вся жизнь Робинзона покоится на остаткахъ цивилизаціи, изъ которой онъ былъ выброшенъ в свое одиночество. Абстрактный «естественный» человѣкъ не существуетъ; живетъ лишь историческій, общественный человѣкъ».

Патетическія строки посвящаетъ «соціальному» Бакунинъ: «Человѣкъ становится человѣкомъ и достигаетъ сознанія и осуществленія своей человѣчности, лишь в обществѣ и единственно коллективнымъ дѣйствіемъ всего общества... внѣ общества человѣкъ вѣчно остался бы дикимъ звѣремъ или святымъ, что, в сущности, приблизительно одно и то-же. Изолированный человѣкъ не можетъ

Анархизм. Алексей Алексеевич Боровой filosoff.org
иметь сознания своей свободы... Я могу себя считать и чувствовать свободным лишь в присутствии и по отношению к другим людям.... Общество предшествует и переживает всякого человеческого индивидуума, как сама природа; оно вечно, как природа... Полное возмание против общества для человека столь же невозможно, как возмание против природы...» и, наконец: «Спрашивать, является ли общество добром или злом, столь же невозможно, как спрашивать, является ли добром или злом природа, всемирное, материальное, реальное, единое, всевышнее, абсолютное существо; это нечто большее, чем добро или зло; это безмерный, положительный и первичный факт, предшествующий всякому сознанию, всякой идее, всякой интеллектуальной и моральной оценке, это основа, в которой позже фатально развивается для нас то, что мы называем добром или злом». («Бог и Государство»).

2) На всех ступенях развития живых существ общественность является продуктом немолчаливого инстинкта самосохранения.

В наше время уже довольно поколеблено то ортодоксальное понимание дарвинизма, согласно которому весь жизненный процесс сводится к неограниченной и беспощадной борьбе за существование – борьбе, понимаемой, как взаимоуничтожение, истребление.

Кесслер, Тимирязев, Кропоткин, Эпинас, опираясь на самого Дарвина, предостерегающего своих последователей от переоценки и искажения его термина «борьба за существование», указали, что самая «борьба за существование» не является постоянным фактом существования каких-либо особей одного вида, а возникает между ними лишь тогда, когда условия среды недостаточны, чтобы обеспечить им существование. Таким образом, возможность мира при наличии благоприятных условий не исключается. Уже Дарвин указывал на роль общественности, а Эпинас прямо утверждает, что нечто почти живых существ, не вступающих хотя бы в кратковременные союзы с другими особями того же вида. Повсеместность социального существования есть таким образом факт бесспорный.

И это не все. Позже удалось подметить и доказать, что индивидуальные приспособления особи обычно уступают место социальной приспособляемости, т.е. на лицо выступают определенные преимущества, хотя бы индивидуально и более слабых, но более восприимчивых и социально объединенных особей. При этом наблюдении установили замечательный факт постепенного вытеснения и совершенного исчезновения индивидуума в случаях антагонизма его жизненных интересов интересам вида. Место нежизнечивого индивидуума занимает другим более приспособленным. Именно на этом основании многие биологи признают, что выигрыш для любой индивидуальности, в смысле обеспечения ее прав на существование, в обществе – огромен.

Таким образом, выживают или побуждают не наиболее сильные индивидуально, агрессивные, приспособленные к борьбе организмы, а более слабые, но более тесные, более социальные. Торжество социальной помощи, перед чисто индивидуалистическим захватом, – прочный биологический факт. Естественный отбор – на стороне социальных особей.

В известных «Очерках о взаимопомощи» Кропоткин показал – как в «бесчисленных сообществах животных исчезает борьба между отдельными индивидуальностями из-за средств существования и борьба заменяется кооперацией».

И Кропоткин утверждает, что те общества, которые будут заключать наибольшее количество членов, наиболее симпатизирующих друг другу, будут и наиболее процветать и оставлять наибольшее количество потомков».

Так «взаимопомощь» становится таким же законом животной жизни, как и взаимная борьба. И человек не является исключением в природе. Он также подчинен великому инстинкту самосохранения, а следовательно, стремится к общественности и взаимопомощи, гарантирующим наилучшие шансы выжить и оставить потомство. Разнообразные формы кооперации и разные типы профессионального движения, есть проявление в социальном плане закона взаимопомощи, видоизменяющего биологический принцип «борьбы за существование».

И самая культура, следовательно, есть лишь система средств, которыми общественность стремится утолить изначальный инстинкт самосохранения.

Для изолированного человека культура – невозможна, не только как представление, но и технически. Невозможны ее основные предпосылки, как язык, групповая взаимопомощь и пр.

Язык, семья, отечество – сверхиндивидуальны. «Эти три основные образования – пишет В. Соловьев – несомненно, суть частные проявления человека, а не индивидуального человека, который, напротив, сам от них вполне зависит, как от реальных условий своего человеческого существования». («Идея человека у Огюста Конта»). «Язык – читаем мы у авторитетного русского лингвиста Потебни – развивается только в обществе, и притом не только потому, что человек есть всегда часть целого, к которому принадлежит, именно своего племени, народа, человека, не только вследствие необходимости взаимного понимания, как условия возможности общественных предприятий, но и потому, что человек понимает самого себя, только испытав на других людях понятность своих слов». «Лишь в общении человек научается слову» – говорит также С. Трубецкой – и «убивается во всеобщем логическом значении своего разума».

Этот инстинкт самосохранения связан, поэтому, уже с первых шагов человеческого существования, с инстинктом стадности, о котором говорят все антропологи.

У английского ученого Мак-даугола («Основные проблемы социальной психологии») мы находим любопытные рассуждения о стадном инстинкте, не требующем для своего проявления в простейшей форме «каких-либо высоких душевных качеств, никакой симпатии или склонности к взаимной помощи». Мак-дауголл считает для антропологии доказанным существование стадного инстинкта у первобытного человека. Но он указывает также на разнообразия и весьма любопытные проявления его у цивилизованных людей нашего времени. Он отмечает «ужасающую и пагубную роль» современных городов, даже тогда, когда это прямо не диктуется экономическими условиями; он отмечает склонность современной администрации всячески поощрять этот стадный инстинкт и приходит к заключению, что «при значительной свободе образования агрегации современных наций его непосредственное действие способно дать уклоняющиеся от нормы и даже вредные результаты». Наконец, из стадного инстинкта, повидимому, вырабатывается и то чувство «активной симпатии», принимающее весьма многочисленные и разнородные формы у современного человека, которое необходимо предполагает общение.

Своеобразной иллюстрацией влияния общности на сохранение индивидуальности, обреченной на гибель в условиях более или менее изолированного существования, могло бы служить указание хотя бы на факт самоубийства в современном обществе. Общеизвестно, что культурные народы современности с замечательной правильностью, характеризующей все социальные явления, дают из года в год определенный процент самоубийств. Среди многочисленных исследований, посвященных изучению причин этой таинственной закономерности, следует особо выделить замечательный труд французского социолога Дюркгейма – «Самоубийство». После всестороннего, тщательного анализа разнообразных факторов, вызывающих факт самоубийства – религиозных, экономических, правовых, политических и пр., Дюркгейм приходит к выводу, что «число самоубийств изменяется обратно пропорционально степени интеграции религиозного, семейного, политического общества», или, другими словами, «число самоубийств обратно пропорционально степени интеграции тех социальных групп, в которые входит индивид». Крайний индивидуализм, отрицающий иных стимулов, кроме стремления к немедленной реализации своей воли – по мнению Дюркгейма – не только благоприятствует деятельности причин, вызывающих самоубийства, но может считаться одной из непосредственных причин такого рода. Наоборот, общность, вырабатывающая чувства симпатии и солидарности – даже и при современных, в высшей степени несовершенных (экономически и морально) формах ее организации – является могучим средством защиты против общераспространенной и, повидимому, пока неустранимой тенденции к самоубийству. [5]

Таким образом, общность является неизбежным продуктом неискоренимого в нас инстинкта самосохранения.

3) общность помимо утоления нашего инстинкта самосохранения – представляет еще одну специальную выгоду для развития и совершенствования

Анархизм. Алексей Алексеевич Боровой filosoff.org
нашей индивидуальности – выгоду «большого числа».

В настоящее время является бол?е или мен?е общепризнанным, что увеличение разм?ровъ соціального круга является чрезвычайно благоприятным, какъ для развитія индивидуальных способностей, такъ и для повышенія общаго уровня самого общежитія.

«Въ обширномъ соціальномъ кругу – пишетъ, наприм?ръ, Зиммель – обыкновенно встр?чается большее или меньшее число выдающихся натуръ, которыя д?лають борьбу для слаб?йшихъ непосильной, подавляютъ ихъ и т?мъ самымъ повышаютъ общій уровень даннаго соціального круга». («Соціальная дифференціация»).

Съ другой стороны, только большое общество можетъ обезпечить далеко идущую дифференціацию занятій и, непосредственно связанную съ ней, дифференціацию способностей. Только широкому соціальному кругу – подъ силу выростить и образовать многограннаго челов?ка современности съ его всеобъемлющимъ кругозоромъ и яснымъ пониманіемъ задачъ міровой культуры. [6]

Высоко дифференцированной личности т?сно въ небольшомъ кругу. Подъ опасеніемъ задохнуться и поставить пред?ль дальн?йшему развитію своихъ особенностей, индивидуальность выбрасывается за пред?лы, не дающей простора ея силамъ, общественной группы въ поискахъ за бол?е широкимъ дифференцированнымъ кругомъ. Мощная личность нуждается въ необозримомъ матеріал? для своего творческаго «д?ла». И ареной ея исканій можетъ быть ц?лый міръ.

Довольно прим?ра современной крошечной швейцаріи съ ея ограниченнымъ географическимъ масштабомъ, съ ея м?щанскимъ бытомъ и узкимъ кругозоромъ, чтобы вид?ть, какъ крупная индивидуальность, родившаяся въ ея пред?лахъ, движимая силой безошибочнаго инстинкта, оставляетъ отечество и б?жить въ сос?днія большія страны. А восл?дъ ей несутся обывательскіе крики о черствости и неблагодарности къ «своимъ».

4) Какъ общественности обязаны мы сохраненіемъ и посл?довательнымъ усовершенствованіемъ – въ смысл? приспособленія къ новымъ, бол?е сложнымъ задачамъ челов?ческаго существованія – нашего физическаго типа, такъ мы ей обязаны и т?мъ, что является самымъ дорогимъ для насъ въ нашей природ? – одушевляющими насъ нравственными идеалами.

Мораль также, какъ нашъ языкъ, какъ наша логика – им?етъ соціальную природу. Понятіе оц?нки, понятіе идеала, какъ и все содержаніе нашей морали, выростаютъ на почв? борьбы личности за свою свободу, борьбы, предполагающей соціальную среду. Сл?довательно, самые пламенные протесты анархистскаго міровоззр?нія, противъ общественнаго деспотизма, т? осл?пительныя перспективы, которыя рисуются намъ при мысли, что когда-нибудь падутъ посл?днія общественныя оковы, все-же порождены принадлежностью нашей къ общественной сред?. И не только отрицанія наши, но и самая см?лая утвержденія наши неизб?жно строятся на матеріал?, который даетъ многов?ковая челов?ческая культура. Общественность есть – гигантскій возбудитель нашихъ моральныхъ устремленій. Ей принадлежитъ заслуга пробудить въ насъ то, что единственно намъ дорого въ нашемъ челов?ческомъ существованіи – творческую волю къ свобод?!

5) Новымъ и, быть-можетъ, наибол?е значительнымъ аргументомъ въ защиту общественности является указаніе на то, что каждая автономная личность, каждое самоопред?ляющееся «я» – въ его ц?ломъ – есть прежде всего продуктъ общественности.

Кто можетъ изъ насъ сказать – какую часть нашего «я» мы обязаны себ? и только себ? и что дала намъ исторія и современная общественность? Какъ опред?лить въ образованіи нашей личности роль нашихъ индивидуальных усилий, какъ учесть вліяніе на нее рода, школы, друзей, творчества всего предшествовавшего челов?чества.

Съ момента нашего явленія на св?тъ и особенно съ момента, когда открывается наша сознательная жизнь, мы пріобщаемся къ огромному фонду в?рованій, мыслей, традицій, практическихъ навыковъ, добытыхъ, накопленныхъ и отобранныхъ предшествующимъ историческимъ опытомъ. И такъ же, какъ культурный опытъ научилъ насъ наибол?е экономичными и в?рными средствами оберегать физическій нашъ организмъ, такъ, сознательно и безсознательно, усваиваемъ мы тысячи готовыхъ способовъ возд?йствія на нашу психическую

Анархизм. Алексей Алексеевич Боровой filosoff.org
организацию. И прежде чем отдельное «я» получить возможность свободного, сознательного отбора идей и чувств, близких его психофизической организации, оно получить не мало готовых целей и средств к их достижению из лаборатории исторической общественности.

Нашему живому опыту предшествует опыт людей давно умерших и их могилы продолжают говорить нам. Они говорят о порывах и творчестве наших предков, о наследстве, оставленном нам. Мы окружены их дарами, не сознавая часто, какия гигантския усилия воли были отданы на завоевание вещей – сейчас нам столь необходимых и всем доступных. Истреблялись племена и народы, исчезали целыя поколенья, зажигались костры, ставились памятники – и весь этот необъятный опыт отдан нам. И незаметно для нас он овладевает нами, он подсказывает нам наши мысли, пробуждает наши чувства, определяет наши действия.

И уже один факт принадлежности к определенной общественной группе, известному народу или эпохе, независимо от нашего личного участия в их творческой работе, нас совершенствует. Подобно владельцу недвижимости в городе, получающему «незаслуженный прирост ценности», благодаря техническому преуспению города или росту его населения, принадлежность наша к известному обществу дарит нас грандиозными интеллектуально моральными завоеваниями, далеко превосходящими наши личные силы.

Так, прежде чем проснулся в нас наш критический дух, мы оказываемся в плену чужих представлений, чужих утверждений, то несущих нам радости, то трагически терзающих нас.

И, если в нас не встанет творец, чужие призраки овладеют нами и мы будем нести их ярмо, не сознавая себя рабами.

Но каждый из нас может и должен быть свободным; каждое «я» может быть творцом и должно им стать. Переработав в горниле своих чувствований то, что дают ему другие «я», то, что предлагает ему культурный опыт, сообщив своему «делу» нестираемый трепет своей индивидуальности, творец несет вечно растущий человеческий фонд свое, новое и так влияет на образование всех будущих «я».

Разв этот непрерывный рост человеческого творчества, где – прошлое, настоящее и будущее связаны одним бушующим потоком, где каждое мгновение живет идеей вечности, где всему свободному и человеческому суждено бессмертие, где отдельный творец есть лишь капля в вздымающемся океане человеческой воли – не родить – могучаго оптимистического чувства? Именно в идеях непрерывности и связности почерпали радостный свой пафос знаменитыя системы оптимизма – Лейбниц, Гердер.

Гердеровская идея прогресса – есть идея осуществления «человечности» (Humanität, Edle Menschlichkeit), постоянного движения к общей связанности всех и слиянию природы и культуры в одном целом.

Разв подобное учение, обращенное ко всем народам, как отдельным самостоятельным индивидуальностям, призывает связать творческие порывы отдельных поколений в одушевленное общее стремление, не есть подлинно анархическое учение? [7]

б) Серьезным аргументом в защиту общественности является факт непрерывного – в интересах личности – прогресса самой общественности.

Мы говорили уже выше о неизбежности рабской зависимости организатора от организуемых, вождя от стада; мы знаем о трагической необходимости для каждой индивидуальности соглашать свою «правду» с «правдами» других и строить, таким образом, «среднюю», для личности мучительную и ложную «правду».

Мы знаем, как неудержимо еще стремление и у современной индивидуальности игнорировать «я», как таковое, попирая чужое «я». Современная индивидуальность еще не останавливается ни перед гекатомбами из чужих устремлений, ни перед существованием рабов.

Но, как говорил еще Фейербах, история человеческого общества есть история постепенного расширения свободы личности.

Анархизм. Алексей Алексеевич Боровой filosoff.org
Процессъ ея раскр?пощенія шель стихійной силой.

Прежде всего самое развитіе общественности несло освобожденіе своему антагонисту. Крупные политическіе перевороты, революціи были одновременно новыми завоеваніями личныхъ правъ. Декларациі, кодексы оставались ихъ памятниками. Такъ ран?е другихъ съ возв?щеніемъ свободы сов?сти пали религіозныя путы.

Правда, ростъ культуры есть вм?ст? ростъ задачъ общественнаго союза. Полномочія его расширялись и онъ закр?плялъ свои позиціи жел?зной организаціей. Такъ – разростаніе общественности, или, какъ ея выраженія, государственной д?ятельности, знаменуется постояннымъ ростомъ бюджета.

Но, съ одной стороны, простого наблюденія политической д?йствительности довольно, чтобы вид?ть, что ростъ общественной власти, за счетъ личныхъ правъ, нын? возможенъ и терпимъ лишь въ области экономической. Вн?шнія организаціи, загромождающія новый міръ и пугающія насъ призраками новыхъ формъ закр?пощенія, создаются почти исключительно въ хозяйственныхъ ц?ляхъ.

Съ другой стороны, именно въ усложненіи общественности, рост? ея функцій и органовъ – лежитъ залогъ дальн?йшаго освобожденія индивидуальности. Пржнее общество поглощало личность, ибо посл?дняя принадлежала ему вс?ми сторонами своего существованія. Контроль общественности былъ неизб?женъ, да и самое благополучіе личности завис?ло всец?ло отъ благосклонности коллектива.

Эта централизующая сила, порожденная живыми реальными потребностями, въ наши дни бол?е не можетъ быть оправдана и м?сто ея занимаетъ противоположная тенденція – центроб?жная.

Современный коллективъ къ тому-же слишкомъ обширенъ, чтобы опекать каждую личность. Личность находится съ нимъ въ самыхъ разнообразныхъ соотношеніяхъ и уже эта многочисленность связей позволяетъ личности ускользнуть отъ опеки и б?жать кабалы неизб?жной въ однородности примитивнаго общества. Ростъ социально-экономической дифференціаціи есть, такимъ образомъ, одновременно и ростъ автономіи личности. Прогрессъ общественности становится процессомъ непрерывнаго освобожденія личности и, сл?довательно, ея собственнаго прогресса.

Наконецъ, многообразіе современной личности д?лаетъ р?шительно невозможнымъ удовлетвореніе ея запросовъ собственными средствами. И прогрессирующая общественность приходитъ ей на помощь. Она даетъ личности – транспортъ, дворцы и парки, школу, музей, библіотеку.

Прогрессъ общественности и личности заключается въ углубленіи ихъ взаимод?йствія.

7) Всесторонняя оц?нка общественности не можетъ не поставить передъ нами и проблемы великихъ людей.

Какъ возможенъ вообще великій челов?къ: геній, вождь, герой, выдающаяся индивидуальность?

Не есть-ли геній въ его своеобразіи, оригинальности его ц?лей и средствъ, въ его видимой враждебности всему «социальному» – уже самъ по себ? наибол?е яркое отрицаніе общественности? Что связываетъ съ ней великаго челов?ка, если она ему готовитъ обычно трагическую судьбу – быть непонятымъ, часто гонимымъ. Ч?мъ обязанъ онъ общественности, если сущность его индивидуальности и его творческой воли – является живымъ опроверженіемъ его психическихъ критеріевъ и ея воспитательныхъ приемовъ?

Кому обязаны ихъ геніемъ – Сократъ, Галилей, Э. По, Толстой, «своей» общественности, міровой культур? или только самимъ себ??

Что подтверждаютъ они? Или они – совершенное исключеніе въ рядахъ общественной законом?рности, дарвиновская «счастливая случайность»?

Я полагаю – н?тъ! Геній – великая челов?ческая радость, великій братъ, который творческимъ гор?ніемъ своимъ пріобщаетъ насъ в?чности и т?мъ даетъ самое большее доказательство любви, какое вообще можетъ быть дано челов?комъ! Черезъ творческой полетъ генія связываемъ мы себя со вс?мъ нашимъ прошлымъ и будущимъ, въ геніи постигаемъ наши возможности, геніемъ

Анархизм. Алексей Алексеевич Боровой filosoff.org
можем оправдать нашу общественность.

Именно гений и есть величайшее торжество общественности, ибо что иное гений, как не синтез всего, что смутно предчувствуется, бродит, и не находит себя формы в самой среде, взростившей гения? Гений – живой, органической, своеобразный синтез, способность в многогранной восприимчивости объять все, доступное другим лишь по частям. Отсюда тот восторг и преклонение, которым встречают дело гения вс?, кто узнает в нем свои тайные предчувствия и в совершенной форме познает свои собственные стремления. Отсюда глумление и ненависть вс?хъ т?хъ, кто инстинктивно чувствует в гении способность встать над уровнем среды и, пренебрегая вс?м условным и относительным, выявить в творчестве своем элементы в?чнаго – говорить не только о настоящем, но приподнять зав?сы будущего!

Так только может понимать гения анархистское мировоззрение.

Так определял гения анархист-философ – Гюйо. «Гений – пишет он в изследовании «Искусство с точки зрения социологии» – быть может, больше других представляет ineffabile individuum и в то же время он носит в себе как-бы живое общество... Способность отделяться от своей личности, раздвояться, обезличиваться, это высшее проявление общительности (Sociabilite) ...составляет самую основу творческого гения»...

Бакунин также понимал гения, как продукт общественности: «..Умь величайшаго гения на земле не есть-ли что иное, как продукт коллективнаго, умственнаго, и также и технического труда вс?хъ отживших и нын? живущих поколений?... Челов?къ, даже наиболее одаренный, получает от природы только способности, но эти способности умирают, если он? не питаются могучими соками культуры, которая есть результат технического и интеллектуального труда всего человечества».

Существует убеждение, что дело гения – за пределами общественности, что судьбы посл?дней должны быть ему безразличны, что творчество его – его личная необходимость, условие его личного здоровья и благополучия. Гений не растрчивает своего гения, своего «священного огня» на «жалкий род, глупцов», «жрецов минутнаго, поклонниковъ усп?ха». По слову Гёте, гений должен строить выше пирамиду своего бытия и оставаться там в творческом единении гения. Он должен следовать призывам Пушкина:

Подите прочь – какое дело
Поэту мирному до васъ!
или:

Ты царь – живи одинъ. Дорогой свободной
Иди, куда влечет тебя свободный умъ,
Усовершенствуя плоды любимых думъ,
Не требуя награды за подвигъ благородный.
Анархизм отвергнет этот мечтательный и себялюбивый индивидуализм.

Кто стремится к свободе, кто в творчестве утверждает свой идеал, не может любить только свое, но должен любить человеческое. Как могут быть ему безразличны судьбы другого человека, освобождение его, его творчество? Как можно запереть гения в самовлюбленный аристократический цех с в?земными желаниями? Отнять гения у людей – значит, оскотить избранника.

Правду говорил Крагъ: уединиться – не значит уйти от жизни. Узник в окопах разв? не живет более бурно, чем всадник на б?шенном коне? Монахи из окон монастыря видят жизнь, красные розы, белые женщины, сладострастие. Такая борьба – непосильна. Они устают и думают лишь об общей гибели – гибели земли, угасании луны и солнца.

Аскез гения есть легкомысленная боязнь жизни, а не мудрость. Мудрость должна знать и объять все. И ей учить только жизнь. Монастырь рождает соблазны и истощающие крайности.

В чем божественный смысл призвания избранника, как не в благов?стии свободы? Как может чувствовать избранник себя свободным, если есть рабы?

И мудрый среди мудрых, человек во всем, Пушкин знал это.

Пусть написаны имъ вышецитированныя строки. Но надо помнить его «Деревню». Надо помнить его «Пророка»:

«...Обходя моря и земли,»
«Глаголомъ жги сердца людей!»
Это-ли призывъ къ самооскопленію? Есть значить – Богъ, совѣсть, нравственный долгъ, зовущій къ человѣку, освобожденію его? Есть силы, устремляющія уже свободнаго пророка къ его еще несвободнымъ братьямъ.

Но лучше взять итоги всей жизни поэта. Они – въ геніальной парафразѣ Горация:

«...И долго буду тѣмъ любезенъ я народу»,
«Что чувства добрыя я лирой пробуждал».
И замѣчательно, что въ первоначальномъ черновомъ наброскѣ поэтъ говорилъ иначе:

«...И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,»
«Что звуки новые для пѣсень я обрѣлъ».
Но формула эта казалась поэту недостойной его, какъ человѣка и поэта, и вѣнецъ дѣятельности своей онъ нашель въ томъ, что не замкнулся въ одиночествѣ.

И такъ должно быть! Истинно свободный, послѣдовательно, до конца идущій человѣкъ не можетъ отказаться отъ человѣка. Чѣмъ выше призваніе его, тѣмъ менѣе можетъ оно заключать презрѣнія къ человѣку и его цѣлямъ. Презрѣть ихъ – значило бы презрѣть самую человѣческую природу, значило бы впасть въ самый тяжкій человѣчeskій грѣхъ. «Міръ и мы одно – поучаетъ мудрый Тагоръ. – Выявляя себя, мы служимъ міру, спасаемъ міръ, спасаемъ другіе «я».»

Нѣтъ формулы болѣе скомпрометированной, болѣе фальшивой, чѣмъ формула – «общее благо». Но для вождя она должна звучать иначе. Его свобода и радость – въ свободѣ и радости другихъ. Упраздненіе рабовъ – и обезпеченіе «общаго блага» – такая же необходимая предпосылка подлиннаго индивидуалистическаго міросозерцанія, какъ совершенный индивидуализмъ есть условіе свободной общественности.

Подведемъ итоги.

Взвѣсивъ доводы – за и противъ общественности, мы полагаемъ, что анархистское міровоззрѣніе, если оно желаетъ быть живой, реальной силой, а не отвлеченнымъ умствованіемъ аморфнаго индивидуализма – должно оправдать общественность.

Въ ней мы родимся, изъ нея черпаемъ питательные соки, ее же обращаемъ въ орудіе нашего освобожденія. И сама общественность, помимо нашей воли, внѣ нашего сознанія врывается въ нашъ личный жизненный потокъ. Это – неотразимый фактъ, и было бы недостойной анархиста трусостью – забыться въ пустомъ, но самодовольномъ отрицаніи. Было бы напраснымъ отрицать живущее во всѣхъ насъ «чувство общественности». Чаадаевъ былъ правъ, восклицая въ «философическихъ письмахъ»: «Наряду съ чувствомъ нашей личной индивидуальности мы носимъ въ сердцѣ своемъ ощущеніе нашей связи съ отечествомъ, семьей и идейной средой, членами которыхъ мы являемся; часто даже это послѣднее чувство живѣе перваго».

Это – справедливо. Чувство общественности – намъ имманентно. Оно рождается и растетъ съ нами.

Но общественность есть лишь связность подлинныхъ реальностей – своеобразныхъ и неповторимыхъ. Поэтому общественность не можетъ быть абсолютной цѣлью личности. Она не можетъ быть безусловнымъ критеріемъ его поступковъ. Она – есть средство въ осуществленіи личностью ея творческихъ цѣлей.

ГЛАВА III. Анархизмъ и рационализмъ.

Быть-можетъ, еще большія опасности, чѣмъ крайности абсолютнаго индивидуализма, для анархистской мысли представляетъ тотъ рационалистическій плѣнь, въ которомъ она находится доселѣ.

Анархизм. Алексей Алексеевич Боровой filosoff.org
Что такое рационализм?

Культура отвлеченного разума, в которой его верховное значение в решении вопросов – равно теоретических и практических задач.

Рационализм – мировоззрение, которое в едином мире опыта устанавливает и противопоставляет два самостоятельных и несоизмеримых мира – мир материальный, вещный и мир мысли, духовный. Только последний мир нам дан непосредственно, второй – мир явлений (феноменализм), мировой механизм познается разумом и в его деятельности получает объяснение, рациональное обоснование.

Однако, посягательства разума идут еще дальше.

«Основным принципом всякого рационализма – пишет проф. Лопатинь, – является утверждение полного соответствия между бытием и мышлением, их внутреннего тождества; иначе никак нельзя было бы оправдать притязаний нашего разума познать истину вещей путем чисто умозрительным, отвлекаясь от всякой данной действительности; а в этих притязаниях самая сущность рационализма. Но такое предположение всецелого соответствия бытия и мысли в своем последовательном развитии неизбежно приводит к признанию логического понятия о вещах за всю их сущность и за единственную основу всей их действительности. Через это рационализм переходит в «панлогизм» – учение о таком абсолютном понятии, «в котором никто и ни о чем не мыслить», и которое «предшествует и всему познающему и всему познаемому».

Это – рационализм в его крайнем философском выражении.

Между тем, рационализм есть многообразное явление, проникающее во сферы человеческого творчества. И потому он может быть изследуем в различных планах: как мирозерцание, как культурно-историческое явление, как политическая система.

В дальнейшем изложении мы будем иметь дело с рационализмом в смысле мирозерцания, в смысле слепой энтузиастической веры в конечное, всепоглощающее, творческое значение разума.

Рационализм характеризуется прежде всего безусловным отрицанием опыта, традиций, исторических указаний. Он – глубокий скептик. В его глазах религиозные системы, мифы, разнообразная форма коллективного, народного творчества не имеют никакой ценности. Все это – варварский хлам, рабский страх или разгул инстинктов, существующий лишь до тех пор, пока к ним не подойдет с формальной логикой рационалистической мудрец.

Но этот беспредельный скептицизм, это беспощадное отрицание всего порожденного жизнью и опытом живет в рационализме рядом с страстной верой в разум, способный собственными силами все разрушить и все построить.

Скептической, разсудочной, анти-исторической рационализм «искусственному» противопоставляет – «вечное», «естественное», согласное с «законами природы», открываемое и строяемое человеческим разумом. Он говорит об естественной религии, естественном праве, естественной экономике. Он создает, наконец, «естественного» человека – человека-фикцию, без плоти и крови, среднего абстрактного человека, лишенного каких бы то ни было исторических или национальных покровов.

В этом своеобразном индивидуализме, усвоенном всеми рационалистическими системами, не остается места для живой, конкретной, оригинальной личности.

Рационализм знаком самым ранним человеческим культурам. Государственная наука греческих софистов впервые говорит об естественном среднем человеке. Платоновское государство мудрых – гимн человеческому разуму. Аристотель учит о «среднем» гражданине и «средней» добродетели.

Римская культура оставляет один из величайших памятников рационалистической мысли – систему гражданского права, в абстрактных и универсальных формулах которого улеглась кипучая правовая жизнь целого

Анархизм. Алексей Алексеевич Боровой filosoff.org
народа. Рационалистами оставались римляне и в религии. По выражению одного историка, римская религия – «сухая, безличная абстракция различных актов человеческой жизни... Культ – скучная юридическая сд?лка, обставленная многочисленными и трудными формальностями»...

Раннее средневековье с общинным землевладением, феодальной эксплуатацией, отсутствием крупных промышленных центров, не могло быть благоприятным для успехов рационалистического мышления. Средоточием его становится город уже посл? трехв?ковой поб?доносной освободительной борьбы против феодалов. Первым «рационалистом» был городской купец-авантюрист, бандит, но пионер европейской цивилизации. См?лая, энергичная, свободолюбивая натура, первый путешественник, первый изсл?дователь чужих стран, об?зжает он в погон? за прибылью отдаленн?йшие края, ареной своих хищнических подвигов д?лает весь доступный ему мир, изучает чужие языки и нравы, полагает основание международному обороту.

Страница в истории экономического развития человечества, которую называют наиболее трагической – эпоха первоначального накопления капитала послужила исходной точкой для пышного расцв?та рационализма.

Капитал, ув?нчавший походы купцов-авантюристов, дезорганизует средневековый ремесленный строй с его опекой, освобождает средневекового человека от пут корпоративных связей, подготавливает разложение крепостного права. Эти глубокие революционные процессы, открывшие дорогу свободной инициатив? личности, не могли не поднять и самого значения ее. Идеологические конструкции, слагающиеся на этой почв? – религиозные, философские, политические – приобретают рационалистический характер.

Под знаком рационализма идут величайшие освободительные движения эпохи – реформация и ренессанс.

Ренессанс рождает гуманизм – триумф личного начала. Гуманизм рвет все общественные ц?пи, разрушает все связи. Из под обломков средневековой коммуны – подымается человек. В индивидуалистическом экстазе ренессанс воздвигает алтари человека. Красота человека, права человека, безграничные возможности человека – вот темы ренессанса, по выражению его живописца историка Монне. Подобно античному миру, ренессанс знает только одну аристократию – аристократию ума, таланта. «Боги улетают – восклицает Монне – остается человек!»

Итальянский город был только предв?стником мощного рационалистического вихря. С стихийной быстротой перебрасывается он во все европейские центры, сбрасывавшие феодальные путы, и копившие в стенах своих сытое и просвещенное бюргерство.

Вихрь, поднявшийся из ренессанса, крепнет с успехами европейской техники. Триумфы торгового капитализма, обезземеление крестьян и образование пролетариата, рост мануфактуры, предчувствие того разгула свободной конкуренции, который должен был окрасить первые шаги капитализма – были событиями, укр?плявшими в мыслях и действовавшими человек? в?ру в самоц?нность человеческой личности, силы ее разума, безграничность ее возможностей.

Философская, историко-политическая, правовая, экономическая мысль – все – под гипнозом всемогущего разума.

В области философской мысли всл?д за учением Декарта о врожденных идеях, Спиноза – один из философов основоположников рационализма – создает учение о познании из чистого разума, как высшем род? познания, обладающем способностью постигать сверхчувственное, постигать то, что недоступно непосредственному опыту.

Нашим общим понятием – учил Спиноза в своей «Этик?» – соответствуют вещи. И раскрытие причинной связи между вещами должно идти через познание, через изсл?дование отношений между понятиями.

Куно-Фишер так характеризует систему Спинозы: «Философия требует уяснения связи всех вещей. Это уяснение возможно лишь посредством ясного мышления, посредством чистого разума, поэтому оно рационально... Лишь в законченной системе чистого разума, лишь в абсолютном рационализме»

Анархизм. Алексей Алексеевич Боровой filosoff.org
философія можетъ разрѣшить задачу, которую она, какъ таковая, должна ставить себѣ... Рациональное познание требуетъ познаваемости всѣхъ вещей, всеобъемлющей и однородной связи всего познаваемого... Оно не терпитъ нечего непознаваемого въ природѣ вещей, ничего неяснаго въ понятіяхъ о вещахъ, никакого пробела въ связи понятій... Учение Спинозы есть абсолютный рационализмъ и хочетъ быть таковымъ»...

Разумъ у Спинозы – верховный властитель, какъ въ области чистаго познания, такъ и практической жизни. Чувственный аффектъ – учитъ онъ въ главѣ «Этики», посвященной «Свободѣ челоѵка» – перестаетъ быть таковымъ, какъ только мы образуемъ о немъ ясную и отчетливую идею.

То же верховенство разума возглашается политической и правовой мыслью.

Памятниками ея остались – естественное право и договорная теорія государства.

Въ противоположность дѣйствующему положительному праву, естественное право – внѣ исторіи. Для него нѣтъ – гипноза настоящаго. Его задача – построить тѣ идеальныя цѣли, которымъ должно отвѣчать всякое право. Источники, въ которыхъ почерпаетъ оно свой матеріалъ – всечелоѵчны: это – самъ внѣисторическій челоѵкъ, его разумная природа, его неограниченное влеченіе къ свободѣ. Естественное право не хочетъ мутить эти чистые родники историческими наслоеніями; именно потому оно и естественное, а не искусственное, не историческое [8].

Гоббсъ и Локкъ, Гуго Гроцій и Спиноза, Пуффендорфъ и Кантъ, Руссо и Монтескье и за ними цѣлая плеяда политическихъ мыслителей построила идеальное «рационалистическое государство» (Civitas institutiva). Въ основѣ государства лежалъ договоръ. «Послѣдовательное проведеніе идеи социальнаго договора – пишетъ нѣмецкій государственникъ Еллинекъ – необходимо приводитъ къ идеѣ сувереннаго индивида – источника всякой организаціи и власти». Отсюда неизбѣжно вытекало положеніе, что, если творцомъ всего существующаго была суверенная внѣисторическая личность, она была и верховнымъ судьей во всѣхъ вопросахъ, касающихся общественной организаціи. Если данная власть есть только результатъ свободнаго договора, то расторженіе договора есть паденіе власти, ибо ни одинъ свободный челоѵкъ не могъ бы согласно договорной теоріи – добровольно отказаться отъ правъ на свободу самоопредѣленія.

Подъ знаменемъ этихъ идей выступала въ восемнадцатомъ вѣкѣ въ Англіи, Америкѣ, Франціи и вся революціонная публицистика. Спекуляціи отвлеченной мысли она претворила въ дѣйственные лозунги. Продолжая гуманистическое движеніе ренессанса, она утверждала, что нѣтъ и не можетъ быть преградъ просвѣщенному челоѵческому разуму. Свободный отъ цензурнаго гнета онъ создаетъ идеальныя условія челоѵческаго общежитія. Историческій опытъ былъ взятъ подъ подозрѣніе, творчество массъ подверглось осмѣянію. По удачному опредѣленію одного историка – вся исторія челоѵческой культуры подъ перомъ Вольтера могла бы принять слѣдующій видъ: до Вольтера и его рационалистическихъ товарищей – мракъ, суевѣріе, невѣжество; съ ихъ появленіемъ – «разумъ необъяснимо и сразу вступаетъ въ свои права».

Великолѣпную характеристику мыслителя этой эпохи далъ намъ Доудень въ портретѣ одного изъ родоначальниковъ анархистскаго міровоззрѣнія – Годвина: «Ни одинъ писатель не выражаетъ болѣе ясно, чѣмъ Годвинъ, индивидуализма, характеризующаго начало революціоннаго движенія въ Европѣ; ни одинъ писатель не даетъ болѣе поразительнаго доказательства абсолютнаго отсутствія историческаго чувства. Челоѵкъ у него не представляется созданіемъ прошлаго... Насталъ какъ-бы первый день творенія. Вся вселенная должна быть переустроена на принципахъ разума, безъ вниманія къ накопившимся наслѣдственнымъ тенденціямъ. Есть что-то возвышенное, трогательное и комическое въ томъ героическомъ безуміи, съ которымъ философъ въ своемъ рабочемъ кабинетѣ образуетъ цѣлый челоѵческій міръ»...

На рационалистическомъ фундаментѣ воздвигнуть и одинъ изъ величайшихъ памятниковъ челоѵческой мысли, бывшій политическимъ принципомъ революціи XVIII вѣка, ея социально-политической программой: декларация правъ челоѵка и гражданина.

Конечно, сама декларация была результатомъ чрезвычайно сложныхъ и противорѣчивыхъ историческихъ вліяній. Новѣйшія изслѣдованія показали, что

Анархизм. Алексей Алексеевич Боровой filosoff.org
мысль установить законодательным путем рядъ прирожденныхъ, священныхъ, неотчуждаемыхъ правъ личности – не политическаго, а религіознаго происхожденія и восходить не ко времени французскихъ или американскихъ освободительныхъ движеній, а къ гораздо болѣе раннему времени – эпохѣ реформаціи. Французская декларація впитала въ себя множество историческихъ струй. Отсюда ея противорѣчія и пестрота, за которыя ее обвиняютъ изслѣдователи, критически настроенные къ принципамъ 89 года. Но декларація замѣчательна тѣмъ, что освободительные принципы, созданные задолго до нея, были претворены въ ней силой философскаго генія и темперамента ея творцовъ, въ общечеловѣческую проповѣдь, обращеніе къ міру. И не только декларація и другіе политическіе акты революціи были продуктомъ естественно-правовыхъ воззрѣній, но можно было-бы сказать, что вся революція въ ея послѣдовательныхъ превращеніяхъ была грандіозной попыткой реализаціи рационалистическихъ мечтаній.

Но если для прославленія суверенной внѣисторической личности строились многочисленныя памятники, реальная, конкретная личность, наоборотъ, осталась въ жизни безъ защиты. Революціонная государственность заливала ее потоками декретовъ, ее гильотинировали якобинизмъ, позже гибла она на всѣхъ европейскихъ поляхъ, защищая идеи «отвлеченнаго космополитизма» противъ «воинствующаго націонализма» вспыхнувшей реакціи.

Подъ тѣмъ же рационалистическимъ гипнозомъ жила и экономическая мысль.

Съ именемъ фізіократовъ или «экономистовъ XVIII вѣка» связано представленіе не только объ опредѣленной экономической доктринѣ, но и о новомъ міросозерцаніи, пришедшемъ на смѣну идеямъ стараго порядка.

Вѣрѣ въ спасительную силу положительнаго законодательства и администраціи, характеризовавшей ученіе меркантилистовъ, фізіократы противопоставили глубокое убѣжденіе въ торжествѣ извѣчныхъ законовъ природы надъ временными и случайными твореніями челоѣка. Соціологическія построенія Кенэ, основоположника фізіократической доктрины, базируются на идеяхъ естественнаго права. Въ кажущемся хаосѣ общественныхъ явленій онъ склоненъ видѣть строгую законмѣрность – «естественный порядокъ». Законы этого порядка созданы Богомъ. Они – абсолютны, вѣчны, неподвижны. Благоустроенное общество должно быть построено на ихъ познаніи. Такой порядокъ, создаваемый челоѣчествомъ, въ соотвѣтствіи съ извѣчными принципами, Кенэ и его школа называютъ «положительнымъ порядкомъ» (*Ordre positif*). Этотъ порядокъ, въ отличіе отъ перваго, носитъ временный относительный характеръ и подлежитъ дальнѣйшимъ усовершенствованіямъ.

Но если воззрѣніямъ Кенэ и его послѣдователей суждено было остаться, по преимуществу, отвлеченнымъ умозрѣніемъ, безъ особаго вліянія на судьбы государственной практики, классическая школа политической экономіи, въ лице Мальтуса, Смита, Рикардо и ихъ эпигоновъ въ Англіи и на континентѣ, сумѣла изъ отвлеченныхъ посылокъ естественнаго права сдѣлать всѣ практическіе выводы.

На страницахъ экономической науки появился отвлеченный «экономическій челоѣкъ», руководимый только своимъ «среднимъ» хозяйственнымъ эгоизмомъ. Иные стимулы его жизни просто игнорировались; полная его свобода была объявлена условіемъ всеобщей гармоніи, а свободная, ничѣмъ неограниченная борьба между хозяйственными единицами возглашена естественнымъ, незыблемымъ закономъ, покушенія на который безсмысленны и бесплодны. Рабочій и капиталистъ, товаръ и капиталъ, деньги и заработная плата и всѣ иныя экономическія категоріи пріобрѣли въ конструкціяхъ ихъ абсолютный самодовлѣющій смыслъ. Въ погонѣ за логической стройностью своихъ теорій, буржуазные экономисты, а за ними и ихъ методологическіе наслѣдники насильственно уродовали жизнь. Они населили ее надорганическими существами – абстрактными «эгоистами», абстрактными капиталистами, абстрактными рабочими. Все въ фантастическихъ системахъ ихъ, дѣйствовало съ неукоснительной правильностью часового механизма. Безпримѣрный оптимизмъ окрасилъ ихъ построенія. Въ разгулѣ хищническихъ инстинктовъ, казалось имъ, они нашли ключъ къ челоѣческой гармоніи. Все ими было предусмотрено; геній, знаніе, остроуміе соединились, чтобы выстроить по всѣмъ правиламъ рационалистической науки, экономическіе карточные домики, которые жизнь развѣяла потомъ однимъ дуновеніемъ.

XVIII-й вѣкъ былъ эпохой высшей напряженности рационалистической мысли.

Анархизм. Алексей Алексеевич Боровой filosoff.org
Никогда позже не имела она такого разнообразного и блестящего
представительства, никогда не окрашивала собой цулыя общественныя движенія.

Но, разумется, рационалистическое мышление не умирает съ XVIII-ымъ
вѣкомъ.

Въ XIX-омъ рационализмъ волнуетъ философскую мысль, воплощаясь въ
«панлогизмъ» Гегеля, проникнутомъ вѣрой въ могущество разума, полагающемъ
разумъ самодовольствующей причиной самаго бытія. Въ этомъ ученіи не было мѣста
индивидуальному «я», живой, конкретной, своеобразной личности.

Въ области политической и правовой мысли успѣхи рационализма сказались въ
возрожденіи «естественнаго права» въ разнообразныхъ его формахъ, но уже съ
рядомъ принципиальныхъ поправокъ къ конструкціямъ стараго «естественнаго
права».

Наконецъ, рационалистическія схемы во многомъ подчинили себѣ и крупнѣйшее
изъ идеологическихъ движеній XIX-аго вѣка – социалистическое.

Рационализмъ обнаружилъ поразительную живучесть. Не было ни одной
исторической эпохи, которая не знала бы его.

Но, какъ ни былъ чистъ энтузіазмъ его жрецовъ, какъ ни были прекрасны тѣ
узоры, которые ткала челоуѣческая мысль въ поискахъ совершенныхъ условій
земного существованія – жизнь реальная, пестрая, неупорядоченная
мыслителями жизнь, была сильнѣе самой тонкой и изощренной челоуѣческой
логики.

Подъ ударами ея гибли системы, теоріи, законы. И гибель ихъ не могла не
погружать въ пучины пессимизма ихъ недавнихъ поклонниковъ. Она будила
протесты противъ идолопоклонства передъ разумомъ.

Уже въ XVIII-мъ вѣкѣ «эмпиристы» и во главѣ ихъ Юмъ предъявили
рационалистамъ рядъ серьезныхъ возраженій. Они отвергли ихъ ученіе – о
возможности раскрытія причинной связи вещей черезъ изслѣдованіе отношеній
между понятіями. Они выразили недовѣріе «разуму» и на первое мѣсто
поставили «опытъ». Рационалисты считали математическія науки абсолютно
достоверными; эмпиристы, прилагая къ нимъ свой опытный критерій, отвергли
ихъ соотвѣтствіе дѣйствительности, такъ какъ математическія науки не есть
науки о реальномъ бытіи. Эмпиристы перестали видѣть въ «разумѣ» единый
источникъ познанія. Истиннымъ познаніемъ они назвали то, которое
пріобрѣтается черезъ органы чувствъ.

Юмъ былъ не только философомъ, но и политическимъ мыслителемъ, и его
философскія убѣжденія легли въ основу его историко-политическихъ
конструкцій.

Юмъ обрушивается на «естественное право», которое въ методологическомъ
смыслѣ было своеобразной попыткой построенія социологіи на основаніи
математическихъ принциповъ. Для Юма «естественное право» – не достоверно.
Въ его глазахъ религія, мораль, право – не абсолютныя категоріи, а продуктъ
исторіи, многовѣковаго жизненнаго опыта и именно это – и только это –
является ихъ «оправданіемъ». Политическіе триумфы рационализма вызывали у
Юма страстный отпоръ; скептицизмъ его въ области политики принялъ глубоко
консервативную окраску.

Наиболѣе яркое выраженіе этотъ консерватизмъ принялъ въ писаніяхъ
блестящаго публициста Борка, давшаго полную остроумія и силы критику
французской революціи. Здѣсь уже – отказъ отъ «разума», гимны опыту,
рѣшительное предпочтеніе неписанной конституціи англійскаго народа
абстракціямъ французскихъ конституцій. Это убѣжденіе стало въ Англій
надолго общепринятымъ. Ранній Бентамизмъ былъ имъ проникнутъ.

Начало XIX вѣка было временемъ единодушнаго и общаго протеста противъ «духа
XVIII вѣка», «принциповъ 1789 года», противъ всего наслѣдства
просвѣтительной эпохи. Процессъ реакціи противъ рационализма отличался
чрезвычайной сложностью. Разнородныя, противорѣчивыя, даже враждебныя силы
объединились, чтобы громить позиціи рационализма.

Временными союзниками оказались: крайніе реакціонеры – фанатики, изуверы
католицизма, позитивисты, отвергшіе метафизическую политику, романтики,

Анархизм. Алексей Алексеевич Боровой filosoff.org
«историки» и пр.

Наиболее р?шительные формы походы этот? принялъ въ той стран?, гд? наиболее полно цв?ла и рационалистическая мысль – во Франціи.

Философская реакція, во глав? съ Ройе-Колларомъ, безбоязненно см?шавъ философію съ политикой, отвергла претензіи во всемъ сомн?вающагося «разума» и стала искать твердынь, которыхъ бы онъ не могъ коснуться.

Более глубокой была реакція теологическая. Ея вождями были – Бональдъ и особенно Жозефъ де-Местръ, канонизированные современнымъ нео-монархическимъ движеніемъ во Франціи.

Ученіе де-Местра – пламенный, фанатическій протестъ противъ свободы чело?ка.

Въ міре господствуетъ порядокъ, установленный провид?ніемъ. Чело?къ – самъ по себ? – ничтоженъ, сосудъ страстей и похоти. Гордыня его должна быть сломлена, сомн?ніямъ его н?тъ м?ста. Чело?къ можетъ видоизм?нять существующее, но онъ безсиленъ создать новое. Его попытки построить «конституцію» изъ разума – бессмысленны. Конституція не можетъ быть придумана, т?мъ бол?е для несуществующаго чело?ка, чело?ка «вообще». Конституція, – общественный порядокъ диктуется волей провид?нія; имъ управляетъ Божественный промыселъ. И въ основ? вс?хъ чело?ческихъ учрежденій должно лежать религіозное начало. Идеальное государство – теократія, въ которой неограниченное распоряженіе судьбами всего чело?чества вв?ряется пап?. Папизмъ поглощаетъ св?тское начало; св?тское государство растворяется въ церкви. Поскольку эта власть установлена богомъ, она ограничена; въ ея отношеніяхъ къ людямъ она – безапелляціонна. И хотя папская власть стремится къ тому, чтобы быть мягкой и кроткой, но чело?къ долженъ чувствовать надъ собой авторитетъ непогр?шимой и нетерпимой власти. Де-Местръ одобряетъ инквизицію; для вразумленія чело?ка онъ зоветъ палача.

Это теократическое изувр?ство, хотя и антиподъ рационализму, но близко ему въ одномъ – методологическомъ смысл?. Подобно рационализму, обратившему все прошлое и всю исторію въ ничто, Де-Местръ въ результат? своихъ абсолютистскихъ построеній приходитъ также къ мертвящимъ абстракціямъ. Въ чемъ ихъ опора? Въ способности разума – построить совершенный, теократическій порядокъ.

Яркимъ и могучимъ врагомъ рационализма былъ романтизмъ.

И въ романтизм? звучитъ, какъ будто, аристократическая нота, но этот? аристократизмъ – аристократизмъ не рожденія, не привилегій, но сильной личности, дошедшей до глубокаго, живого самосознанія, вдругъ поднявшейся на небывалую дотол? высоту.

Романтизмъ есть прежде всего реакція противъ «классицизма».

Превосходную характеристику обоихъ теченій въ ихъ взаимоотношеніи находимъ мы въ этюд? Жуссена – «Бергсонизмъ и романтизмъ».

«Классическій духъ – пишетъ Жуссенъ – превозноситъ абстрактное знаніе въ ущербъ интуитивнаго знанія. Онъ стремится всец?ло подчинить волю и чувства разуму. Въ литератур? и философіи онъ всец?ло пребываетъ въ области представленія, движется въ мір? понятій. Романтический духъ, напротивъ защищаетъ, первенство интуиціи надъ понятіемъ, отстаиваетъ права инстинкта и чувства, подчиняетъ познаніе вол?».

Классическая эстетика утверждаетъ, что произведенія должны строиться по заран?е созданнымъ законамъ и теоріямъ. Романтическая эстетика объявляетъ творчество свободнымъ. Теорія не порождаетъ вдохновенія и правила выводятся изъ вещи, а не обратно. Чрезм?рное сл?дованіе правиламъ можетъ убить индивидуальность, геній, т.-е. единственно драгоц?нное въ творчеств?.

То-же – въ философіи и политик?.

Протестуя противъ разсудочности классицизма, его апріоризма, его склонности къ схоластик?, романтизмъ отрицаетъ абсолютныя истины, отрицаетъ общезначимость объективных законовъ, оставляетъ широкое м?сто произволу,

фантазіи.

Романтизм это – разгуль субъективизма; это – подлинный культ личности, человеческого «я». Он освобождает индивидуальность от ковы автоматизма, от того деспотического подчинения готовым общим правилам, которые несъ с собой рационализм.

Романтизм побуждал своим чувством жизни, презрением к кодексам, новым пониманием человека, освобождением и оправданием, которые он нес его прошлому и настоящему, его страстям и падениям, всему, на чем лежала творческая печать человека. И в плане социальной мысли он породил чудесную плеяду утопистов, которые, волнуемые любовью к человеку, впервые разверзли пред глазами современников общественные недра и первые предложили несовершенные, непрактичные, но полные одушевления проекты освобождения угнетенного человека [9].

Особенно пышный цвет дал романтизм в Германии. Философы Шеллинг и Шлейермахер, публицисты, критики, братья Шлегели, поэт Новалис – вот наиболее значительные имена романтической эпохи. И в этом большом перечне имен нам слезует особенно отметить Шлейермахеровскую «Речи о религии». Здесь впервые, предвосхищая основные мотивы современного философствования Бергсона, Шлейермахер говорит об особом, отличном от научного, способе познания, об «эмоциональном знании», не отрывающем познающего от реальности, а сливающим в самом переживании и познающего и познаваемое. Другая, не меньшая заслуга Шлейермахера заключается в его замечательном учении о личности, – живой, конкретной, своеобразной.

Если оставить в стороне религиозный пафос, окрашивавший все построения Шлейермахера, нельзя его антирационализм не назвать самым ярким предшественником штирнерианства. А еще позже боевой клич последнего – культ сильной, непреборимой личности, личности – мерила всех ценностей, с несравненной силой и блеском зазвучал в романтическом вдохновении Ницше [10].

Мой большой обзор противников рационализма был бы неполон, если бы я хотя в двух словах не указал еще на одно учение, в свое время сыгравшее весьма значительную роль в общем умственном процессе XIX века. Это учение – «историческая школа» в юриспруденции, в политической экономии. Историческая школа объявила войну политической метафизике; «разуму личности» противопоставила она «дух народа», исторический факт объявила последней инстанцией в решении всех волнующих вопросов. Более чье полувковое владычество исторической школы дало, однако, печальные результаты: оно оправдало безпринципность, полное пренебрежение теорией, защищало консерватизм и выродилось в бесплодное коллекционирование фактов.

И рационализм мог считать себя в полной безопасности, пока возражения, предъявлявшиеся ему, осложнялись политическим исповеданием, окутывались мистическим туманом, или строились на «позитивной», «научной» почве...

Бунтующему разуму с его грандиозными общаниями человечеству не могли быть страшны ни политиканствующий католицизм с изуврской догмой искупления, ни плетительный своей чувствительностью романтизм с его еще тогда неясными мечтаниями, ни скептический историзм, не ушедший далее плоской бухгалтерии, ни феодальный анархизм во вкусе Ницше...

Рационализм оставался господствующим принципом философско-политической мысли, ибо для своего времени он был единственно возможной и жизненной теорией прогресса.

Но великие завоевания разума наполнили живой мир фантомами – величественными, ясными, но холодными, как геометрические сады Ленотра. И реальному живому человеку стало душно среди порожденных им миражей. Не интересы стали управлять людьми, а лишь более или менее интересные представления, которые о них сложились. Представление стало надъ волей; во власти его оказался самый человек. Призраку подчинилась личность и ее свобода стала отвлеченной.

И для реальной личности есть безвыходный трагизм в том, что призраки, давившие ее, утверждались вдохновением наиболее выдающихся и мощных индивидуальностей. Освободительные стремления гения готовили новые ковы

Анархизм. Алексей Алексеевич Боровой filosoff.org
дальнейшему развитию личности. Это, конечно, надо понимать не в смысле
последовательного сужения творческого кругозора отдельной индивидуальности,
но в смысле принудительного подчинения ее призракам, созданным ранее
другими и зафиксированным признанием других.

Человечку рационалистической мысли принадлежит великое прошлое. Культ
разума имел свои героические эпохи. Обратив мир в обширную лабораторию,
он создал научные методы, принес великие открытия, построил современную
цивилизацию. Но он был безсилен проникнуть в тайны мира. С внешним
освобождением он нес внутреннее рабство – рабство от законов, рабство
от теорий, от необходимости, необходимости тех представлений, которые
породил он сам. Общая жизнь, он близил смерть. Не мало
рационалистических туманов было развьяно жизнью, но гибель иллюзий каждый
раз несла отчаяние жертвам самообмана.

Нашему времени – с его гигантскими техническими средствами, глубокими
общественными антагонизмами, напряженным и страстным самосознанием –
суждено было поколебать веру во всемогущество разума. Оно – во всеоружии
огромного опыта – отбросило ковы феноменализма, вернулось к «реальной
действительности», возгласило торжество воли над разумом.

И в этом новом человеческом устремлении открылись возможности
творческого преодоления мира – необходимости.

В конце XIX-го века, почти одновременно на свет явились две системы, ярко
окрашенные антиинтеллектуализмом.

Одна – принадлежит интуитивной философии, прагматистам и особенно
Бергсону. Она есть – наиболее глубокое и категорическое отвержение ложных
претензий «разума».

Другая – принадлежит пролетариату. Это – философия классовой борьбы,
выросшая непосредственно из жизни и, подобно первой, возглашающая примать
«воли» над «разумом».

В основании обеих систем лежит признание автономии конкретной личности.

Антирационализм или антиинтеллектуализм утверждает приоритет инстинкта
над разумом. За последним он признает инструментальное, то-есть
вспомогательное значение. Вопреки идеализму, полагающему для нас
непосредственную данность духовного мира, он склонен утверждать, что
разум для нас не имеет первоначального значения. Он возникает на
определенной ступени общего мирового развития. И тогда мы начинаем
разделять – физическое и психическое.

Так интеллект наряду с инстинктом объявляется только одним из
«направлений» жизненного процесса, органом нашего приспособления к жизни.

При этом интеллект, характеризующийся, по словам Бергсона, «природным
непониманием жизни» является только орудием человека в разнообразных
формах его борьбы за существование; его собственная природа ограничена:
он не постигает самой сущности действительности, «бытие» для него есть
«явление». Он группирует «явления», отбирает, устанавливает их общие
свойства, классифицирует, создает общие понятия. Но последние не
совпадают с самой действительностью, а являются лишь символами ее.
Разсудочное знание, искусственно расчленяет жизнь, разрывает ее слитный,
неделимый, никогда не повторяющийся поток и стремится представить
непрерывную последовательность событий, как сосуществование отдельных
вещей [11].

Но в живой действительности нет ничего неподвижного; она – алогична, она
– «непрестанное становление», «абсолютная длительность», она – свободная
«творческая эволюция».

Познание подлинной сущности предмета, предмета в целом, а не отдельных
частей его или механической их суммы – возможно только при помощи особого
источника знания – «интуиции». «Интуиция – определяет Бергсон – есть
особый род интеллектуальной симпатии, путем которой познающий переносится
внутрь предмета, чтобы слиться с тем, что есть в нем единственного и,
следовательно, невыразимого». («Введение в метафизику»).

Анализъ, разсудочное знаніе «умножаютъ точки зрѣнія», «разнообразятъ символы», но они безсильны постичь самое бытіе; интуиція – есть полное сліяніе съ нимъ. Интуиція – всюду, гдѣ есть жизнь, ибо интуиція и есть самосознаніе жизни. И человѣкъ, сливающійся въ своемъ самосознаніи съ жизнью – становится творчески свободнымъ.

Разумѣтся, Бергсонъ въ своемъ пониманіи свободы далекъ отъ совершеннаго отрицанія детерминистической аргументами. Онъ признаетъ и физическую и психическую причинности. Но онъ признаетъ обусловленность только частныхъ проявленій нашего «я», его отдѣльныхъ актовъ. «Я» въ его цѣломъ – живое, подвижное недѣлимое, невыразимое въ символахъ – свободно, какъ свободна жизнь вообще, какъ творческой порывъ, а не одно изъ частныхъ ея проявленій.

Человѣкъ и акты его свободны, когда они являются цѣльнымъ и полнымъ выраженіемъ его индивидуальности, когда въ нихъ говоритъ только ему присущее своеобразіе.

Свобода человѣка есть, такимъ образомъ, свобода его творческихъ актовъ и разсудочное знаніе безсильно постичь ихъ природу. Для установленія причинности оно должно разлагать природу на составныя части; эти части – мертвы и обусловлены. Но живой синтезъ частей всегда свободенъ и къ нему непримѣнимы раціоналистическіе выводы науки. Понятія жизни и причинности лежатъ въ различныхъ планахъ. Жизнь – потокъ, не знающій причинности, не допускающій предвидѣнія и утверждающій свободу.

Такъ интуитивная философія утверждаетъ первенство жизни передъ научнымъ изображеніемъ ея или философскимъ размышленіемъ о ней. Сознаніе, наука, ея законы рождаются въ жизни и изъ жизни. Они – моменты въ ней, обусловленные практическими нуждами. Въ научныхъ терминахъ мы можемъ характеризовать ея отдельные эпизоды, но въ цѣломъ она – невыразима.

Эту первоначальность жизни, подчиняющую себѣ всѣ наши раціоналистическія и механическія представленія о ней, когда-то великолѣпно выразилъ нашъ Герцень: «Неподвижная стоячесть противна духу жизни... Въ непрерывномъ движеніи всего живого, въ повсюдныхъ перемѣнахъ, природа обновляется, живетъ, ими она вѣчно молода. Оттого каждый историческій мигъ полонъ, замкнутъ по своему... Оттого каждый періодъ новъ, свѣжъ, исполненъ своихъ надеждъ, самъ въ себѣ носитъ свое благо и свою скорбь...»

Вотъ – мысли, отвѣчающія анархическому чувству, строящія свободу человѣка не на сомнительномъ фундаментѣ неизбѣжно одностороннихъ и схоластическихъ теорій, но на пробужденіи въ насъ присущаго намъ инстинкта свободы. Вотъ – философія, которая сказала «да» тому еще смутно сознаваемому, но уже повсюду зарождающемуся, повсюду бьющемуся чувству, которое радостно и увѣренно говоритъ намъ, что мы дѣйствительно свободны лишь тогда, когда выявляемъ себя во весь нашъ ростъ, когда дѣйствія наши, по выраженію Бергсона, «выражаютъ нашу личность, пріобрѣтаютъ съ ней то неопредѣленное сходство, которое встрѣчается между творцомъ и твореніемъ». («Непосредственныя данныя сознанія»).

Если въ планѣ отвлеченной мысли сильнѣйшій ударъ раціонализму въ наши дни былъ нанесенъ философіей Бергсона, то въ планѣ дѣйственномъ самымъ страшнымъ его врагомъ сталъ – синдикализмъ, сбросившій догматическія путы партій и программъ и отъ символики представительства перешедшій къ самостоятельному творчеству.

Въ опредѣленіи и характеристикѣ революціоннаго синдикализма надлежитъ быть осторожнымъ.

Чтобы правильно понять его природу, необходимо ясно представлять себѣ глубокую разницу между синдикализмомъ, какъ формой рабочаго движенія, имѣющей классовую пролетарскую организацію, и синдикализмомъ, какъ «новой школой» въ социализмѣ, «неомарксизмомъ», какъ теоретическимъ міросозерцаніемъ, выросшимъ на почвѣ критическаго истолкованія рабочаго синдикализма.

Это – два разныхъ міра, живущихъ самостоятельной жизнью, на что, однако, изслѣдователями и критиками синдикализма и доселѣ не обращается достаточно вниманія [12].

Сейчас нас интересует именно «пролетарский синдикализм».

Его развитие нам?тило сл?дующие основные принципы: а) примать движения перед идеологией, в) свободу творческого самоутверждения класса, с) автономию личности в классовой организации.

Вс? построения марксизма покоились на уб?ждении в возможности познания общих – абстрактных законов общественного развития и, следовательно, возможности социологического прогноза.

Синдикализм, по самой природе своей, есть полный отказ от каких бы то ни было социологических рецептов. Синдикализм есть непрестанное текущее творчество, не замыкающееся в рамки абсолютной теории или предопределенного метода. Синдикализм – движение, которое стимулирует, определяющее его дальнейшее развитие, диктующее ему направление, ищет и находит в самом себе. Не теория подчиняет движение, но в движении рождаются и гибнут теории.

Синдикализм есть процесс непрестанного раскрытия пролетарского самосознания. Не навязывая примыкающим к нему неизменных лозунгов, он оставляет им такое же широкое поле для свободного положительного творчества, как и для свободной разрушительной критики. Он не знает тех непрекращаемых «*verba magistri*», которыми клянутся хотя-бы пролетарские политические партии. В посл?дних – партийный катехизис, заранее отв?чающий на все могущие возникнуть у правого вопроса, в синдикализме бьется буйная радость жизни, готовая во всеоружии встретиться любой вопрос, но не заковыкаяющая себя в неуклюжие догматические доспехи. В политической партии пролетарий – исполнитель, связанный партийными условностями, расчетами, интригами; в синдикализме он – творец, у которого никто не оспорит его воли.

Самый уязвимый пункт «ортодоксального» марксизма – вопиющее противоречие между «революционностью» его «конечной цели» и мирным, реформистским характером его «движения», между суровым требованием непримиримой «классовой борьбы» и практическим подчинением ее парламентской политике партии.

В синдикализме нет и не может быть этого мучительного, опорочивающего основной смысл движения – раскола. В синдикализме все преломляется в самой пролетарской среде – среди производителей; движение и цель – слиты воедино, ибо они одной природы; «движение» так-же революционно, как и «цель». Цель – разрушение современного классового общества, с его системой наемного труда, средства – диктуются духом классовой нетерпимости ко всем формам государственно-капиталистического паразитизма. Так, конечная цель синдикализма является действительным лозунгом и каждого отдельного момента в его движении.

Будущее в глазах синдикализма – продукт творчества, сложного, не поддающегося учету, процесса, модифицируемого разнообразными привходящими факторами, иногда радикально меняющими среду, в которой протекает самое творчество. Знать это будущее, как знают его правые усвоители партийных манифестов, невозможно. Под реалистической, якобы, оболочкой партийной и парламентской мудрости реформизма, кроется, наоборот, самый беспредельный утопизм, в?ра в возможность путем словесных уб?ждений и частичных экспериментов – опрокинуть сложную, глубоко вросшую и в нашу психику, систему.

Но можно желать изменить настоящее и строить будущее, согласно воле производителя, той воле, которая отливается непосредственно в реальных, жизненных формах его объединения – его классовых организациях.

Воля пролетариата, его классовое сознание, творческие его способности, степень его культурной подготовки, личная его мощь – инициатива, героизм, сознание ответственности – вот революционные факторы истории!

Воля производителя, творца – вот духовный центр пролетарского движения.

Синдикат, поэтому, должен стать ареной самого широкого, всестороннего развития личности. Член синдиката не поступает своими религиозными, философскими, научными, политическими уб?ждениями. Они – свободны. По

Анархизм. Алексей Алексеевич Боровой filosoff.org
м?ткому выраженію одного изъ пропагандистовъ синдикализма, синдикатъ есть «постоянно изм?няющееся продолженіе индивидуальностей, образующихъ его. Онъ отливается по типу умственныхъ запросовъ его членовъ».

Воля производителя, этотъ, какъ мы сказали, духовный центръ движенія, не есть ни выдумка идеолога, ни н?что произвольно самозарождающееся. Воля эта есть – «объективный фактъ», продуктъ опред?ленныхъ техно-экономическихъ условій.

Синдикализмъ есть плодъ того разслоенія, которое им?еть м?сто въ пролетаріат? под? вліяніемъ технического прогресса и повышенныхъ требованій къ самому рабочему.

Ортодоксальный марксизмъ въ своихъ построеніяхъ опирался на первоначальную капиталистическую фабрику съ деспеціализованнымъ рабочимъ – чернорабочимъ, низведеннымъ до роли простого «орудія производства». Фабрика была своеобразнымъ микрокосмомъ, въ которомъ воля непосредственнаго производителя была подчинена вол? хозяина, контролирующаго органа и гд? отъ рабочаго – по общему правилу – требовалось не сознательная инициатива, а сл?пое подчиненіе.

Синдикализмъ соотв?тствуетъ новой стадіи въ развитіи капитализма. Къ современному рабочему, благодаря повышеннымъ техническимъ условіямъ производства, предъявляется требованіе интеллигентности. Интеллектуализація труда повсюду идетъ быстрыми шагами. Чернорабочій уступаетъ м?сто квалифицированному и экстраквалифицированному рабочему, какъ отсталые технически броненосцы должны были въ наше время уступить м?сто дредноутамъ и сверхдредноутамъ.

Современный рабочій долженъ быть активенъ, сознателенъ, обладать инициативой, обнаруживать гибкость и быстроту въ р?шеніи предлагаемыхъ ему техническихъ проблемъ. Наряду съ прогрессомъ техники современнаго рабочаго воспитываетъ ростъ классового самосознанія. Эра рабочаго автоматизма кончена.

Современная мастерская должна сочетать – самостоятельнаго работника съ сознательнымъ подчиненіемъ коллективной дисциплин?, требуемой самой природой коллективнаго труда.

Посл? сказаннаго – ясно, какъ неправильны указанія отд?льныхъ критиковъ синдикализма на то, что если онъ насл?довалъ что-либо въ марксизм?, то только утопическіе элементы. Подобное указаніе только и возможно при см?шеніи синдикализма «пролетарскаго» съ мифологическими концепціями Сореля [13].

Пролетарскій синдикализмъ въ самой основ? своей исключаетъ «утопическое».

Въ центр? синдикальнаго движенія – личность, единственная подлинная реальность соціального міра. Личности объединяются по признаку, характеризующему положеніе ихъ въ производственномъ процесс?, въ опред?ленныхъ м?стныхъ и профессиональныхъ группахъ, именуемыхъ синдикатами. Объединеніе это ставитъ себ? совершенно опред?ленные реальныя ц?ли: защиту жизненныхъ, экономическихъ интересовъ своихъ членовъ. Синдикатъ есть средство, орудіе въ рукахъ образующихъ его рабочихъ – не бол?е. Совокупность синдикатовъ представляетъ – организацію «класса», «пролетарскую организацію». Классъ, какъ таковой, есть, конечно, соціологическая абстракція; въ мір? вещей – онъ искусственная группировка въ ц?ляхъ самозащиты опред?ленной совокупности индивидуальностей. Когда мы говоримъ о «вол?»», «психологіи», «политик?» класса – то, очевидно, им?емъ въ виду не какую-либо вн? личностей, самостоятельно живущую субстанцію, но совокупность лицъ, связанныхъ однороднымъ положеніемъ въ производств?, потребностью въ защит? однородныхъ интересовъ и вытекающей отсюда необходимостью однородныхъ актовъ. Поэтому, поскольку личности, образующія классъ, удовлетворяютъ свои индивидуальные запросы, свою личную волю, они совершаютъ акты, ц?ликомъ относящіеся къ области индивидуальной психологіи и индивидуальнаго д?йствія, поскольку они выступаютъ солидарно, въ ц?ляхъ защиты н?котораго, общаго имъ вс?мъ интереса, выступаютъ не какъ люди, но, какъ пролетаріи, они совершаютъ акты, относящіеся къ области классовой психологіи и классового д?йствія. Одно лицо своими индивидуальными д?йствіями, разум?ется, не осуществляетъ ничего классоваго, хотя оно и

Анархизм. Алексей Алексеевич Боровой filosoff.org
может не только угадать, но и твердо знать линию будущего поведения со стороны своих товарищей по положению в производстве, а, следовательно, и класса. Предположить, что отдельная индивидуальность несет в себе нечто «классовое», значило бы признать существование некоторых «средних», абстрактных индивидов, и о невозможности этого мы уже довольно говорили. Но личность может выступать и как член класса, когда она выступает, как член совокупности, защищая осознанные интересы совокупности.

Поэтому, и класс не есть нечто, стоящее над личностью, подчиненное стихийным законам природы, но орудие ее защиты в строго определенном, экономическом плане. И «политика» класса обуславливается не заранее созданной «теорией», но непосредственными требованиями реальных личностей, применительно к данному моменту.

Один из наиболее выдающихся практических деятелей синдикализма следующим образом характеризует общий план синдикальной организации: «Здесь (Всеобщая конфедерация труда) есть объединение и нет централизации; отсюда исходит импульс, но не руководство. Везде федеративный принцип: на каждой ступени, каждая единица организации самостоятельна – индивид, синдикат, федерация или биржа труда... Толчок к действию не дается сверху, он исходит из любой точки и вибрация передается, все расширяясь, на всю массу конфедерации».

Отказ синдикализма от рационализма, науки и научного прогноза, в качестве руководителей его жизненной политики, отказ от демократии и парламентаризма, как господства идеологов – есть прежде всего продукт «массовой психологии», весьма неблагоприятной к утопизму.

Ничего утопического, действительно, не заключают ни проникающий синдикализм «индивидуализм», ни «насилие», как метод классовой борьбы.

Абсолютный индивидуализм и революционный синдикализм – прямо антиномичны. Тот «страстный» и «напряженный» индивидуализм, про который пишут некоторые синдикалисты, который действительно живет в синдикализме и без которого самый синдикализм был бы невозможен, как самостоятельная – вне партийного руководства – форма пролетарского движения – никогда и нигде не высказывался в смысле отрицания «общественности» или даже существенных ограничений ее в пользу неограниченного произвола отдельной индивидуальности. Самая возможность подобных утверждений зиждется, с одной стороны, на преувеличении роли анархизма в синдикалистском движении, с другой, на старом представлении об анархизме – как абсолютно индивидуалистическом учении. Но такого анархизма вообще нет, и менше всего абсолютными индивидуалистами были те анархисты, которые вошли в синдикализм и играли в нем заметную роль. Даже редактор официального органа Конфедерации (*La voix du Peuple*) – анархист Э. Пуже, во всех своих писаниях подчеркивавший плодотворное значение творческой инициативы личности и понимавший хорошо роль «сознательного» меньшинства, тем не менее никогда не заключал в себе ничего ни штирнерианского, ни нищезанского.

Столь же неправильно было бы видеть «утопизм» и в «насилии» синдикализма. Большинство исследователей понимают это «насилие» обычно в каком-то нарочито «материалистическом» смысле, в смысле непосредственного принуждения кого-либо к какому-либо акту или непосредственного разрушения чего-либо.

Но «насилие» синдикализма не есть террор.

Террор, укладываемый в рамки традиционного анархистского права, совершенно исключен из методов борьбы революционного синдикализма.

То, что на языке «теоретических синдикалистов» называется «насилием», есть, в сущности, аполитические, внепарламентские способы борьбы или открытые классовые выступления пролетариата, так наз. «*action directe*» (прямое действие). Последняя могут с начала до конца носить легальный характер, оставаясь тем не менее революционными, так как всегда посягают на самые основы капиталистической системы. Революционный синдикализм – как прекрасно определил Пуже – не боится частичных «реформ». Но он борется... против системы, которая возводит в принцип «соглашения» с хозяевами (патронатом) и не идет дальше смещенных комиссий, арбитражей, регулирования стачек, «советов труда» с их

Анархизм. Алексей Алексеевич Боровой filosoff.org
ув?нчаніємъ въ форм? «Высшаго Сов?та Труда».

Синдикализмъ полагаетъ, что «насиліе» – необходимый спутникъ всякой принудительной санкціи, а, сл?довательно, и всякаго «права». Н?тъ организованнаго «права» безъ насилія.

Но наряду съ правомъ – публичнымъ и гражданскимъ, санкціонированнымъ государствомъ, – есть иное неписанное право, покоющееся на коллективной в?р?, коллективно выработанномъ уб?жденіи въ справедливости притязаній, какъ личности, такъ и общественнаго класса на полный продуктъ ихъ творчества.

Каждый общественный классъ им?етъ сознаніе своего права. И право «пролетарское» глубоко враждебно праву «капиталистическому». Наличие подобнаго правосознанія и принципіальное содержаніе его, обусловленное разрывомъ съ другими классами, опред?ляетъ духовное рожденіе класса. И разрывъ между классами т?мъ полн?е, ч?мъ р?зче, ч?мъ ярче правовое сознаніе классовъ. «Ч?мъ капиталистичн?е будетъ буржуазія, – правильно писалъ Сорель – т?мъ воинственн?е будетъ настроенъ пролетаріатъ, т?мъ больше выиграетъ движеніе». И, поскольку «право» одного класса считаетъ желательнымъ или справедливымъ ограниченіе или упраздненіе «правъ» другого, и классъ пытается осуществить свое «право», онъ совершаетъ «насиліе».

«Всякій общественный классъ, – пишетъ итальянскій синдикалистъ Оливетти – всякая политическая группа стремится прим?нить насиліе къ другимъ и не допустить его по отношенію къ себ? самому, узаконить собственное насиліе и бороться противъ насилія со стороны другихъ. Ни одной челов?ческой групп? никогда не удавалось восторжествовать иначе, какъ при помощи силы....»

Поэтому, «насиліе» революціоннаго синдикализма есть не только организованное нападеніе на капиталистическій режимъ, но и необходимая самооборона, отв?тъ на покушенія со стороны «права буржуазнаго» на «право пролетарское». Это «насиліе» – въ истинномъ смысл? этого слова – борьба за существованіе. А содержаніе синдикалистскаго «права» – не объявленіе пролетарской «диктатуры», а обезпеченіе свободы и социальной справедливости.

Эта, по необходимости, б?глая характеристика философіи революціоннаго синдикализма все-же позволяетъ утверждать, что рабочій синдикализмъ, выросшій и развившійся самостоятельно, чуждавшійся какихъ-либо «теоретическихъ» выдумокъ, въ движеніи своемъ создалъ н?сколько моментовъ, поразительно напоминающихъ столь далекое, казалось бы, ему философское ученіе Бергсона. Одинъ изъ авторитетн?йшихъ представителей теоретическаго синдикализма, Лягарделль протестовалъ однажды противъ того, что многіе стараются усмотр?ть въ «антиинтеллектуалистской философіи Бергсона философскія основанія синдикализма». «Это нев?рно, – писалъ онъ – им?ется аналогія, совпаденіе, сходство въ н?сколькихъ существенныхъ пунктахъ... Но это все»...

Это зам?чаніе для насъ драгоц?нно. Т?мъ знаменательн?е и значительн?е становится это «совпаденіе», это «сходство въ н?сколькихъ существенныхъ пунктахъ», если основы синдикализма слагались самостоятельно, вн? какого бы то ни было вліянія французскаго философа. Это означаетъ, что философское движеніе противъ «разума», какъ единственнаго источника познанія, – не одиноко, что рядомъ съ нимъ, но независимо отъ него, движется въ томъ же направленіи, быть-можетъ, самое могучее по идейному смыслу, теченіе современности.

Мы знаемъ уже, что вс? разсужденія Бергсона вытекаютъ изъ его общаго представленія о жизни, какъ безконечномъ, слитномъ, нед?лимомъ и неразрывномъ поток?. Всякое расчлененіе его разсудкомъ, т.-е. всякая научная работа, даетъ намъ лишь условное, ограниченное представленіе о жизни и ея явленіяхъ. Лишь интуитивное знаніе позволяетъ намъ проникнуть внутрь предмета, постичь жизнь и ея явленія въ ихъ внутренней глубочайшей сущности.

И синдикализмъ, это практическое рабочее движеніе, одухотворяется т?ми же мыслями. Бергсоновское ученіе о жизни чрезвычайно близко воззр?ніямъ синдикалистовъ на самый синдикализмъ. Они рисуютъ себ? синдикализмъ, не какъ застывшую форму, сказавшую вс? свои слова, выработавшую разъ навсегда

Анархизм. Алексей Алексеевич Боровой filosoff.org
свою программу и тактику, а как непрерывное классовое творчество, своеобразный трудовой поток, не замыкающийся ни в рамки каких-либо абсолютных теорий, ни раз навсегда установленных методов.

Как у Бергсона наряду с поверхностным, внешним рассудочным «я», выработавшим язык и научные методы для удовлетворения своих, практических нужд, живет глубокое, внутреннее, жизненное «я», раскрывающее свое самосознание через интуицию, так в социальной философии синдикализма живет тоже противоположение применительно к социальной среде?

В экономике это – противоположение между обменом, переходящей формой, обслуживающей внешнюю потребности хозяйственного общества, и производственным процессом – глубоким внутренним механизмом, неотделимым от самого существования общества [14].

В политическом плане синдикализм выдвигает противоположение между легальным реформизмом – получим, исповедующим культ малых дел, и революционным реформизмом – в своих завоеваниях утверждающим свою подлинную сущность, свое «право».

Синдикализм открыл новую эру в развитии пролетарского самосознания.

Первоначально стихийный, непосредственно выросший из жизни, синдикализм в наши дни становится сознательным классовым протестом против рационализма – против слепой веры в непогрешимость теоретического разума, все устрояющего силой своих отвлеченных спекуляций.

Синдикализм утверждает автономию личности, утверждает волю творческого и потому революционного класса.

В синдикалистах живут рядом: «страстный индивидуализм», ревниво оберегающий свою свободу, и напряженное чувство «пролетарского права». Синдикалист уже не исполнитель только чужих мнений, но непримиримо и героически настроенный борец, своим освобождением несущий свободу и другим.

И спор между рдеющими защитниками рационализма и его врагами – думается мн – уже не есть только столкновение двух противоборствующих духовных течений, не есть контраверсы философских школ, турнир политических мнений, но борьба двух разных типов человеческого духа.

Но в «традиционном анархизме» – вопреки основным настроениям его – упорно говорят еще старая рационалистическая нота.

Правда, и обще-философская (смещение материализма с позитивизмом) и историко-философская физиономии Бакунина страдают крайней невыясненностью. В той творческой лихорадке, какой была вся жизнь Бакунина, ему было некогда продумать до конца философские основания своих утверждений, любой аргумент в защиту его «дела» казался ему пригодным.

И потому у Бакунина мы найдем столько-же рационалистических положений, сколько и разрушительных возражений против них. Бакунин оказывается одновременно близким и Контю и Бергсону.

Бакунин посвящает красноречивую страницу автоматизму «закоченвших» идей, страницу, как будто, предвосхищающую тонкую аргументацию Бергсона: «Каждое новое поколение находит в своей колыбели целый мир идей, представлений и чувств, который оно получает, как наследие от прошлых веков. Этот мир не представляется перед новорожденным в своей идеальной форме, как система представлений и понятий, как закон, как учение; ребенку, неспособному ни воспринять, ни постичь его в такой форме этот мир говорит на языке фактов, воплощенных и осуществленных, как в людях, так и во всем, что его окружает, во всем, что он видит и слышит с первого дня своей жизни. Эти человеческие понятия и представления были вначале только продуктом действительных фактов из жизни природы и общества, в том смысле, что они были рефлексами или отражениями в мозгу человека и воспроизведением, так сказать, идеальным и болше или меньше верным таких фактов с помощью этого безусловно

Анархизм. Алексей Алексеевич Боровой filosoff.org
вещественного органа человеческой мысли. Позднее, после того, как эти понятия и представления внедрились указанным образом в сознание людей какого-нибудь общества, они достигали возможности сдвигаться, в свою очередь, продуктивными причинами новых фактов, собственно не столько в природе, сколько в обществе. В конце концов они видоизменяются и преобразуются, правда очень медленно, существование, привычки и учреждения людей, словом, вся человеческая отношения в обществе и, своим проявлением во всяких мелочах повседневной жизни каждого человека, они явно действуют чувствительными способами, даже действиями».

И далее Бакунин дает убийственную характеристику «разума». Неоднократно подчеркивает он его бессилие, его неспособность творить или даже удолетворительно выразить в логических терминах всю полноту бытия. Разум расчленяет и убивает жизнь. Абстрактное мышление оперирует общими идеями, но они являются бледным отражением реальной жизни.

Бакунин, как будто, презрительно относится к «науке». Наука живет отраженной, несамостоятельной жизнью; она конструирует представления, понятия жизни, но не самую жизнь. Общество, которое бы управлялось на основании законов, открытых «наукой», Бакунин объявляет «ничтожеством». Он выносит беспощадный приговор «ученому» правительству.

Но наряду с подобным «антиинтеллектуализмом», Бакунин высказывает и прямо противоположные идеи, категоричностью своей далеко отходящая от учения прагматистов об «инструментальном» значении разума.

«Разум» объявляется единственным органом, которым мы обладаем для познания истины. В «Антитеологизме» Бакунин утверждает, что мысль определяет место человека в животном мире. «Человеческий мир – пишет он – являясь ничем иным, как непосредственным продолжением органического мира, существенно отличается от него новым элементом: мыслью, произведенной чисто физиологической деятельностью мозга и производящей в то же время среди этого материального мира и в органических и неорганических условиях, которых она является, так сказать, последним резюме, все то, что мы называем интеллектуальным и моральным, политическим и социальным развитием человека – историей человечества».

Недовольство к «науке» сменяется неожиданно ее апофеозом. «Мы полны уважения к науке; мы смотрим на нее, как на одно из самых драгоценных сокровищ, как на одну из лучших слав человечества. Наукой человека отличается от животного...» Наука мы обязаны обладанием «несовершенной, но зато достоверной истины» (Антитеологизм). Отсутствие знаний, невежество оказывается самостоятельным фактором общественного процесса. «Каковы причины приводящей в отчаяние и столь близкой к неподвижности медленности, которая составляет, по моему, самое большое несчастье человечества? Причин этому множество. Между ними одной из самых значительных является, несомненно, невежество масс». («Бог и Государство»). И в конечном счете, Бакунин переходит к славословию «универсальной науки» – позитивной философии Канта.

Так, несмотря на все стремления Бакунина изгнать из своего историко-философского credo все рационалистическое, оно тем не менее властно вторгается в него и именно наличием рационалистических элементов обуславливается характер той анархистской «политики», которая была воспринята и большинством его последователей.

Более законченным, хотя и менее оригинальным является учение Кропоткина.

В обширном, представляющем выдающийся интерес – по важности трактуемых автором проблем – «La Science Moderne et l'Anarchie» («Современное знание и анархия»)[15] Кропоткин стремится показать, что анархизм не есть только социально-политическая программа, но целостное мирозерцание.

«Анархизм – пишет он – есть миропонимание, базирующее на механическом (или, лучше сказать, кинетическом) истолковании явлений; миропонимание, объемлющее всю природу, включая и жизнь общества. Метод анархизма – метод естественных наук. Его тенденция – построение синтетической философии, обнимающей все факты природы. Как законченное материалистическое мировоззрение, анархизм полагает, что всякое явление природы может быть

Анархизм. Алексей Алексеевич Боровой filosoff.org
сведено къ физическимъ или химическимъ процессамъ и потому получаетъ естественно-научное объясненіе. Анархизмъ есть безповоротный отказъ отъ всякаго религіознаго или метафизическаго міровоззрѣнія».

Критикуя современныхъ экономистовъ, Кропоткинъ устанавливаетъ понятіе социологическаго закона. Онъ указываетъ, что всякій законъ имѣетъ условный характеръ, имѣетъ свое «если». Соціологи и экономисты обычно совершенно забываютъ объ этомъ условномъ характерѣ ихъ законовъ и изображаютъ «факты, явившіеся слѣдствіемъ извѣстныхъ условій, какъ неизбѣжные, неизмѣнные законы». Въ эту ошибку впадаетъ – по мнѣнію Кропоткина – и социалистическая (марксистская) экономія. Между тѣмъ, политическая экономія (какъ и всякая вообще частная социологическая дисциплина) должна конструироваться, какъ «естественное знаніе», она должна стать «физиологіей общества», должна изучать «экономическія отношенія такъ, какъ изучаются факты естественной науки». И Кропоткинъ заканчиваетъ разсужденіе замѣчаніемъ, что «научный изслѣдователь, незнакомый съ естественно-научнымъ знаніемъ, неспособенъ понять истинный смыслъ, заключенный въ понятіи закона природы».

Самъ Кропоткинъ – біологъ и въ его концепціи социальная жизнь не есть какой-либо самостоятельный типъ существованія, не имѣющій себѣ подобныхъ, но лишь особая форма органическаго міра.

Дарвинизмъ, по убѣжденію Кропоткина, совершилъ революцію и въ области социальнаго знанія. Но мы уже выше указывали, что Кропоткинъ далекъ отъ того ортодоксальнаго пониманія дарвинизма, которое весь жизненный процессъ сводитъ къ неограниченной и беспощадной борьбѣ за существованіе. Соціальныи инстинктъ есть такой же законъ животной жизни, какъ и взаимная борьба. И человѣкъ не является исключеніемъ въ природѣ. Онъ также подчиненъ великому принципу взаимной помощи, гарантирующей наилучшіе шансы выжить и оставить потомство.

Въ этихъ положеніяхъ – ядро всѣхъ социальнo-политическихъ построеній Кропоткина.

Переходя къ изученію социальной жизни, Кропоткинъ указываетъ на народъ, массы, трудящихся, какъ могучій родникъ социальнаго творчества, отвѣчающаго идеямъ взаимопомощи. Самый анархизмъ есть продуктъ творческой силы массы; подобно всякому революціонному движенію онъ родился не въ кабинетѣ ученаго, не въ университетахъ, а въ нѣдрахъ народа, въ шумѣ борьбы. Къ этой идеѣ народнаго творчества Кропоткинъ возвращается непрестанно. Всѣ учрежденія, имѣвшія задачей взаимопомощь и миръ, были выработаны анонимной «толпой».

Могучему народному инстинкту, творящему истинное справедливое право, Кропоткинъ противопоставляетъ маговъ, жрецовъ, ученыхъ, законниковъ, государство, несущихъ въ социальную жизнь ложь и тираннію. Даже когда революціонныя волны взмываютъ къ кормилу правленія людей одаренныхъ и преданныхъ народному дѣлу, и тогда они – по мнѣнію Кропоткина – не остаются на высотѣ задачи. Общественное переустройство требуетъ «коллективнаго разума массы, работы надъ конкретными вещами», свободной отъ утопическихъ, метафизическихъ бредней.

И наиболѣе цѣлесообразную форму общественной организаціи Кропоткинъ видитъ въ общинѣ, коммунѣ, представляющей реальныи интересы входящихъ въ нее членовъ, стремящейся къ широчайшему, въ предѣлахъ возможнаго, обезпеченію развитія ихъ личности. Кропоткинъ не отрицаетъ, что и коммуна знаетъ борьбу. Но... есть борьба, двигающая человѣчество впередъ. Коммуна боролась за человѣческую свободу, за федеративный принципъ; войны, которыя вели и ведутъ государства, влекутъ ограниченія личной свободы, обращеніе людей въ рабовъ государства.

Кропоткинъ неустанно разоблачаетъ, одно за другимъ «государственныя благодѣянія», и нѣтъ и не можетъ быть апологіи государственности, которая бы могла устоять предъ такимъ развѣдающимъ анализомъ человѣческой совѣсти.

Не останавливаясь подробнѣе на изложеніи содержанія замечательнаго труда – попробуемъ прослѣдить примѣненіе авторомъ его «метода» къ социологическому изслѣдованію.

Вся книга Кропоткина является по существу сплошнымъ обвинительнымъ актомъ по адресу государства, государства – злодѣя, государства узурпатора. И такая точка зрѣнія была бы совершенно понятной, если бы мы подходили къ

Анархизм. Алексей Алексеевич Боровой filosoff.org
государству, въ любой изъ его историческихъ формъ, съ этическимъ м?риломъ. Но, если прим?нять методъ естествознанія, какъ только что сов?товалъ авторъ, надо помнить, что н?тъ законовъ, которые бы не носили неизб?жно условнаго характера, и тогда громы Кропоткина противъ государства вообще становятся мало обоснованными. Въ своемъ историческомъ изсл?дованіи онъ самъ приходитъ къ выводу, что исторія не знаетъ непрерывной эволюціи, что различныя области по очереди были театромъ историческаго развитія; при этомъ каждый разъ эволюція открывалась фазой родового общежитія, потомъ приходила деревенская коммуна, позже свободный городъ; государственной фазой эволюція кончается. «Приходитъ государство, имперія и съ ними смерть», восклицаетъ Кропоткинъ. Вотъ именно этотъ «соціологическій законъ», представляющійся Кропоткину постояннымъ и неизм?ннымъ, и долженъ былъ бы поставить передъ нимъ вопросъ объ исторической необходимости государства. Онъ, какъ натуралистъ, долженъ былъ бы искать причинъ, почему исторія любого чело?ческаго общежитія, начавъ съ «свободы», кончается неизб?жно «государствомъ – смертью», которое у Кропоткина является внезапно, какъ *deus ex machina*, разрушая все созданное предшествующими творческими эпохами.

Посл? увлекательнаго пов?ствованія о среднев?ковой общин? Кропоткинъ говоритъ, что въ XVI в. пришли новые варвары и остановили, по крайней м?р?, на два или на три стол?тія все дальн?йшее культурное развитіе. Они поработили личность, разрушили вс? междучелов?ческія связи, провозгласивъ, что только государство и церковь им?ютъ монополію объединить разрозненные индивидуальности. Кто же они эти варвары? «Это – государство, тройственный союзъ военачальника, судьи и священника». Хотя дал?е Кропоткинъ и даетъ н?которое историческое объясненіе этому внезапному вторженію варваровъ, однако объясненіе далеко недостаточное. И именно зд?сь – слабый пунктъ всей исторической аргументаціи автора. Онъ почти не изучаетъ, или не интересуется процессомъ внутренняго разложенія т?хъ общежитій, которыя представляются ему, если не идеальными, то наибол?е ц?лесообразными. Онъ изсл?дуетъ вн?шнюю политику по отношенію къ среднев?ковой коммун?, городу, ремеслу и не зам?чаетъ внутренняго раскола, находящаго себ? часто иное объясненіе, ч?мъ злая только воля заговорщиковъ противъ сос?дскаго мира. Въ развитіи общественнаго процесса онъ почти игнорируетъ его техно-экономическую сторону, онъ не входитъ въ изученіе причинъ, повлекшихъ внутреннее разложеніе цехового строя, для него остается невыясненнымъ промышленный взрывъ конца XVIII в?ка и еще ран?е блестящее развитіе мануфактуры. Остановившись б?гло на меркантилистической эпох? и сд?лавъ общія указанія на одностороннюю политику государства, онъ д?лаетъ категорическое зав?реніе объ умираніи промышленности въ XVIII в?к?. Этой неполнотой историческаго анализа объясняется и н?которая романтичность въ его характеристик? среднев?ковья.

Въ результат? у Кропоткина является стремленіе къ идеализаціи всякой коммуны, на какой бы низкой ступени правосознанія она ни стояла. Едва ли съ этимъ можно согласиться, именно оставаясь на почве анархистскаго міросозерцанія. Если современному передовому правосознанію претитъ государственная форма общежитія, убивающая личную инициативу, налагающая на освободившуюся внутреннею личность путы вн?шняго принужденія, бесплодно расточающая чело?ческія силы, утверждающая общественную несправедливость своимъ пристрастнымъ служеніемъ господствующимъ экономическимъ интересамъ, то въ отд?льныхъ догосударственныхъ формахъ общежитія мы найдемъ ту же способность убивать свободную личность и свободное творчество, какъ и въ современномъ государств?. И, конечно, у государства, играющаго у Кропоткина безсм?нно роль гробовщика свободнаго общества, были причины появленія бол?е глубокаго, ч?мъ рисуетъ Кропоткинъ.

Общество истинно свободныхъ людей не можетъ породить рабства, истинно свободная коммуна не привела бы къ рабовлад?льческому государству. Но см?шанное общество, гд? наряду съ свободными были и несвободные, гд? свобода другого ц?нилась и уважалась постольку, поскольку это не вредило собственнымъ интересамъ, гд? взаимопомощь диктовалась не любовью, а грубымъ эгоистическимъ расчетомъ – не могло не породить эксплуататоровъ и эксплуатируемыхъ, прійти къ разложенію и закончиться государственнымъ компромиссомъ.

Поэтому, если историко-философская теорія Кропоткина желаетъ остаться строго реалистической, она должна признать, что вс? формы «соціальнаго» или «антисоціальнаго» закр?пощенія, въ томъ числ? и государство, суть также продукты творческихъ силъ массъ, а не выдумка случайныхъ, прирожденныхъ

Анархизм. Алексей Алексеевич Боровой filosoff.org
«злodeвъ», желающихъ въ что-бы то ни стало портить чelовеческую исторiю. Наконецъ, какiя могли бы быть причины этого постояннаго торжества ничтожной – въ количественномъ и качественномъ смыслѣ – кучки людей надъ превосходящими ихъ въ обоихъ смыслахъ массами?

Чрезвычайная идеализация творческой силы «массъ», доходящая до настоящаго фетишизма, представляетъ также чрезвычайно уязвимый пунктъ историко-философскихъ построений анархизма.

Уже со временъ Прудона и Бакунина въ анархистической литературѣ стало традиционнымъ утверждение, что самый анархизмъ – и какъ мiросозерцание и какъ практическiя формы организации (социальные институты взаимопомощи) – есть продуктъ творчества массъ.

Однако, утверждение это никогда и никомъ еще не было доказано.

Между темъ, едва-ли возможно – и по существу, и методологически – отождествлять понятiя «анархизма» и «взаимопомощи». Съ одной стороны, въ такомъ представленiи, «анархизмъ» становится всеобъемлющимъ; анархизмъ является какъ-бы своеобразной формой присущаго всѣмъ инстинкта самосохранения. Съ другой стороны, институты взаимопомощи – коммуна, союзъ, партиа – могутъ быть продиктованы такими интересами и чувствами, которыя не заключаютъ въ себѣ ничего анархическаго.

«Анархизмъ», какъ движение массъ, и по сiю пору не играетъ еще нигдѣ значительной роли. Социальныхъ институтовъ, исторически утвердившихся, анархическаго характера мы не знаемъ. Широкиа, но весьма неопредѣленныя и модифицируемыя иными влiяниями симпатии къ анархизму можно наблюдать среди крестьянскаго населенiя. Нѣкоторыя изслѣдователи, въ родѣ Боргиуса или Зомбарта, основываясь на наблюденiяхъ и статистическомъ материалѣ самихъ анархистовъ, даже опредѣленно настаиваютъ на «аграрномъ» характерѣ анархизма. «Вездѣ, гдѣ сельское населенiе поднималось до самостоятельнаго движения, – пишетъ Зомбартъ – оно всегда носило анархическую окраску». (Италия, Испанiя, Ирландiя). Но это – все. И если не считать, только въ послѣднiе годы слагающагося въ замѣтныхъ размѣрахъ въ пролетарской средѣ, анархо-синдикализма, можно было-бы еще и сейчасъ характеризовать анархизмъ словами Бакунина – «бездомная странствующая церковь свободы».

Анархизмъ требуетъ исключительно высокой – этической и технической культуры. «Масса» еще нигдѣ не стоитъ на этомъ уровнѣ. И то, что «масса» терпитъ чудовищный гнетъ и уродства капиталистической системы, есть плодъ не только ея «непросвѣщенности», ея боязни «дерзаний», но того, что ей дѣйствительно еще нечего поставить на мѣсто существующей системы. Если было-бы иначе, никакiе «злodeи» не сумѣли-бы удержать ее въ покоѣ.

Подведемъ итоги.

Если абсолютный индивидуализмъ пришелъ къ гипертрофическимъ изображенiямъ конкретной личности, до поглощения ею всѣхъ остальныхъ индивидуальностей и всей общественности, то современный анархизмъ, несомненно, погрѣшаетъ гипертрофическимъ представленiемъ роли массъ въ инициативѣ и подготовкѣ социальнаго акта.

Совершенно очевидно, что учрежденiя, созидаемая годами, десятилетiями и даже вѣками, не могутъ явиться мiру разомъ по инициативѣ «массы». Массы не заключаютъ ни «естественныхъ», ни «общественныхъ» договоровъ. Анархизмъ самъ уже давно высмѣялъ тщету подобныхъ утверждений. И все-же, творческую инициативу предоставляетъ мистической легендарной силѣ массъ.

Въ основѣ всякаго творческаго процесса лежитъ индивидуальная энергiя. Пусть личность беретъ изъ окружающей среды питающiе ее соки, но она претворяетъ въ живые дѣйственные лозунги смутный материалъ, вырабатываемый массой; она пробуждаетъ таящуюся потенциальную силу массъ; она подымаетъ ихъ своимъ творческимъ энтузиазмомъ и дѣлаетъ изъ безучастныхъ свидѣтелей активныхъ борцовъ.

Конечно, массовое творчество превосходитъ глубиной и значительностью изолированныя выступленiя личности. Стихийныя «народныя» движения, выступленiя «класса», представляющiя разрядъ накопленной общественной энергiи, уносятъ въ жизненномъ потокѣ отдѣльныя устремленiя личности,

Анархизм. Алексей Алексеевич Боровой filosoff.org
растворяютъ въ коллективномъ творчествѣ ея инициативу. Но ни народъ, ни общественный классъ не могутъ находиться постоянно въ состояніи творческой возбужденности. Проходить упоеніе побѣдой или отчаяніе, вызванное пораженьемъ, и работники цѣлаго, недавно спянные общимъ одушевленьемъ, рассыпаются въ вялой житейской обыденщинѣ до новаго подъема, новаго взрыва, вызваннаго чьей-либо личной инициативой.

Наоборотъ, жизнь личности, съ начала до конца, можетъ быть проникнута однимъ неудержимымъ стремленьемъ, непрерывнымъ воплощеньемъ любимой идеи, неизмѣннымъ служеньемъ любимому дѣлу. Никакое общественное движеніе не можетъ въ себѣ нести такого единства настроеній, такой вѣрности исходной идеѣ, какъ отдѣльное личное выступленіе. Общественная энергія – каменьщикъ, индивидуальная – зодчій.

Такъ – первое предложеніе, первый примѣръ принадлежитъ и въ социальномъ движеніи единственно подлинной реальности – личности. Самая общественность есть ничто иное, какъ извѣстный послѣдовательный порядокъ осуществленія личныхъ цѣлей въ социальной средѣ. Послѣдней нѣтъ внѣ личностей, ее образующихъ; масса не мыслить однимъ мозгомъ, не высказывается однимъ словомъ.

И новѣйшій образецъ «массовой психологіи», притомъ наиболѣе яркій – революціонный синдикализмъ, хотя для восторженныхъ наблюдателей, въ родѣ Сореля, и вышелъ готовымъ, подобно Минервѣ, изъ критики демократіи и партійнаго социализма, тѣмъ не менѣе въ дѣйствительности проходилъ стадію предварительной подготовки, и отдѣльныя мысли его высказывались задолго до сформированія массоваго теченія на конгрессахъ отдѣльными лицами. На творческой роли наиболѣе сознательнаго меньшинства въ самомъ синдикализмѣ настаиваютъ даже такіе синдикалистскіе дѣятели, какъ вышедшій непосредственно изъ рабочей среды Э. Пуже (нечего уже и говорить объ идеологахъ синдикализма въ родѣ Лагарделля). Наконецъ, и въ синдикализмѣ есть свои «избранники» и «вожди». Правда, это не «провиденціальныя» люди социаль-демократіи. Ни «апостольству», ни «бонапартизму» въ рядахъ синдикализма нѣтъ мѣста; его «вожди» – воистину первые среди равныхъ, но все-же они вожди и ихъ личная инициатива, какъ во всякомъ обществѣ людей, можетъ сыграть видную роль въ выработкѣ «массовой психологіи». [16]

И всякая иная, нереалистическая концепція была бы неприемлемой для анархизма, строящаго свою философію на самоопредѣленіи автономной личности.

И тѣмъ менѣе приемлемо возведеніе въ абсолютъ – «массы», «человѣчества», «коммуны», «социализма» или «синдикализма» и пр. для того міровоззрѣнія, которое устами же Кропоткина объявляетъ себя свободнымъ отъ какихъ-либо «религіозныхъ» или «метафизическихъ» пережитковъ. Государство и коммуна, парламентаризмъ и прямое народовластіе, пролетаріатъ, народъ и челоѣчество – временныя относительныя ступени въ безграничномъ устремленіи впередъ челоѣческаго духа. И не въ частномъ торжествѣ и совершенствѣ этихъ формъ можетъ онъ найти свое упокоеніе.

Свободная философія можетъ говорить лишь о вѣчномъ движеніи. Всякая остановка и самоудовлетвореніе въ пути для нея есть смерть.

И анархизмъ долженъ смести «законы» и «теоріи», которые кладутъ предѣлы его неутолимой жаднѣ отрицанія и свободы.

Анархизмъ долженъ строиться на томъ свободномъ, радостномъ постиженіи жизни, о которомъ намъ говоритъ интуитивная философія.

ГЛАВА IV. Анархизмъ и эконоическій матеріализмъ.

Среди множества теорій, пытавшихся заковать многообразную жизнь въ схемы отвлеченныхъ построеній, есть одна, заслуживающая особаго вниманія со стороны анархизма.

Эта теорія – доктрина «историческаго» или «экономическаго» матеріализма.

Она породила такую огромную критическую литературу, что, казалось бы, едва ли въ ней должны оставаться невыясненными какіе-либо пункты.

И между тѣмъ, споры изъ-за правильнаго ея истолкованія продолжаются и по сію пору и не только между ея ортодоксальными послѣдователями, съ одной

Анархизм. Алексей Алексеевич Боровой filosoff.org
стороны, и принципиальными ее отрицателями, сь другой, но и вь сред? самих марксистовъ, которые никакъ не могутъ согласиться вь пониманіи самыхъ «основъ» теоріи и «объясняютъ» ее и «продолжаютъ» вь самыхъ разнообразныхъ направлєніяхъ. Къ наименьшимъ противор?чіямъ привело усвоєніє доктрины экономического матеріализма вь томъ синдикалистскомъ теченіи, которое называетъ себя «нео-марксизмомъ», и которое наряду сь экономикой вь своей историко-философской концепціи уд?лило такое выдающееся м?сто инициативе автономной личности.

Какъ во всякомъ челов?ческомъ твореніи, подчиненномъ неизб?жнымъ законамъ времени, вь теоріи экономического матеріализма есть – элементы случайнаго, преходящаго значенія, уже отжившіе и отживающіе, объясняемые особенностями момента ея возникновения, индивидуальными особенностями ея творцовъ, наконецъ, специальными ея заданіями, но есть вь ней элементы, которымъ суждено пережить творца, ибо за обманчивой оболочкой логическихъ хитросплетеній вь нихъ бьется подлинная жизнь.

Эти элементы – дороги и анархизму.

Отношеніє анархизма къ экономическому матеріализму носить досел? двойственный характеръ. Сь одной стороны, и у анархистов мы найдемъ сколько угодно заявленій вь дух? исторического матеріализма. Бакунинъ, давъ вь «Государственности и анархіи» всестороннюю и беспощадную характеристику Маркса, т?мъ не мен?е пишетъ: «...Марксъ... доказалъ ту несомн?нную истину, подтверждаемую всей прошлой и настоящей исторіей челов?ческаго общества, народовъ и государствъ, что экономической фактъ всегда предшествовалъ и предшествуетъ юридическому и политическому праву. Вь изложеніи и вь доказательств? этой истины состоитъ именно одна изъ главныхъ научныхъ заслугъ Маркса». Не мен?е категорически вь этомъ смысл? высказывался онъ и вь другихъ своихъ сочинєніяхъ.

Сь другой стороны, изв?стно и чрезвычайно популярно отрицательное отношеніє къ «діалектическому методу» Кропоткина. «Мы такого метода не признаемъ – пишетъ онъ – какъ его не признаетъ и все современное естествознаніє. Современному естествоиспытателю «діалектическій методъ» напоминаетъ о чемъ-то давно прошедшемъ, давно пережитомъ наукой; открытія девятнадцатаго в?ка вь механик?, физик?, химіи, біологіи, физической психологіи, антропологіи и такъ дал?е были сд?ланы не діалектическимъ методомъ, а методомъ естественно-научнымъ, индуктивно-дедуктивнымъ. А такъ какъ челов?къ – часть природы и такъ какъ его «духовная» жизнь, какъ личная, такъ и общественная – также явленіє природы, какъ и ростъ цв?тка или умственное развитіє муравья и его общественной жизни, то н?тъ причины м?нять методъ изсл?дованія, когда мы переходимъ отъ цв?тка къ челов?ку или отъ поселенія бобровъ къ челов?ческому городу». («Современная наука и анархизмъ»).

Оставляя совершенно вь сторон? вопросъ о томъ, приводитъ-ли прим?неніє «естественно-научнаго» метода вь изсл?дованіи общественныхъ явленій неизб?жно къ анархизму, отм?тимъ только пренебрежительное отношеніє Кропоткина къ историческому матеріализму, какъ «метафизик?».

Что-же такое историческій матеріализмъ?

Довольно бросить б?глый поверхностный взглядъ на тотъ сложный хаосъ разнородныхъ взаимомод?йствующихъ явленій, изъ которыхъ слагается наша жизнь, чтобъ оц?нить истинное значеніє экономического фактора. Н?тъ ни одной стороны народной жизни, которая не находилась-бы вь т?сномъ единеніи сь нимъ, н?тъ ни одного крупнаго общественнаго факта, вь созданіи котораго онъ не принялъ бы участія.

Однако, отсюда далеко до признанія экономического фактора единственнымъ, исключительнымъ источникомъ вс?хъ явленій общественной жизни, какъ утверждаетъ теорія экономического матеріализма, сводящая вс? общественныя явленія къ одной экономической первооснов?.

Основныя положенія этой теоріи формулируются главнымъ ея творцомъ – Марксомъ вь сл?дующихъ выраженіяхъ: «Вь отправленіи своей общественной жизни люди вступаютъ вь опред?ленные, неизб?жныя, отъ ихъ воли не зависящія отношенія – производственныя отношенія, которыя соотв?тствуютъ опред?ленной ступени развитія матеріальныхъ производительныхъ силъ. Сумма этихъ производственныхъ отношеній составляетъ экономическую структуру общества,

Анархизм. Алексей Алексеевич Боровой filosoff.org
реальное основание, на котором возвышается правовая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания... Не сознание людей определяет формы их бытия, но, напротив, общественное бытие определяет формы их сознания... На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества впадают в противоречие с существующими производственными отношениями, или, употребляя юридическое выражение, с имущественными отношениями, среди которых он? до сих пор действовали. Из форм развития производительных сил эти отношения д?лаются их оковами. Тогда наступает эпоха кризисов... При их разсмотр?нии сл?дует всегда им?ть в виду разницу между материальным переворотом в экономических условиях производства, который можно определить с естественно-научной точностью, и идеологическими формами, в которых люди воспринимают в своем сознании этот конфликт, и в которых вступают с ним в борьбу. Насколько нельзя судить об индивидуум? по тому, что он о себе думает, настолько же нельзя судить о такой эпох? кризиса, по ее сознанию; напротив, нужно это сознание объяснить из противоречия материальной жизни, из существующего конфликта между общественными производительными силами и производительными отношениями. Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые, высшие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созр?ют материальные условия их существования на лон? старого общества. Поэтому, человек ставит себя всегда только такой задачи, которая она может р?шить, так как, при ближайшем разсмотр?нии, всегда окажется, что сама задача только тогда выдвигается, когда существуют уже материальные условия, необходимые для ее разр?шения или когда они, по крайней м?р?, находятся в процесс? возникновения». («К? критик?н?которых положений политической экономии»).

В «Коммунистическом Манифест?»: «Теоретические положения коммунистов ни в каком случае не основываются на идеях или принципах, придуманных или открытых каким-нибудь изобретателем мирового обновления. Они являются только общим выражением реальных условий происходящей в действительности классовой борьбы, свершающегося перед нашими глазами исторического движения».

Остановимся, наконец, на возр?ниях Энгельса – этого наиболее авторитетного толкователя марксизма: «... Производство, а посл? него и обмен продуктов производства – пишет он в Анти-Дюринг? – образуют основу всякого общественного строя; в каждой исторической общественной форм? распределение продуктов, а вм?сте с т?м и общественное расчленение на классы и сословия определяются т?м, что и как производится и как обменивается произведенное – поэтому, основных причин?х общественных изменений и политических переворотов сл?дует искать не в головах людей и не в их изменяющихся представлениях о в?чной правд? и в?чной справедливости, а в изменениях способов производства и обмена; их надо искать не в философии, а в экономике данной эпохи...» Или в другом месте: «... в любом обществе? с естественно-развивающимся производством... не производители господствуют над средствами производства, но средства производства господствуют над производителями».

Такова – теория. Производственные отношения, а отчасти и отношения обмена (у Энгельса) – объявлены базисом, на котором воздвигается вся общественная жизнь. Религия, мораль, право, философия, искусство – лишь надстройки на этом грандиозном фундаменте?.

В моем б?глом очерк? я совершенно оставляю в стороне вопрос о крайней неточности и неопределенности т?х понятий, которыми оперирует теория. Маркс, Энгельс и их посл?дователи постоянно употребляют термины «производственные отношения», «способы производства», «условия производства» или «надстройка», «отражение», «рефлекс», нигд? не давая им удовлетворительного объяснения, нигд? не поясняя самой природы отношений между «бытием» и «сознанием», между «базисом» и «надстройкой» и т. д., и т. д. Уже одна невыясненность терминологии подает повод к многочисленным недоразумениям и своеобразным толкованиям доктрины. Совершенно справедливо указывают, например, критики, что одно и то же явление, как причина, может вызывать самые разнообразные «отражения» в зависимости от той среды, в которой действует данная причина. Таким образом, между первопричиной – экономикой и «отражением» может и не быть никакого сходства, потому что среда кладет свою печать на самое образование «отражения».

Первое, что может быть поставлено въ упрек теоріи, это то, что она является совершенно голословной. Въ всей литературѣ марксизма мы не найдемъ сколько нибудь удовлетворительнаго, систематическаго ея обоснованія. Всѣ доказательства въ ея пользу сводятся обычно къ болѣе или менѣе удачнымъ историческимъ иллюстраціямъ, которыя должны подчеркнуть особую важность экономического фактора. Теорія должна быть просто принята «на вѣру». И если защитники ея не могли обнаружить ея истинности зато они настаивали на ея могучемъ «практическомъ» значеніи. Теорія можетъ опредѣлить политику пролетарскаго класса, быть «мифомъ» – недоказуемымъ, но субъективно достовернымъ. При этомъ, теорія, при ея чрезвычайной внѣшней стройности, открывала соблазнительную возможность уложить огромный, хаотическій потокъ жизни въ легкія и удобныя «формулы», не смущаясь тѣмъ, что «слова» въ нихъ часто замѣняли «понятія».

Однако, никакими «упрощеніями» нельзя было защитить теорію въ ея первоначальномъ смыслѣ и постепенно у самихъ «экономическихъ материалистовъ» она утратила свой категорическій характеръ.

Уже Энгельсъ призналъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, что «въ томъ фактѣ, что младшіе (ученики) придаютъ экономической сторонѣ болѣе, чѣмъ слѣдуетъ, значенія, виноваты Марксъ и отчасти онъ самъ». «Мы должны были – писалъ Энгельсъ – въ виду противниковъ настаивать на отрицаемомъ главномъ принципѣ, и не всегда имѣли время, мѣсто и поводъ указывать на остальные, участвующіе во взаимодействіи моменты». ... Такимъ образомъ, по признанію виднѣйшаго теоретика «экономическаго материализма», абсолютный смыслъ доктрины въ значительной мѣрѣ является плодомъ агитаціонныхъ и полемическихъ увлеченій, объясняется особенностями момента. Но это признаніе для насъ драгоцѣнно еще съ другой стороны. Если Энгельсъ говоритъ про взаимодействіе моментовъ, то этимъ самымъ онъ невольно признаетъ, что и факторъ экономической испытываетъ это взаимодействіе, т.-е. что онъ является не только причиной или даже единственной причиной, какъ объ этомъ говоритъ теорія въ неумолимой формулировкѣ Маркса, но и слѣдствіемъ. Признаніе же того, что экономической факторъ можетъ быть и слѣдствіемъ въ ряду взаимодействующихъ явленій, исключаетъ всякую возможность признанія его первопричиной.

Между тѣмъ, взаимодействія разнообразныхъ сторонъ общественной жизни не рѣшаются отрицать даже и наиболѣе слѣпые поклонники теоріи. «...Взаимодействие – пишетъ Бельтовъ (Плехановъ) – безспорно существуетъ между всѣми сторонами общественной жизни». И у Маркса и у Энгельса мы найдемъ множество отдѣльных мѣстъ, въ которыхъ они признаютъ обратное вліяніе на экономику, но наиболѣе интереснымъ представляется намъ то знаменитое мѣсто въ I томѣ «Капитала», гдѣ Марксъ описываетъ процессъ труда. «...Въ концѣ рабочаго процесса – замѣчаетъ онъ – получается результатъ, который при началѣ этого процесса уже существовалъ въ представленіи работника, т.-е. въ идеѣ. Человѣкъ не только производитъ свою дѣятельность извѣстною измѣненіемъ формы въ данномъ веществѣ природы, но онъ осуществляетъ въ этомъ веществѣ свою цѣль, которую онъ знаетъ напередъ, которая, съ принудительностью закона, опредѣляетъ способъ его дѣятельности, и которой онъ долженъ непрерывно подчинять свою волю... «Это мѣсто является однимъ изъ самыхъ краснорѣчивыхъ опроверженій разбираемой теоріи. Если Марксъ утверждаетъ, что всякій процессъ труда, всякая дѣятельность обуславливается напередъ поставленной цѣлью, ясно, что производству и производственнымъ отношеніямъ, изъ него вытекающимъ, предшествуетъ идея, что, вопреки утверженію Энгельса, «конечныхъ причинъ общественныхъ измѣненій слѣдуетъ искать «въ головахъ людей» раньше, чѣмъ въ «измѣненіяхъ способовъ производства и обмена».

И послѣдующій марксизмъ долженъ былъ фатально дѣлать уступки «взаимодействию».

Такъ Каутскій въ своей статьѣ о материалистическомъ міровоззрѣніи долженъ былъ въ историческомъ процессѣ удѣлить мѣсто и личности: «Индивидуумъ – писалъ онъ – не можетъ создать новыхъ проблемъ для общества, хотя порою онъ и можетъ видѣть проблемы тамъ, гдѣ ихъ до сихъ поръ не видалъ никто; равнымъ образомъ, онъ связанъ и въ отношеніи рѣшенія проблемъ, такъ какъ средства для этого ему даетъ его время; напротивъ того, выборъ проблемъ, которымъ онъ себя посвящаетъ, выборъ точки зрѣнія, съ которой онъ приступаетъ къ ихъ рѣшенію, направленіе, въ которомъ онъ ищетъ этого рѣшенія, и наконецъ, сила, съ которой онъ его защищаетъ, не сводятся безъ

Анархизм. Алексей Алексеевич Боровой filosoff.org
остатка къ однимъ экономическимъ условіямъ; всѣ эти обстоятельства оказываютъ вліяніе, если и не на направленіе развитія, то на его ходъ, на способъ, какимъ осуществляется, въ концѣ концовъ, неизбѣжный результатъ, и въ этомъ смыслѣ – отдѣльные индивидуумы могутъ дать много, очень много для своего времени».

Бернштейнъ и другіе ревизионисты, разумѣется, ушли еще гораздо дальше отъ первоначальныхъ твердыхъ теорій, отказываясь признавать за экономикой абсолютное значеніе.

То, что можетъ быть здѣсь поставлено въ упрекъ экономическому матеріализму въ некритической его формѣ, это – то, что, называя себя эволюционнымъ ученіемъ, онъ совершенно игнорируетъ эволюцію «личности». Ортодоксальные марксисты, съ такимъ жаромъ отстаивающіе законы исторической необходимости, готовые принести имъ въ жертву человѣческую инициативу и свободное творчество, забываютъ, что «я съ моимъ сознаниемъ, съ моей совѣстью – есть также исторія». (Масарикъ. Философскія и социологическія основанія марксизма).

Даже признавая, что человѣческая психика реагируя на окружающія явленія, обуславливаетъ ихъ и сознательно опредѣляетъ, они все же не считаются съ измѣненіями, происходящими во времени въ самой человѣческой природѣ, въ способности ея реагировать на окружающія явленія. Они слѣдятъ за малѣйшими измѣненіями въ социальной структурѣ и остаются равнодушными къ измѣненіямъ въ человѣческой волѣ и психикѣ. Глубокое замѣчаніе Маркса, что «человѣкъ, дѣйствуя на внѣшнюю природу, измѣняетъ свою собственную», было совершенно забыто въ разработкѣ доктрины историческаго матеріализма. И это сознательное или безсознательное игнорированіе успѣховъ человѣческой природы, искусственное ея «упрощеніе» въ угоду «объективнымъ законамъ» есть несомнѣнный результатъ полного неуваженія къ историческому опыту. Ростъ личности, съ точки зрѣнія историческаго процесса, т.-е. взаимодействія между личностью, обществомъ и матеріальной средой – есть фактъ громадной социологической важности, и тѣ, которые дорожатъ законами исторической необходимости, должны были бы озаботиться приведеніемъ въ соотвѣтствіе успѣховъ матеріальной культуры съ интеллектуальными и моральными успѣхами личности.

Личность живетъ не для историческихъ законовъ, и ихъ фетишизмъ обязателенъ лишь для первичныхъ стадій человѣческаго развитія; социальный прогрессъ съ каждымъ днемъ расширяетъ возможности сознательнаго самоопредѣленія личности въ стихійномъ до этого общественномъ процессѣ.

По мѣрѣ восхожденія на высшія ступени, человѣкъ начинаетъ самъ ковать свое «общественное бытіе».

Въ результатѣ теорія экономическаго матеріализма оказалась совершенно безсильной разрѣшить антиномію свободы и необходимости.

Противорѣчіе это, проникающее всю теорію, нашло превосходную формулировку въ трудѣ проф. Булгакова – «Философія хозяйства».

Съ одной стороны, экономической матеріализмъ – пишетъ онъ – есть «радикальный социологическій детерминизмъ, на все смотрящій черезъ призму неумолимой, желѣзной необходимости, «игнорирующей личность», «приравнивающей ее къ нулевой величинѣ», «чуждый всякой этики».

Съ другой, онъ – «не менѣе-же радикальный прагматизмъ, философія дѣйствія», для которой «мірѣ пластиченъ и нѣтъ ничего окончательнаго, предопредѣленнаго, неумолимаго, неотвратимаго»; этотъ экономической матеріализмъ – «въ своей социалистической интерпретаціи, насквозь этически», т.-е. обращается къ человѣческой волѣ – ея свободѣ. И самая формула «свобода есть познанная необходимость» – «насквозь прагматична», такъ какъ «познаніе есть идеальное преодолѣніе слѣпой необходимости, а за нимъ слѣдуетъ и реальное».

Этими замѣчаніями, которыя можетъ раздѣлить всякая непредубѣжденная критика, внѣ зависимости отъ ея социально-политическихъ платформъ, подрываются самыя основанія теоріи въ ея первоначальной непримиримости.

Наоборотъ, тѣ аргументы, которыми обычно пытаются защищать теорію экономическаго матеріализма въ этой ранней ея формѣ, оказываются слабыми и малоубѣдательными.

Проф. Тугань-Барановскій такъ формулируетъ важнѣйшіе изъ этихъ аргументовъ: «1) неизбежность хозяйственного труда для созданія матеріальной основы всякой иной дѣятельности, 2) количественное преобладаніе хозяйственного труда въ общей совокупности соціальной дѣятельности и 3) наконецъ, наличность въ хозяйственномъ процессѣ мало измѣняющагося матеріального момента, не зависящаго отъ соціального развитія и опредѣляющаго его».

Но совершенно справедливо указываетъ онъ, что, оставаясь именно на почвѣ этихъ аргументовъ, можно констатировать «неизбѣжность уменьшенія преобладающаго вліянія хозяйства по мѣрѣ хода исторіи. Чѣмъ ниже производительность труда, тѣмъ тѣснѣе зависимость соціального развитія отъ матеріального момента внѣшней природы. Но само это развитіе создаетъ условія для относительнаго освобожденія общества отъ власти хозяйственного момента ... Общественное бытіе есть не только причина, но и продуктъ сознанія; и чѣмъ дальше идетъ общество, тѣмъ въ большей мѣрѣ общественный строй, всѣ формы общежитія, и даже форма хозяйства становятся продуктомъ свободнаго сознанія людей...»

Однимъ словомъ, если экономическій матеріализмъ, онъ не хочетъ, по слову Плеханова, отнесенному имъ къ анархизму, быть «тощей абстракціей», то онъ долженъ отказаться отъ утвержденія, что экономическій факторъ есть факторъ первоначальный, къ которому возвращается и отъ котораго исходитъ все. Онъ лишь одинъ изъ факторовъ, взаимодействующихъ въ общественномъ процессѣ.

Любое общественное явленіе опредѣляется не одной, а цѣлой совокупностью причинъ. Въ свою очередь, причины, какъ выражается Минто, есть «совокупность всѣхъ условій явленія, какъ положительныхъ, такъ и отрицательныхъ, при наличности которыхъ всегда будетъ происходить данное слѣдствіе». Поэтому, всякое исканіе первичнаго двигателя исторіи не только заранее обречено на неудачу, но является и научно совершенно несостоятельнымъ.

По остроумному замѣчанію Бернгейма, экономическій матеріализмъ, гипостазировавъ, какъ самостоятельно дѣйствующую силу и выставивъ, какъ основную причину всего соціального развитія – только одну сторону челоуческой дѣятельности – матеріально-экономическую, впадаетъ въ обычную логическую ошибку матеріализма – смѣшеніе «непремѣннаго условія» съ «производящей причиной». Краснорѣчивой иллюстраціей могутъ служить слова Энгельса, которыми экономическіе матеріалисты обычно защищаютъ творческую роль «экономики»: «Люди должны сначала ѣсть, пить, имѣть жилище, одѣваться, прежде чѣмъ думать и сочинять, заниматься политикой, наукой, искусствомъ, религіей – и т. п.» («Lehrbuch der historischen Methode und der geschichtsphilosophie»).

Такъ падаютъ претензіи экономического матеріализма на универсализмъ. Стремленіе его объяснить «все», исходя изъ одной экономической первоосновы, несостоятельно. Онъ преувеличилъ свое значеніе, полагая, что въ немъ ключъ ко всѣмъ историческимъ эпохамъ, къ раскрытію всѣхъ сокровеннѣйшихъ тайнъ исторической общественности.

Такъ-же должны пасть и его претензіи на «научность». Марксизмъ есть культъ науки. Онъ называетъ «свой» социализмъ научнымъ и именно въ «научности» его видѣлъ его способность разрѣшить всѣ «проклятые вопросы» и утвердить торжество правды.

Но марксизмъ утверждаетъ себя, какъ міросозерцаніе. А строить все міросозерцаніе на «наукѣ» – ненаучно прежде всего. Это должно быть ясно послѣ всѣхъ разсужденій предыдущей главы.

Необходимо также имѣть въ виду, что наука полагается не только актами интеллекта, но прежде всего актами воли, ибо, какъ остроумно однажды писалъ проф. Зѣлинскій, «наука можетъ доказать, что угодно, кромѣ самой себя, т.-е. своего основанія. Доказуемо лишь предпослѣднее, послѣднее же нѣтъ. «Послѣднее» есть всегда предметъ вѣры и утверждается волей.

Наконецъ, именно «научность» марксизма – если не разумѣть подъ ней личной глубокой учености Маркса – и подлежитъ оспариванію. Априорныя и одностороннія наблюденія, обобщенія, построенныя на параллеляхъ, аналогіяхъ и наудачу вырванныхъ историческихъ примѣрахъ, полное смѣшеніе «объективнаго» и «причиннаго» съ «должнымъ» и политикой – все это не имѣетъ

Анархизм. Алексей Алексеевич Боровой filosoff.org
ничего общего с «научностью», в общепринятом смысле этого слова.

Марксизм – сильная пламенная односторонность своего влечения в
всеразрушающую силу экономического прогресса, в той же мере, что стихийные
силы «бытия» вопреки человеческой воле и вопреки ей приведут человека к
счастливому и справедливому концу. Пролетариат в этой системе был
объявлен естественным, необходимым выразителем той «правды», которая,
наперекор торжествующей сейчас злой воле, будет в конечном счете
победителем. Полная гармония общественности – есть цель исторической
миссии пролетариата.

Марксизм, таким образом, проникнут чисто-буржуазным,
рационалистическим оптимизмом. Он – также утопичен, как презираемые
им утописты. Марксизм питан не безпокойным критическим духом
научности, но спокойным благим духом фатализма. Тот фетишизм товара и
товарных отношений, который составляет наиболее гениальное открытие
Маркса, от которого остерегался он всех других – подстерег его самого.
Стихийные силы развития с их «разумной» целью – торжества
социалистических начал – стали подлинным фетишем марксизма. Человек
стал лишь относительным, исторически преходящим отражением тех сил,
которые слагают и обнаруживают свое действие вне его.

Теория экономического материализма – характерна лишь для определенных
ступеней человеческого и общественного развития. Она не может претендовать
на объективную истинность, на постоянное универсальное значение, ибо не
следует забывать, что сам творец теории, согласно собственной доктрине,
мог видеть в ней лишь продукт определенных производственных отношений.
С изменением последних падает и самая теория. Она – относительная,
временная, психологический факт и не может, конечно, играть роли вечного
глашатая истины. Сам Энгельс предвидел момент, когда должна она
рухнуть. «Только тогда – пишет он в Анти-Дюринге про будущий
социалистический строй – люди будут сами вполне сознательно творить свою
историю, а приводимые ими в движение общественные силы станут давать все
в большей мере желаемые для них результаты. Это будет прыжком
человечества из царства необходимости в царство свободы».

Но то, что Энгельс считал возможным лишь по достижении социалистической
конструкции общества – свободное сознательное творчество, становится
лозунгом уже современной личности, не желающей мириться с определением
ее «сознания и воли» «бытием», а стремящейся сознательно устроить свою
жизнь.

И это начинают признавать даже те, которые доселе еще продолжают
религиозно верить в доктрину экономического материализма. Долгое время
веровали они в абсолютные формулы развития и гибели капитализма,
установленные марксизмом. Верили и в знаменитую «катастрофическую
теорию», согласно которой капитализм должен был рухнуть, вследствие
хронической дезорганизации промышленности – явления стихийного,
слагающегося вне воли людей.

Но и в социальной философии современной немецкой социаль-демократии теория
«саморазрушения» капиталистического общества постепенно утрачивает
значение одной из центральных руководящих идей. Она отступает на задний
план, принимается за деталь. На первый план и современная
социаль-демократия выдвигает момент классовой борьбы, утверждая, что
последняя поколеблет здание капитализма раньше, чем это сделала бы
хроническая дезорганизация промышленности. Таким образом – классовое
самосознание, классовая воля получают решающее предпочтение перед
объективным фактором развития – безсознательным, стихийным
экономическим процессом. Еще более рельефно выступает этот момент в –
«революционном синдикализме», вся тактика которого построена на признании
примата «сознания» перед «бытием», и метод «прямого воздействия»
которого есть наиболее яркое утверждение свободы человеческой воли, свободы
человеческого творчества от мертвых производительных сил.

Однако, в экономическом материализме есть сторона, которая должна найти
себя место и в социологическом credo анархизма.

Эта сторона – постоянно быющее в нем, несмотря на все
рационалистические наряды, напоминание о жизни.

Анархизм. Алексей Алексеевич Боровой filosoff.org
Никто не нанесет экономическому материализму более страшных ударов, чем он сам. Претендуя на «универсализм», «научность», «абсолютную» теорию развития, он сам сдѣлал все, чтобы подорвать свои претензии.

Разрушительным для его утверждений оказалось то, что он в основу их положил начало жизни. Важная текучесть жизни не имеет ничего общего с «универсализмом», «научностью», «абсолютизмом» придуманных теорий. И даже сверхисторической – у последователей его – авторитет Маркса оказался бессильным спасти в неприкосновенном виде его теории. Но постоянное возвращение от головокружительных полетов мысли, от утопий и мифологии к реальной действительности есть огромная заслуга марксизма. И анархизм должен ее помнить.

ГЛАВА V. Анархизм и политика.

Является довольно распространенным мнением, что анархисты отрицают политическую борьбу.

«Традиционный анархизм» протестует против этого.

«Откуда могло сложиться подобное мнение? – читаем мы в сборнике писателей этого течения – «Хлеб и Воля». Факты, напротив, доказывают, что в современной Европе только анархисты ведут революционную борьбу с государством и его представителями, а государство, вѣдь, учреждение политическое par excellence.. Не только анархисты не отрицают политической революционной борьбы, а за последние тридцать лет в Европе только анархисты и вели революционную пропаганду...»

В чем же заключается эта политическая борьба против государства? Сведенная к ее истинным размерам, это – борьба против демократии: парламентаризма и политических партий.

Демократия есть самодержавие народа, народовластие, признание того, что суверенитет – единый, неотчуждаемый, неделимый принадлежит народу.

Идея «народовластия» – и сейчас еще общепризнанный идеал радикальной политической мысли.

Но, не говоря уже о более раннем опыте, весь опыт XIX-го века обнаружил тщету народных упований на «демократию». Народовластие есть фикция. Народного суверенитета нет и не может быть – пишет выдающийся немецкий государствовед – Рихард Шмидт («Allgemeine Staatslehre»). В реальной государственной жизни действует не народ, как таковой, но определенный верховный орган, более или менее удачно представляющий хаос индивидуальных волей, слагающих народ. Государство в лице верховного законодательного органа вытѣсняет «правящий народ». Суверенитетом облечен не он, но «орган», отражающий волю сильнейших, фактически волю господствующего общественного класса.

«Самодержавие народа» – одна из самых ранних, политических конструкций. Ее знает античный мир, ее знало средневековье. Но в полной, разработанной, категорической форме она – продукт просветительского потока XVIII-го века и связывается, по преимуществу, с именем Руссо. Ему принадлежит наиболее глубокая политическая формулировка того общественного процесса, который заключался в переходе от самодержавия монарха к самодержавию народа. Этот переход был связан непосредственно с появлением на исторической арене новой силы – буржуазии.

Ее значение было огромно. В конце XVIII-го века весь мир с напряженным вниманием слѣдил за событиями, протекавшими в революционной Франции. Величайшая из всех до того бывших исторических драм – Великая революция в одних вселяла трепет и ужас, в других рождала восторги. Впервые среди феодальных обломков юная буржуазия властно возвысила свой голос, впервые языком просветительской философии и революционных публицистов заговорила она о неотъемлемых священных правах человека и гражданина. Все, казалось, улыбалось тогда этой вновь народившейся силе, могуче прокладывавшей себе новую дорогу. Буржуазия была властителем дум.

В знаменитой брошюре «О третьем сословии» аббат Сיעсь в трех вопросах и ответах резюмировал сущность социально-политических стремлений

Анархизм. Алексей Алексеевич Боровой filosoff.org
современной ему буржуазии. «Что такое третье сословие?» спрашивал он – «Все!» «Чем оно было до сих пор?» «Ничем!» «Чем оно желает быть?» «Быть чем-нибудь!»

И жизнь благосклонно отнеслась к требованиям революционной буржуазии; прошли года – и во всех конституционных странах мы видим ее не в скромной роли «чего-нибудь», а верховной вершительницей судеб целых народов.

Ей стали принадлежать и экономический и юридический суверенитет. Народовластие, о котором она говорила в своих декларациях и конституциях, стало ее властью, самодержавие народа – ее самодержавием.

Демократия – сулила: полное равенство, отрицание всех привилегий и преимуществ, привлечение всех к управлению страной. Это оказалось несбыточной мечтой. С одной стороны, уже по причинам формального свойства, оказалось невозможным сделать народ – действительным сувереном. То, что было бы мыслимо в небольшой общине, технически оказалось не под силу обширному народу. И кучка выборных, далеких подлинной воле народа, стала фактическим сувереном. С другой – суверенная буржуазия сделала все, чтобы обезопасить «свое» самодержавие и защищать его от посягательств беспокойных индивидуальностей, недовольных тем порядком, который был упрочен буржуазным законодательством. Принцип народовластия был обречен, извращен. Для выражения правильной народной воли – понадобились цензы: имущественный, осведомленности, возраста и пола. В принципе народовластия, этой фикции, господствующий класс нашел свою лучшую защиту. Он стал ее идейным и практическим щитом против всех «народных» нападений.

Критика демократии есть вместе с критикой принципа большинства.

В настоящее время общепризнано, что этот принцип был принят не во всех ранних демократиях. «Демократии древности – пишет Еллинек в своем этюде «Право меньшинства» – знали принцип большинства и проводили его различным образом, часто признавая при этом и права меньшинства. Напротив, средневековый мир признал его далеко не сразу и с оговорками. Сильно развитое чувство личности, которым отличались германские народы, не мирилось с тем, что двое всегда должны значить больше, чем один. Один храбрый мог победить в открытой борьбе пятерых, – почему же должен он в совете склоняться перед большинством. И потому в средневековых сословных собраниях мы часто встречаемся с принципом, что решать должна pars superior а не pars major, иначе – что голоса надлежит взвешивать, а не считать. В некоторых сословных корпорациях вплоть до позднейшего времени вообще не производился правильный подсчет голосов, например – в венгерском сейме. В общественной жизни германцев первоначально все решения принимались единогласно – особенно при выборах, – большей частью путем аккламации, которою заглушались голоса несогласного меньшинства». И не только у германцев требовалось для принятия важных решений единодушное собрание, то-же было и в славянском мире.

Однако, при переходе к большим демократиям современности стало очевидным, что народовластие в его чистой форме – невозможно. И новая демократия на место единогласия поставила начало большинства.

Позднее было объявлено единственно возможным способом решения общенародных вопросов; меньшинство должно было смириться, за большинством была признана постоянная привилегия правды.

Однако, подобное признание было слишком вопиющим компромиссом, и апологеты демократии должны были подыскать ряд аргументов для его защиты.

Отметим лишь важнейшие.

Прежде всего указывали, что торжество начала большинства есть прочный исторический факт. Разсуждение Еллинека, только-что приведенное, обнаруживает несостоятельность этой «исторической» ссылки. Но если бы даже и все исторические народы практиковали большинство вместо единогласия, это могло обозначать только одно, что подлинной демократии история еще не знала. Начало большинства есть слишком очевидная фальсификация народной воли, принуждение к согласию, неуважение к чужой свободе.

Анархизм. Алексей Алексеевич Боровой filosoff.org
Указывали дал?е, что р?шение общественных вопросов большинством сообщает обществу устойчивость. Согласие большинства на известное м?роприятие, реформу является гарантией, что реформа – популярна, что она имеет глубокие общественные корни, что она удовлетворяет действительным запросам общества.

Большинство – в глазах его апологетов – является не только гарантией устойчивости, но и необходимой гарантией прогресса. Меньшинство было бы бессильно провести в жизнь то, что отв?чало только бы его интересам и общество при отсутствии принудительной власти «большинства» страдало бы от постоянных контраверз, творчески бесплодных. Н?которые, наиболее упорные сторонники полного смирения меньшинства даже охотно признают, что то общество представляется им бол?е созр?вшим и здоровым, которое дает в обсуждении важн?йших проблем общегития максимум разногласий. Но... ввиду невозможности какого либо реального исхода для вс?х этих разногласий, меньшинство должно склониться пред? волей «большинства».

Н?которые отстаивают «большинство», следуя за Бентамом с? его принципом утилитаристической морали. Достижение удобств, счастья возможно большей части общества, вот – идеал, к? которому сл?дует стремиться. Нравственн?е и ц?лесообразн?е сл?датель счастливым «большинство», ч?м меньшинство. Арифметика является критерием истинности принятых р?шений.

Наконец, господствующим мотивом в защиту «большинства» является соображение о совершенной невозможности добиться в большом обществе единогласия. Принятие начала «большинства», как? руководящего регулятора общественной жизни, диктуется, таким образом, мотивами технической ц?лесообразности, политической необходимостью. Или отказ от демократии, или принцип «большинства» – середины н?ть.

Едва-ли нужно говорить, что вс? эти соображения, независимо от их формальной, вн?шней справедливости или практичности, ничего общего не имеют с? защитой «правды» или «нравственного достоинства» р?шения. О свобод? и, сл?довательно, морали не может быть и р?чи там, гд? д?ло идет о количественном подсчете голосов.

«Большинство» – может-быть неправо, и исторические случаи «неправоты» большинства – столь часты, многочисленны и столь самоочевидны, что на них едва-ли стоит останавливаться.

Но и помимо соображений «правоты», которая может чрезвычайно субъективно толковаться, принципиальное согласие на постоянное подчинение большинству является величайшим нравственным унижением для подчиняющегося, отказом не только от свободы д?ствий, но часто и от свободы суждений, свободы в?рований. При управлении большинством меньшинство становится рабом, который только в бунт? выражает свою волю. Право большинства есть право сильного. Основанное на порабощении чужой воли, отрицании чужой свободы, оно должно быть отвергнуто анархическим сознанием. «Когда среди 100 человек – писал Л. Толстой – один властвует над 99 – это несправедливо, это деспотизм; когда 10 властвуют над 90 – это тоже несправедливо, это олигархия; когда же 51 властвуют над 49 (и то только в воображении – в сущности же опять 10 или 11 из этих 51) – тогда это совершенно справедливо – это свобода!»

Превосходный прим?р, одновременно характеризующий и негодность нравственной природы «большинства» и техническую недостижимость этого начала в большом обществе?.

И на б?глом анализ? современного парламентаризма мы легко уб?димся, что «большинство», представляющее фикцию народовластия, в действительности, обращается всегда в правящее меньшинство – олигархию.

«Парламент – есть лучшее средство защищать общенародные интересы», – говорит современная государственная наука, гласят катехизисы современных политических партий.

С? того момента, когда поб?доносная буржуазия впервые утвердила в парламент? свой оплот против феодальных властителей, парламент остался в сознании народов неизм?нным палладиумом политических свобод и политического равноправия.

Пусть долгая парламентская история дала достаточно примеров тому, что рабство широких народных масс всегда уживалось и уживается с парламентом – этим признанным защитником quasi-народных вольностей, что парламент оказался совершенно неспособным, даже в самые блестящие периоды своего существования, защищать реальные, а не фиктивные только интересы трудящегося населения, что народные представители из приказчиков пославших их сюда состоятельных классов неизменно обращались всегда в самодовольной тяжелой аппарату, начинавшей немедленно жить своей собственной жизнью, чуждой, а иногда и враждебной интересам обманутых доверителей.

Недвусмысленной защиты плутократического благополучия, да крохотных полумифических подачек голодному пролетариату было довольно, чтобы в парламент уворовали и воруя еще и сейчас не только «буржуазная», но и «социалистическая» наука.

Парламент создан буржуазией. Он сыграл уже крупную историческую роль; в свое время служил он могучим средством борьбы буржуазии против феодальной реакции. Законодательства, которыми мы обязаны различным национальным парламентам, носят на себе яркую, несомненную печать творчества той социальной группы, которая вызвала к жизни и самый парламент.

Цели исторической эпохи обращали парламент в лозунг наиболее прогрессивных слоев общества; крупная и мелкая буржуазия, по очереди, писали на своих знаменах парламентские вольности.

Но времена, когда буржуазия выступала передовым борцом за права человека, давно прошли, героический период ее отошел в область преданий, революции ее потускнели, обветшали знамена и лозунги.

И теперь, последовых турниров в конторах и банках, избалованная успехами, не забывает она в часы досуга излюбленного ею когда-то парламента. Но она к нему не относится уже с прежней ретивостью; нередко в интимном кругу она не прочь и сама добродушно посмеяться над чистой и наивной верой в его целебную силу.

Ее прежняя энергия просыпается лишь тогда, когда новые борцы за новые права человека – пролетариат – идут на них с оружием в руках. Тогда парламентская машина работает полным ходом, льются потоки красноречия, ораторы распинаятся за «общее благо», «интересы и прочность страны», напоминают дерзким пришельцам, тревожащим покой буржуазии, о традициях, о драгоценных заветах прошлого.

В конце концов, буржуазия облегчает свою совесть, бросая фиктивные подачки; вновь все успокаивается, вновь начинается для нее безмятежное существование.

И вот, за эту парламентскую машину, которая столько лет служила верой и правдой привилегированному классу, жадно хватаются социалисты, надясь также найти в ней целебное средство против несовершенств современного капитализма, думая, что парламент – слуга будет работать так же честно и усердно и на нового хозяина, как он работал на старого.

Но что такое парламент? Какую службу он может нести революционному классу?

Основная задача парламента заключается в том, чтобы представлять общенародные интересы, чтобы, внимательно прислушавшись к голосам граждан, ознакомляться с их нуждами и путем своевременного и целесообразного вмешательства содействовать общему благополучию.

Такова, конечно, задача, по существу, любого органа государственного управления, но парламент меньше, чем какой-либо другой орган, способен стоять на страже именно общенародных интересов.

Парламент является одной из форм народного представительства. В нем народ как бы переносит на избранных свою волю, и парламент в целом является собой национальную волю. Воля парламента большинства или фактически, воля народного меньшинства становится волей народного

Анархизм. Алексей Алексеевич Боровой filosoff.org
большинства, волей вс?хъ.

Но такое понятие представительства есть понятие юридическое, а не политическое.

«Въ политической же действительности – пишет авторитетнейшей из новых государственныхиков – Еллинекъ – мы им?емъ въ парламентскомъ постановленіи... всегда лишь волю большинства голосующихъ членовъ парламента. Руссо совершенно правъ: нельзя желать за другого, столь же мало, прибавимъ мы, какъ нельзя за другого ?сть или пить».

Такимъ образомъ, представление народной воли волей парламента – есть фикція, которая не перестаетъ быть фикціей только оттого, что им?еть за собой почтенный возрастъ или потому, что зд?сь «юридическія представленія... глубоко срослись съ общимъ правоуб?жденіемъ, хотя и бессознательно для широкихъ слоевъ общества».

Парламентская воля есть искаженіе народной воли.

Какіе бы мы избирательные законы ни сочиняли, какіе бы мы ни придумывали коррективы врод? пропорціональныхъ выборовъ въ погон? за чистой народной волей, вс? наши усилія – напрасны.

Благодаря чрезвычайному многообразію индивидуальныхъ волей, представляющихъ народъ, благодаря неуловимымъ иногда отт?нкамъ, изъ которыхъ каждый им?еть неоспоримое право быть представленнымъ въ любой парламентской комбинаціи и въ любомъ избирательномъ закон?, мы им?емъ лишь жалкую пародію на то, что мы съ такой ув?ренностью и гордостью называемъ волей народа.

«Въ народной жизни масса различій – пишетъ Еллинекъ въ своемъ блестящемъ этюд? о конституціяхъ – не сразу зам?тныхъ и не подлежащихъ изм?ренію, и они, несомн?нно, остаются безъ представительства при систем?, построенной исключительно на количеств? населенія... Пропорціональные выборы не въ состояніи обезпечить представительства вс?мъ справедливымъ интересамъ народа, потому что на выборахъ народъ обыкновенно д?лится на партійныя группы, а партіи отнюдь не соотв?тствуютъ группировк? народа во всей ея полнот?. Поэтому – заключаетъ Еллинекъ – проблема правильнаго, справедливаго избирательнаго права абсолютно неразр?шима. «Ни одно политическое учрежденіе не основано въ такой м?р?, какъ народное представительство, на фикціяхъ и на несоотв?тствующихъ д?йствительности идеальныхъ построеніяхъ».

«Ч?мъ дал?е увеличивается численность населенія государствъ и общинъ, – пишетъ Масарикъ, весьма далекій отъ анархистскаго міросозерцанія – ч?мъ сложн?е становятся общественныя отношенія, ч?мъ бол?е образовано населеніе и ч?мъ бол?е развиты его потребности, т?мъ чувствительн?е несоотв?тствіе между волей населенія и волей парламента...» («Философскія и соціологическія основанія марксизма»).

Даже всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право дастъ намъ одн? иллюзіи народнаго представительства, становящіяся еще бол?е обманчивыми въ зависимости отъ роста процента воздерживающихся отъ выборовъ.

Въ одной изъ своихъ р?чей Бисмаркъ представилъ однажды палат? сл?дующій любопытный расчетъ: «Изъ числа им?ющихъ право выбора принимали въ немъ участіе всего 34%; большинство этихъ 34% выбрало избирателей, которые могли, такимъ образомъ, им?ть за собой 20–25% всего числа, им?ющихъ право участвовать въ выборахъ. Большинство избирателей выбирало депутатовъ, число которыхъ представляло, такимъ образомъ, 13–15% общаго числа, им?вшихъ право участвовать въ выборахъ».

Бранденбургъ, приводящій этотъ расчетъ въ своемъ любопытномъ этюд? о парламентской обструкціи, зам?чаетъ, что Бисмаркъ умолчалъ о томъ, что «благодаря трехстепеннымъ выборамъ небольшое число населенія можетъ существенно повліять на результатъ выборовъ, и что открытая подача голосовъ сильно вредитъ результату выборовъ». «Но – зам?чаетъ Бранденбургъ – и при разм?рахъ участія въ выборахъ въ 70%, депутаты едва-ли могутъ съ ув?ренностью являться представителями бол?е ч?мъ 40–50% всего числа избирателей, а парламентское большинство, если оно не подавляюще велико, будетъ выразителемъ мн?нія только 25–35% вс?хъ, им?ющихъ право выбора».

Анархизм. Алексей Алексеевич Боровой filosoff.org
Если, например, – заключает он – в нынешнем рейхстаге консерваторы, ультрамонтаны и протестанты вместе будут иметь большинство 219 голосов из 397, то все же они представляют собой только 32 1/2% всего числа избирателей».

Таким образом, никакое парламентское большинство не может представлять народа, не может выразить его воли.

Казалось-бы, воля народа все-же могла получить известное выражение, если-бы немногие и случайные представители его были снабжены императивными мандатами и, таким-образом, не могли уклониться от подлинных желаний народа или вопреки его отдельных господствующих групп.

Но теория уже довольно показала, что парламентаризм и императивные мандаты – несовместимы, и современные законодательства их не знают. Представители, законодательствуя, осуществляют свою волю, выдавая ее за волю народа.

Эта идея, бесспорная и ясная, идея подкрепляемая математическими доказательствами, становится еще более яркой, еще более убедительной, если мы будем оперировать не туманным понятием «народа» с его несуществующей единой и целой «народной волей» и его фиктивными «общенародными интересами», а конкретно существующим классовым обществом.

Наместо единого и неделимого народа, мы видим борющиеся группы, сталкивающиеся интересы, которые беспощадно расправляются друг с другом и только в целях самозащиты или в состоянии крайней необходимости вступают в компромиссы и заключают соглашения.

Эти интересы встречаются не в открытом поле, а в парламенте; в современном государстве оружием является избирательный бюллетень, парламент – местом, где учитываются победы и поражения и заключаются договоры борющихся сторон. И до тех пор, пока мы будем жить в классовом государстве, парламент будет в точном отражении воли сильнейшего класса, которая, конечно, не желает, да и не может быть «народной волей».

Являя собой не более, как «бумажное представительство штыка, полицейской дубинки и пули», парламентское большинство «делает излишним кровопролитие», но не в меньшей степени является решением силы, чем декрет самого абсолютного деспота, опирающегося на самую могущественную из армий.

Парламент является, таким образом, прежде всего учреждением социальным, а не политическим и представляет интересы не государства, а интересы отдельных общественных групп или, в конечном счете, наиболее сильной из них.

Эту идею проводили в своих трудах такие выдающиеся государственники, как Лоренц Штейн или даже консервативный Рудольф Гнейст.

В нашем капиталистическом обществе сильнейшей из групп является буржуазия, и ей принадлежит и верховный голос, и верховная власть, и «народная воля».

Она создала парламент, избрав его своим орудием борьбы, она в своих приходах защищала его в Англии, против Тюдоров, во Франции связала всю свою историю с историей генеральных штатов, в парламенте же она санкционировала политическую завоевание своей победоносной революции конца XVIII века. Ей по праву должен принадлежать и принадлежит современный парламент, а вместе с тем и ключи к «народной воле». И до тех пор – справедливо говорит Лавуазье – пока общество остается буржуазным, представительство его, называемое национальным, необходимо будет таким же, т.е. буржуазным. Если же представительство имеет буржуазную сущность, то оно будет поддерживать, вопреки всему, притязания имущих классов против домогательств труда, послэднему нечего ожидать от него. Это – столь же фатально, как падение камня... Адвокаты пролетариата... будут лицами, ходатайствующими за других овец пред волками...»

И каким беззастенчивым поруганием против других общественных групп ни было бы решение буржуазного парламентского большинства, оно всегда

Анархизм. Алексей Алексеевич Боровой filosoff.org
выходить под ярлыком «народной воли» и потому священо для всѣхъ сознательныхъ и безсознательныхъ апологетовъ современнаго государства. И если вчера еще – многіе изъ тѣхъ адвокатовъ, людей либеральныхъ профессій или партійныхъ крикуновъ и политикановъ, которые населяютъ парламенты, казались народу жалкими дармоѣдами, сегодня, облаченные въ священннй мантии носителей «народной воли», они объявлены неприкосновенными, а рѣшенія ихъ, исполненныя «государственной мудрости», подлежатъ безпрекословному исполненію. И, какъ ни далека ваша собственная воля отъ воли этихъ пигмеевъ, внезапно возмнившихъ себя титанами, какъ ни противорѣчатъ ихъ законы и мѣропріятія лучшимъ и завѣтнымъ стремленіямъ вашего ума и сердца, вы будете раздавлены желѣзной рукой исполнительнаго механизма, если ослушаетесь этихъ господъ и поступите такъ, какъ вамъ диктуетъ ваша совѣсть.

Но, если бы мы вообразили, что какимъ-нибудь непостижимымъ волшебствомъ фикція обратилась въ наиреальнѣйшую дѣйствительность и парламентъ чудеснымъ образомъ получилъ бы возможность отражать «общенародную волю», то и тогда было бы величайшимъ заблужденіемъ полагать, что парламентъ сталъ бы прибѣжищемъ слабыхъ и угнетенныхъ, плотомъ противъ правительственнаго деспотизма. Такіе упованія обнаружили бы только рѣшительное непониманіе самой природы современнаго государственнаго механизма, потому что парламентъ далеко не есть слуга народа, оберегающій его вольности противъ тиранническихъ поползновеній правительства, а есть самъ – правительство, самъ – органъ государственной власти.

Мало этого: эволюція государственной власти въ странахъ ранняго конституціоннаго развитія, какъ Англія или Америка, тамъ, гдѣ закладывались первые камни современнаго парламентаризма, насъ совершенно убѣждаетъ въ томъ, что съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе парламентъ уступаетъ свое прежнее фактическое преобладаніе правительству.

«Авторитетъ и сила парламентскихъ учрежденій – пишетъ Еллинекъ – вездѣ падаютъ... конституціонное развитіе сопровождается непрерывнымъ возрастающимъ усиленіемъ правительственной власти».

И если мы обратимся къ изученію, уже ставшихъ классическими, работъ Вильсона, или Брайса, или такихъ образцовыхъ новѣйшихъ изслѣдованій, какъ труды Сиднея, Лоу Лоуэлла, или нашего соотечественника Острогорскаго, мы увидимъ, что въ Америкѣ всѣ наиболѣе сложные и серьезные вопросы государственной жизни передаются парламентскимъ комитетамъ, предсѣдатели которыхъ назначаются единоличной властью парламентакаго спикера, что въ Англіи вся фактическая власть перешла въ руки кабинета; въ парламентѣ хозяиномъ является правительство, которое смѣло диктуетъ ему свои желанія, пользуясь монопольнымъ положеніемъ. Контроль парламента – лишь нарядная фикція; на практике парламентъ послушливо санкціонируетъ любые декреты правительства. То же явленіе, то-есть постепенное исчезновеніе парламентакой инициативы и фактическое упраздненіе его, какъ контрольнаго органа за правительствомъ, наблюдается и во Франціи.

Неудивительно, что конституціонное правительство нашихъ дней является безотвѣтственнымъ деспотомъ, неограниченнымъ владыкой, передъ которымъ стирается въ прахъ «народная воля», представляемая парламентомъ, и который разливаетъ благодѣянія вдохновляющему классу, беззастѣнчиво угнетая въ то же время другія группы, вредныя или опасныя съ точки зрѣнія его классовой философіи. Въ рукахъ современнаго конституціоннаго правительства сконцентрированы такія могучія средства воздѣйствія на всю народную жизнь, что прежніе абсолютные монархи «Божіей милостью» кажутся жалкими пигмеями рядомъ съ этими новыми «капиталистической милостью» великанами. [17]

Чрезвычайно любопытно, что въ оцѣнкѣ этого явленія сходятся нерѣдко самые разнородные наблюдатели современной политической жизни.

Такой трезвый, осторожный, научный изслѣдователь, какъ Еллинекъ, говоритъ о чудовищномъ ростѣ исполнительнаго аппарата, о деспотизмѣ конституціоннаго правительства почти въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ, что и пламенный трибунъ, проповѣдникъ кропоткинъ. Оба признаютъ, что современные министры могущественнѣе Людовика XIV.

Мы не будемъ останавливаться на томъ, что осторожные государственники и публицисты называютъ «недостатками парламентаризма».

Анархизм. Алексей Алексеевич Боровой filosoff.org
Съ тѣхъ поръ, какъ толки о кризисѣ, переживаемомъ современнымъ парламентаризмомъ, стали общимъ мѣстомъ, – уже не только анархистская, но и буржуазная литература дала цѣлый рядъ краснорѣчивыхъ страницъ, раскрывающихъ намъ язвы, которыя несет парламентъ въ общественную жизнь. У насъ въ рукахъ неисчерпаемое богатство данныхъ, собранныхъ на почвѣ кропотливаго анализа механизма современныхъ политическихъ партій, изученія самаго процесса избирательной кампаніи. И нужно быть неизлѣчимо предубѣжденнымъ въ пользу парламента или совершенно слѣпымъ челоукомъ, чтобы, послѣ знакомства и съ этимъ матеріаломъ, отрицать, что вся парламентская жизнь построена на подкупахъ, насиліи и лжи.

Всюду, гдѣ воцарился парламентскій режимъ и гдѣ механизмъ политическихъ партій имѣетъ опредѣленную хронологическую давность, другими словами, всюду, гдѣ политическое зодчество находится въ рукахъ профессиональных политиковъ, мы видимъ картины систематическаго подкупа населенія, открытаго и грубаго преслѣдованія своихъ личныхъ интересовъ, давленія администраціи, видимъ «политикановъ» и «маріонетокъ».

Чтобы убѣдиться въ этомъ, вовсе не надо читать «анархистовъ». Довольно пробѣжать такія спокойныя и солидныя изслѣдованія, какъ книгу Брайса, Ш. Бенуа и особенно книгу Острогорскаго – «О демократіи и организаціи политическихъ партій», гдѣ дается богатѣйшій, почти исчерпывающій матеріаль для сужденія о политическихъ обычаяхъ и порядкахъ избирательной борьбы въ Англійи и Америкѣ. [18] «Недостатки» парламентаризма – неотдѣлимы отъ самаго существа парламентарной демократіи. Она сама есть великое зло.

Осуждая парламентаризмъ, анархизмъ осуждаетъ и тотъ механизмъ, который лежитъ въ основѣ его – механизмъ политическихъ партій.

Партія – въ условіяхъ современнаго правового государства – есть органъ политическаго представительства интересовъ опредѣленной общественной группы или общественнаго класса [19].

Такимъ образомъ, партія становится аппаратомъ приспособленія къ государственно-правовому строю. Она есть – группировка людей, примыкающихъ къ общему политическому міровоззрѣнію, объединенныхъ однородной программой и подчиненныхъ однородной дисциплинѣ. Задача ея – выявлять и представлять волю опредѣленнаго общественнаго класса, какъ въ собственныхъ партійныхъ организаціяхъ, такъ – и въ соотвѣтствующихъ государственныхъ и муниципальныхъ учрежденіяхъ.

Сама же партійная организація въ процессѣ дальнѣйшаго развитія пріобрѣтаетъ слѣдующія характерныя особенности.

А) Члены партіи, вступая въ парламентъ (центръ современной партійной жизни) въ сотрудничество съ представителями иныхъ враждебныхъ партійныхъ организацій, утрачиваютъ чистоту классоваго идеала. Въ начала, представляемая классомъ, врываюся чуждыя имъ, государственно-парламентскія ноты, вырабатывается эклектическая, съ урѣзками и оговорками, практическая программа дѣйствій (отличная отъ теоретической, сберегаемой для парадовъ), которая при слабости партіи становится настолько эластичной, что постепенно утрачиваетъ специфическій классовый привкусъ и можетъ быть подогнана къ общему уровню программъ, выработанныхъ большинствомъ парламента.

В) Представительство интересовъ становится сложной дипломатической миссіей – требующей не столько яснаго сознанія классовыхъ интересовъ, сколько умѣнія проникать мысли противника, улавливанія шансовъ разнородныхъ программъ и искуснаго использованія промаховъ противника. Подобная миссія не можетъ быть поручена любому, для нея требуется извѣстный образовательный уровень, умственная дрессировка, интеллигентность. Представительство становится профессіей; образуются партійные комитеты, канцеляріи, сформированные наполовину на бюрократическихъ, наполовину на филантропическихъ началахъ, съ неизбѣжной іерархіей и столь же неизбѣжнымъ паразитизмомъ. Представительство въ парламентѣ становится соблазнительной карьерой.

Партійныя организаціи наполняются людьми, чуждыми своимъ классовымъ происхожденіемъ, своимъ «бытомъ», даже своей подлинной «психологіей» (для партійнаго челоука довольно внѣшняго сочувствія – принятія программы) тому классу, интересы котораго они представляютъ. Такъ у партійнаго челоука

Анархизм. Алексей Алексеевич Боровой filosoff.org
между его экономическим положением и его идеологией может не быть
никакой связи. Миллионеры и нищие могут быть членами одной партии.
Столь-же разнородны и клиенты посл?дней.

Разросшаяся партийная организация превращается в совершенно
самостоятельную среду, которая, хотя и прислушивается к хору классовых
голосов, но в большинстве случаев имеет свое, predetermined мн?ние,
выработанное передовыми мыслителями, дискуссиями и турнирами партийных
людей, партийной прессой. Мн?ние это становится обязательным правилом
поведения для людей класса. Постепенно представительство вырабатывается в
тяжелый самодовл?ющий аппарат, оторванный от экономической основы и т?м
не менее претендующий управлять классом.

Так рождается партийная гегемония.

С) Обособление партийного механизма и своеобразное его рекрутирование
порождают еще одно любопытное явление.

В партийной организации, заполненной «интеллигентскими профессионалами»,
царит культ разума – (партийного), в?ра в его неограниченную силу, и
пренебрежительное отношение, если не совершенное игнорирование реальных
запросов жизни. Партийная работа всегда носит характер отвлеченности,
схематизма. Партийные рационалисты обладают секретом и монополией
социологического прогноза. От дня образования партии до достижения
«конечных ц?лей» им известно все наперед. Этим поверхностным
универсализмом подготавливается партийный авантюризм, т?, в сущности,
безответственные выступления, которые являются самой страшной язвой
партийной жизни. Партийные мудрецы, на основании произвольных построений и
столь же произвольных истолкований их, провоцируют класс на
выступления, быть может чуждыми реальным условиям, в которых он
живет.

Ни одна партия не может дать такого богатого материала для иллюстрации
нам?ченных положений, как политическая партия пролетариата.

Это объясняется, конечно, прежде всего потому, что, вследствие отсутствия
соответствующей подготовки, именно рабочий класс породил т? влиятельные
социалистические штабы, которые взяли в свои руки всю инициативу классовой
пролетарской политики.

Коммунистический манифест был не только указанием на новые методы
исследования общественных явлений, он был также гениальной попыткой
социологического прогноза. В нем пролетариату были показаны и осв?щены не
только его прошлое и настоящее, но предугаданы и будущая судьба.
Отвлеченная спекуляция мыслителя сковывала пролетариат раз навсегда
определенными методами борьбы с капитализмом. На иные возможные поб?ги
пролетарского самосознания было заранее наложено veto. Борьба классов была
объявлена борьбой политической и ближайшей ц?лью пролетариата должно было
стать образование самостоятельной политической партии и завоевание
демократии[20].

И социаль-демократия с увлечением пошла на завоевание «государства». По
выражению бывшего с.-д. Михельса, для социаль-демократии стала «высшим
законом – боязнь потерять своих избирателей и свои средства».

Но для успешного завоевания парламента социалистическая партия должна была
отказаться от отстаивания классовой платформы в чистом виде и перешла к
политике оппортунизма.

Когда то старый Либкнехт протестовал против оппортунистической политики,
на которую, по его убеждению, неизбежно обречена любая социалистическая
партия в парламент?. ...«Священные принципы, серьезная политическая борьба
– говорил он – понижаются парламентскими стычками; между тем в народ?
поддерживается иллюзия, что рейхстаг может решить социальный вопрос...»
Но это... было давно. С т?х пор утекло много воды. Шум?ли «молодые» в
1891 г., упрекая вождей германской социаль-демократии за то, что они
убивают революционный дух партии и обращают ее в партию
мелко-буржуазную. С «молодыми» было покончено. Старый же Либкнехт
обвинил их в анархизме?, Бебель пугнул техническим могуществом
современного государства и спокойствие было восстановлено. С т?х пор в
увлечении борьбой с смутьянами и Либкнехт и Бебель не раз были уносимы

Анархизм. Алексей Алексеевич Боровой filosoff.org
«реформистским потоком и иной раз трудно было отличить аргументацию
Фольмара или Бернштейна от аргументации ортодоксального центра. [21]

Р. Михельс в изслѣдованіи о германской социаль-демократіи замѣчаетъ, что дѣти партійныхъ социалистовъ, вышедшихъ изъ рабочей среды – вырастаютъ въ новой средѣ и, если не приобретаютъ симпатій къ новому классу, то обнаруживаютъ совершенный политическій индифферентизмъ. Такимъ образомъ, отъ буржуазіи откалываются элементы, чтобы встать въ социалистическіе ряды; поднявшіеся изъ пролетаріата пристають къ буржуазіи. Михельсъ указывая, что изъ 81 представителя социаль-демократіи въ рейхстагѣ, 22 – занимаются свободной профессіей и буржуазными занятіями, 24 – предприниматели и только 35 – подлинныя рабочіе, меланхолически замѣчаетъ: «Первоначально пролетарская фракція становится все болѣе и болѣе мелко-буржуазной». Но такой или приблизительно такой составъ имѣютъ всѣ социалистическія партіи.

Бюиссонъ пытался, возражая противникамъ социалистическаго парламентаризма, объяснить этотъ несоциалистическій характеръ социалистической партіи. Критики забываютъ, – писалъ онъ – что страна состоитъ не изъ однихъ рабочихъ и что парламентъ долженъ быть занятъ общими вопросами, прежде чѣмъ приняться за социальныя реформы.

И клиентела социалистической партіи растетъ неограниченно. «Парламентскій социализмъ – писалъ Сорель – говоритъ на столькихъ языкахъ, сколько у него родовъ кліентовъ; онъ обращается къ рабочимъ, къ мелкимъ хозяйчикамъ и крестьянамъ. Вопреки Энгельсу, онъ занимается фермерами, то онъ патріотъ, то онъ яро выступаетъ противъ арміи. Никакое противорѣчіе не успокаиваетъ его – опытъ показаль, что во время избирательной кампаніи возможно собрать силы, которыя, собственно говоря, должны бы были высказаться противъ марксизма. И этимъ же объясняются и успѣхи социаль-демократіи, ея Пирровы побѣды»... «Возрастающему успѣху социаль-демократіи – писалъ недавно одинъ изъ постоянныхъ обозрѣвателей германской жизни – ничто такъ не содѣйствуетъ, какъ та энергія, съ которой онъ подставляетъ за послѣдніе годы на мѣсто классоваго идеала общепрогрессивный. Рядовой избиратель голосуетъ не за «экспропріацію экспропріирующихъ» и не за демократическую республику...»

Въ этихъ условіяхъ отъ социалистическихъ представителей, претендующихъ на дѣйствительную роль въ парламентѣ, требуется прежде всего искусное сочетаніе социализма съ разнородными принципами.

Примѣрами могутъ служить министеріализмъ, въ лице Милльерана, бриандерія, легко освободившаяся отъ всѣхъ социалистическихъ покрововъ, жоресизмъ, оправдывавшій любой шпіонажъ (въ арміи) для спасенія радикальнаго министерства Комба. Послѣднее было столь зазорно, что даже Каутскій писалъ: пусть Жоресъ спасъ министерство (засѣданіе 4 ноября 1904 г.), но онъ скомпрометироваль социализмъ.

Такова – трудная, зато безпроигрышная политика социалистическаго парламентаризма: кипѣть противъ буржуазіи во имя угнетеннаго пролетаріата, спасать буржуазное министерство, хотя бы съ нѣкоторымъ ущемленіемъ социализма, возглашать себя мученикомъ «идеи» и класть въ удобномъ случаѣ «идею» подъ сукно. Разносторонность современнаго Тартюфа – изумительна.

И болѣе изумительно въ волшебныхъ обращеніяхъ парламентарскаго социалиста – его отношеніе къ классу.

Выше мы сказали, что современная партійная организація есть культъ разума. И «марксисты» не составляютъ исключенія.

«Діалектическій матеріализмъ – писалъ Плехановъ – служитъ лишь для того, чтобы возстановить и сдѣлать неограниченными права и силы челоѣческаго разума»... Я червь – говоритъ идеалистъ. Я – червь, пока я невѣжественъ, возражаетъ матеріалистъ-діалектикъ; но я богъ, когда я знаю. *Tantum possumus, quantum scimus!*»

Итакъ, знаніе – богъ! Въ духѣ такого восторженнаго рационализма опредѣлиль марксизмъ и отношеніе партіи къ классу. Только партія – полагаетъ Плехановъ, можетъ хранить въ чистотѣ пролетарскіе идеалы.

И нигдѣ предпочтеніе партіи классу не принимало такихъ уродливыхъ формъ, какъ въ рядахъ именно русской социаль-демократіи.

Особенно поучительна, в этом смысле, классическая позиция «Искровцев». В то время как «экономисты», оставаясь на почве истинно демократических начал, высказывались за необходимость предоставления инициативы самому рабочему классу, за желательность его широкой самостоятельности, «политики» проповедывали крайний, до конца идущий централизм». Движение представлялось им в виде организации – огромного заговорщического штаба, составленного исключительно из теоретиков движения и надменного полномочиями диктатора.

Психология подпольной диктатуры, полной презрения к самому пролетариату, наша яркое выражение в известной брошюре Ленина – «Что делать?» (1902 г.).

Идеальная социаль-демократическая партия представляется Ленину конспиративной организацией теоретиков, сочувствующих движению. Во главе движения – штаб «профессиональных революционеров». Класс – безгласное стадо, послушный орган в руках штаба. «История всех стран – писал Ленин – свидетельствует, что исключительно своими собственными силами рабочий класс в состоянии выработать лишь сознание тред-юнионистское. Учение же социализма выросло из тех философских, исторических, экономических теорий, которые разрабатывались учеными представителями имущих классов, интеллигенции».

Другой с.-д., Череванин писал еще решительнее, заявляя, что социаль-демократия, даже опираясь на небольшую часть организованных рабочих, может говорить от имени всего пролетариата, ибо классовое сознание социаль-демократа, это – будущее, классовое самосознание (sic!) всего пролетариата» [22].

И верные своим «заговорщическим» лозунгам – русские социаль-демократы «большевики» (санкционированные 2-м съездом), относятся пренебрежительно к собственно-пролетарскому движению, призывая своих последователей отказаться вовсе от участия в рабочем профессиональном движении, что в свое время чрезвычайно облегчило правительственную борьбу с профессиональными союзами.

В такую отвратительную погоню за властью выродились попытки кучек безответственных «интеллигентов» представлять интересы пролетарского класса. Неудивительно, что провокация и гешефт-махерство свили себе прочное гнездо в «законспирировавшихся» кучках.

И спрашивается, что же оставалось в подобном «социаль-демократическом» толковании от марксизма, материалистического понимания истории, классовой борьбы?

Разве не подобных идеологов, падающих с неба, имль в виду Маркс, когда саркастически писал в Коммунистическом Манифесте: «...Эти теоретики являются только утопистами, которые, желая удовлетворить потребностям угнетенных классов, выдумывают системы, гонятся за наукой – возродительницей. Но по мере развития истории, борьба пролетариата приобретает все более и более ясный характер и для этих теоретиков становится излишним искать науки в своей собственной голове, теперь они должны только дать себе отчет в том, что происходит у них перед глазами и стать выразителями действительности».

Как мало это вяжется с «большевистскими потугами» – изображать «будущее классовое самосознание» пролетариата.

Сторонники партийных организаций, чуждые уродливых централизмов, доказывают необходимость их самостоятельности тем, что профессиональное движение рабочих, погружая последних в тину повседневности, не может способствовать выработке общепролетарского идеала, что оно топчет «конечную цель» в компромиссной борьбе в пределах данного строя. Наконец, рабочее профессиональное движение, на известных ступенях развития, само начинает требовать восполнения его политической борьбой и толкает тред-юнионистов на образование независимой политической рабочей партии. Последняя имеет задачей представлять общие классовые интересы и, таким образом, раздвигает самые рамки рабочей борьбы, переходя непосредственно в борьбу с капиталистическим строем, борьбу против буржуазного общества. [23]

Анархизм. Алексей Алексеевич Боровой filosoff.org
Такова точка зрѣнія, наприкладъ, глубокомысленнаго писателя и послѣдовательнаго марксиста – Гильфердинга.

Однако, самъ Гильфердингъ, утверждая за политическимъ представительствомъ рабочаго класса такую важную роль, тѣмъ не менѣе признаетъ, что побѣда рабочихъ обусловливается «не только политическимъ воздѣйствіемъ».

«.. Послѣднее, напротивъ, можетъ воспользоваться и въ концѣ-концовъ увѣнчаться успѣхомъ лишь послѣ того, какъ профессиональный союзъ достаточно обнаружилъ свою силу – показалъ, что онъ съ величайшей энергіей и интенсивностью можетъ проводить чисто экономическую борьбу, съ такой интенсивностью и энергіей, что ему удается расшатать сопротивление буржуазнаго государства, которое отказывалось вмѣшиваться въ условія труда неблагоприятнымъ для предпринимателей способомъ, и что политическому представительству остается лишь окончательно сломить это сопротивление. Положеніе далеко не таково, чтобы сломать профессиональный союзъ излишнимъ для рабочаго класса и замѣнить его политической борьбой: наоборотъ, возрастаніе силы профессиональной организаціи становится необходимымъ условіемъ всякаго успѣха».

Такъ политикъ отводится настоящее мѣсто: роль арріергарда въ движеніи.

И далѣе Гильфердингъ еще болѣе укорачиваетъ партійныя претензіи на монополію въ руководствѣ классовымъ движеніемъ.

Гильфердингъ, проницательный изслѣдователь современнаго капитализма, прекрасно понимаетъ и природу современнаго государственно-правового строя. Ему ясно, что государство давно стало слугой капиталистическаго класса. «Капиталь – пишетъ онъ – устраняетъ свободную конкуренцію, организуется, и, вслѣдствіе своей организаціи, пріобрѣтаетъ способность овладѣть государственной властью, чтобы непосредственно и прямо поставить ее на службу своихъ эксплуататорскихъ интересовъ», и далѣе онъ называетъ государство «непреодолимымъ орудіемъ охраны экономическаго господства».

И высказанныя выше частныя замѣчанія Гильфердинга окончательно закрѣпляются въ его общей соціальной концепціи. «Финансовый капиталъ въ его завершеніи – пишетъ онъ – это высшая ступень полноты экономической и политической власти, сосредоточенной въ рукахъ капиталистической олигархіи. Онъ завершаетъ диктатуру магнатовъ капитала».

Но экономической процессъ съ ростомъ диктатуры финансоваго капитала напрягаетъ до невыносимой степени всѣ противорѣчія классоваго буржуазнаго общества, объединяетъ всѣ трудовые слои населенія противъ капиталистической диктатуры.

Какъ же разрѣшатся эти противорѣчія? Какъ произойдетъ соціальная революція? Черезъ счастливую комбинацію парламентскихъ голосовъ? Черезъ овладѣніе цитаделью «государственной воли»? Ничуть не бывало.

Путь къ революціи, намѣчаемый Гильфердингомъ таковъ: «...Выполняя функцію обобществленія производства, финансовый капиталъ до чрезвычайности облегчаетъ преодоленіе капитализма. Разъ финансовый капиталъ поставилъ подъ свой контрольъ важнѣйшія отрасли производства, будетъ достаточно, если общество черезъ свой сознательный исполнительный органъ, завоеванное пролетаріатомъ государство, овладѣетъ финансовымъ капиталомъ: это немедленно передаетъ ему распоряженіе важнѣйшими отраслями производства. Отъ этихъ отраслей производства зависятъ всѣ остальные, и потому господство надъ крупной промышленностью уже само по себѣ равносильно наиболѣе дѣйствительному контролю, который осуществляется и безъ всякаго дальнѣйшаго непосредственнаго обобществленія».

Итакъ, значитъ все дѣло въ «овладѣніи финансовымъ капиталомъ».

Да! ..Но черезъ «завоеванное государство». Но для чего-же нужно это «завоеваніе государства», вѣрнаго, какъ видѣли мы выше, слуги капитализма, завоеваніе, требующее времени, энергіи, жертвъ? Ни для чего. По крайней мѣрѣ, самъ Гильфердингъ далѣе пишетъ слѣдующее: «Захватъ шести крупныхъ берлинскихъ банковъ уже въ настоящее время былъ бы равносильенъ захвату важнѣйшихъ сферъ крупной промышленности и до чрезвычайности облегчилъ бы первые шаги политики социализма въ тотъ переходный періодъ, когда капиталистическій методъ счетоводства представляется еще цѣлесообразнымъ».

Анархизм. Алексей Алексеевич Боровой filosoff.org
Экспроприацию незачем будет распространять на многочисленных крестьянских и промышленных мелких производителей, потому что вследствие захвата крупной промышленности, от которой они уже давным-давно находятся в полной зависимости, они будут обобществлены при ее посредстве, как сама она будет обобществлена непосредственно. Следовательно, в тех случаях, когда процесс экспроприации оказался бы вследствие децентрализации слишком затяжным и политически опасным, будет возможно медленным развитием подготовить этот процесс к зрелости; т.-е. однократный акт экспроприации государственной властью превратить в постепенное обобществление, ускоряемое теми экономическими выгодами, которые сознательно представляются обществом: ведь финансовый капитал уже позаботился об экспроприации, поскольку она необходима для социализма».

Я привел цитируемое это длинное рассуждение из-за его чрезвычайной характеристики. Трудно дать более полное и яркое признание ненужности «завоевания государственной власти», если Гильфердинг считает возможным уже сейчас «однократный акт экспроприации государственной властью превратить в «постепенное обобществление» и т.д., если захват крупных банков уже сейчас был бы «равнослен захвату»... etc. «Завоевание государства» с подобными оговорками есть отказ от «завоевания». Что такое «захват», как не замаскированная всеобщая социальная стачка, социальная революция, так, как ее понимает, хотя бы и современный революционный синдикализм.

Очевидно, что реальное пролетарское движение не нуждается в завоевании «всех классовых» учреждений. Простое соображение экономизации сил, творческой их концентрации должно удержать его от того, чтобы разсылать своих представителей по таким местам, где, по самому существу дела, им, вооруженным одним красноречием, обеспечено поражение.

ГЛАВА VI. Анархизм и его средства.

Анархизм, как ворование, как мечта есть не только общественный идеал определенной группы или партии людей. Анархизм лежит в тайниках человеческой природы. Что бы ни говорили временные, исторические противники его – превосходство этого идеала над всеми политическими катехизисами и программами – очевидно. Только изувражи и замученные рабством могут отрицать высший, освобождающий смысл анархистских формул – права личности на безграничное развитие и ее право творческого самоутверждения.

Все исторически известные концепции общественного идеала – за редчайшими исключениями – будь это – мечта о достижении «Божеского царства» Августина или Беда, о «Федерации» в целях общего мира Вико, о царстве «Вечного Евангелия» Лессинга, о торжестве «идеи права» Канта, об осуществлении «человечности» Гердера, о прыжке в «социалистическое государство», о воплощении «Теургии» В. Соловьева, о наступлении «анархистского строя» и т. д., и т. д. – все, в конечном счете, возвращаются к человеку и свободному его самоопределению.

Можно сказать: потенциально все люди – анархисты и все разными путями идут к анархизму.

Гранью, отделяющей современных анархистских единиц от миллионов будущих, возможных анархистов – является выбор средств для достижения анархистского идеала.

И потому вопрос о средствах анархизма вырастает в самостоятельную проблему, требующую специального рассмотрения.

Традиционный метод анархизма может быть характеризуем, как революционаризм. [24]

Революционаризм, в противоположность так называемой «реальной политике», отправляющейся от соотношения «реальных» сил, есть метод дерзаний, есть прямое нападение на окружающую среду; он смело разскачет передовые слои и проходит сквозь них, не останавливаясь, не уклоняясь, не разлагаясь. Его задача – целостное изменение данного принципа.

Противоположный ему – органический реальный метод исходит от данной среды, от местных условий; он тратит много усилий и времени на

Анархизм. Алексей Алексеевич Боровой filosoff.org
предварительную подготовку и переработку данной среды. На себя он испытывает ее обратное влияние, поддается ей гипнозу. Постепенно в ней разлагаясь, обращается он в оппортунизм, погрязает в болотах реформизма и вырождается постепенно в квиетизм, мирящийся с любым уродством настоящего, безощадный ко всякой ц?льной без компромиссов, творческой работ?.

Если революционизм нер?дко покоится на «дерзости», то противоположный ему метод? – реформистский не позволяет изъ-за деревьев вид?ть л?са. В? большинства случаев, особенно в? эпохи политических кризисов, точный учет сил? бывает невозможен?; наконец?, значительная часть реальных сил? всегда находится в? потенциальном состоянии. В? них надо разбудить скрытую энергию, надо вызвать к? жизни дремлющая силы. И в? глазах традиционного анархизма – революционизм, перманентное «бунтарство» в? разнообразных его формах является единственно нравственным и единственно ц?лесообразным методом? д?йствия.

Нравственным? потому, что он?, не желая мириться в? какой-бы то ни было м?р? с? т?м?, что для него является «неправдой» – отвергает всякие компромиссы.

Ц?лесообразным? потому, что, с? одной стороны, реформизм, культ? «мелких» д?ль и пр., в? его глазах только ук?пляют? то зло, против? которого надлежит бороться, с? другой, потому, что он? категорически отрицает самую возможность пользоваться указаниями исторического опыта.

В? его глазах законы «исторической необходимости» – лишь слово, которое своей безнадежной схоластичностью убивает в? зародыш? см?лую мысль, душист? см?лое слово, опускает? поднявшися руки. «Историческая необходимость» – это? сфинкс?, ник?м? и никогда еще не разгаданный, несмотря на горы социальнo-политической рецептуры, накопленной гениями человеческого рода, есть лишь тормаз? стремлению вперед?, протесту, попыткам? свободного творчества.

является глубоким?, трагическим? недоразум?нием – искать истину, несущую уроки будущему, всегда среди развалин? прошлаго.

Общественный процесс? – слишком сложен? еще для нашей познавательной природы, вооруженной слабыми и недостаточными методологическими приемами.

А) Прежде всего невозможно игнорировать то неизбежно-субъективное отношение историка к? материалам? прошлаго, с? которым? он? приступает? к? самому изсл?дованию исторических фактов?. Отбор? фактов?, их классификация, определ?ние и оц?нка их? сравнительной роли находятся в? полной зависимости от? субъективного усмотр?ния изсл?дователя. Посл?дний предьявляет? к? историческому материалу свои требованія, рассматривает? его с? своей определ?нной точки зр?ния, в? своем? разр?з?.

В) Современная философия истории, в? лиц? наиболее выдающихся ее представителей, им?ет? склонность утверждать историю, как? «систему неповторяющихся явлений?», как? научную дисциплину, изучающую не общее, а д?йствительность в? ее конкретных и индивидуальных выражениях.

Этому не противор?чат? труды того современного исторического течения (особ. Пельман?, Эд. Мейер? и др.), которое пытается подм?тить и установить, аналогичные нашему времени, процессы развития и социальные институты в? отдаленн?йших от? нас? эпохах?. Как? бы ни было велико их? д?йствительное сходство, ясно, что они выступали там? в? таких комбинациях?, которыя в? ц?лом? в? наше время – неповторимы, а потому и допущение тождественности развития двух? разновременных культур? является зав?домо неправильным?.

С) Мы не можем? искусственно изолировать общественные явления, мы не можем? экспериментировать отд?льными историческими фактами, мы не можем?, сл?довательно, учесть бол?е или мен?е точно и влияния отд?льной причины. Прошлое представляется нам? в? вид? своеобразнаго «химическаго соединения» исторических фактов? и явлений?, с? которым? нам? нечего д?лать при нашей неспособности к? искусственной изоляции.

Д) Наконец?, к? нашей познавательной неум?лости присоединяется еще совершенная невозможность сейчас? для нас? изм?рения, как? индивидуальной, так? и коллективной психики прошедших? эпох?.

При этих условиях, сколько бы мы ни создавали социально-политических законов, они не могут претендовать на универсальное обязательное значение. Они – быть-может – результат и неверного понимания и неполного исследования исторического процесса.

Ссылки на исторические события, протекавшие при иных комбинациях исторических элементов и отделенные от переживаемого состояния известной хронологической давностью, являются не только неудобными, но и неправильными. В действительности, исторические уроки никого никогда не учат. Не только темные массы, но и просвещенные вожди в своих выступлениях и актах не руководствуются ими. Только послы катастроф усердные историки, устанавливающие и признающие исторические законы, извлекают из архивов исторических событий факты, которые должны были в свое время быть грозным предостережением, а теперь являются лишь живым укором для пренебрегших ими современников.

Исторический прогноз – невозможен. И история с ее мнимыми «законами» не может быть над нами. Безполезно апеллировать к ней на «безумства», «надъорганические скачки», «революционный метод» автономной личности. Самоутверждение является высшим идеалом для последней и во имя конечного освобождения духа она может пренебрегать традициями и игнорировать «законы» прошлого. Она сама кует для себя свои законы.

Прогресс истории – есть прогресс личности; прогресс личности – прогресс революционного метода.

Раскрытие человеческой личности знаменуется переходом ее к методу «прямого действия», революционному методу, немедленному утверждению в жизни своей творческой воли. Революционный метод становится единственно возможной, единственно нравственной формой человеческой деятельности.

По словам поэта:

Когда появляется сильный, будь то мужчина или женщина, все материальное уstraшено,
Спор о душах прекращается,
Старые обычаи и фразы сопоставляются, их опрокидывают, или отбрасывают!
Что теперь ваше скопление денег? что оно может теперь?
Что теперь ваша почтенность?
Что теперь ваша теология, обучение, общество, традиции, книги статутов?
Где теперь ваши слова о жизни?
Где крюкотворства ваши о душах?
(Уольф Уитмань).

В этих словах поэта, в этой своеобразной ставке на «сильного» звучит подлинная анархическая мораль. Анархический метод действия – есть метод безбоязненного и беспощадного отрицания любого «бытия» и любой «морали».

И тем не менее – такое, чисто формальное обоснование анархического метода – совершенно недостаточно. Убеждение, столь распространенное и столь легко дающееся, что само дерзание рождает свободу, что акт разрушения уже сам по себе – есть сущность анархического самоутверждения – находится в зияющем противоречии с основными принципами анархизма.

В «дерзании», «революционаризме» – есть отзвук старого романтического бунтарства, жившего в подполье и выходившего сразиться в одиночку с «неправдой» в мире. Что могло быть оружием анархиста против полицейского аппарата и обывательских болот правового государства той эпохи? Одно дерзание – крик, безумно смелый жест, «разнуздание злых страстей» (Бакунинь).

И «дерзание», как таковое, стало традицией.

В насаждении и укреплении этой традиции огромную роль сыграло «бакуинство». Слепые последователи, как это всегда бывает с ними – и тем болше в анархизме – не поняли учителя и извратили самый смысл его учения.

Они проглядели – то великое и созидательное, что стоит за пламенными отрицаниями Бакунина, они извратили дух его формулы – «Дух разрушающий есть в то-же время дух созидательный», они не поняли его гимнов творческому

Анархизм. Алексей Алексеевич Боровой filosoff.org
«многообразію» жизни съ ея «переходящими вздыманіями и великолѣпіями» и усвоили изъ всего ученія идеализацію террора.

Они не поняли даже его преклоненія передъ реальнымъ творчествомъ «массъ», его великой борьбы за Интернаціональ противъ партійныхъ паразитовъ и породили анархическихъ героев-одиночекъ, призванныхъ облагодѣтельствовать народы. Бомбы сверху, погромы снизу таково стало анархизмъ! Его дерзанія стали пусты; въ нихъ не билось социальное содержаніе.

Анархизмъ этой эпохи – нигилизмъ, торжество отрицающаго раціонализма.

Разсуждая о «средствахъ» анархизма, мы должны прежде всего выяснитъ отношеніе его къ «компромиссу», программъ–«минимумъ».

Теоретически анархистское міросозерцаніе не мирится съ компромиссомъ. Компромиссъ есть средство бѣжать чрезмѣрной отвлеченности и согласовать свой идеаль съ практическими требованіями момента. Но анархизмъ, поскольку это можно вывести изъ отдѣльныхъ и случайныхъ мнѣній его представителей, не боится этой отвлеченности.

Любовь къ правдѣ и воля осуществить ее во всей полнотѣ безъ ограниченій не могутъ быть никогда вполне отвлеченными. Ибо въ нихъ то и заключена наибольшая полнота жизни. Наоборотъ, утвержденіе практичныхъ полуистинъ – обречено на безславное существованіе и безслѣдное исчезновеніе. Никто не можетъ искренно и глубоко любить полуистину; ее презираютъ даже тѣ, кому въ данныхъ условіяхъ она можетъ быть выгодна. Наоборотъ, отвлеченнѣйшія истины, утопіи живутъ упорно, родятъ героев, мучениковъ и въ конечномъ счетѣ управляютъ жизнью. Онѣ будятъ человѣческую совѣсть, будятъ духъ протеста, утверждаютъ нашу вѣру въ челоука и грядущее его освобожденіе – онѣ бесспорны и требуютъ немедленнаго утвержденія.

И, тѣмъ не менѣе, можетъ ли существовать какое-либо ученіе или міросозерцаніе, которое не имѣло бы никакой программы, и въ своей жадѣ безусловнаго могло бы надѣяться на реализацію – безъ промедленій и оговорокъ своего идеала въ жизни.

Одинъ изъ критиковъ анархизма (И. А. Ильинъ) чрезвычайно мѣтко опредѣлил то основное настроеніе, которое проникаетъ анархизмъ.

«Въ анархизмѣ – пишетъ онъ – первенство остается за вопросомъ о должномъ. Проблема идеала – вотъ основное содержаніе анархистической психологіи. Познаніе сущаго, предреченіе будущаго, изученіе прошлаго – все это для него лишь орудіе для обоснованія своего идеала. Интересъ къ конечной цѣли жизненнаго дѣйствованія окрашиваетъ каждое переживаніе его души». Даже и въ «реалистическихъ, позитивно-научныхъ изслѣдованіяхъ или даже просто отдѣльныхъ (напр. социологическихъ) утвержденіяхъ у анархистовъ обыкновенно чувствуется уклоняющее вліяніе этого «идеализма».

Но отсюда – и анархистскій «утопизмъ», его пренебреженіе къ «реальной» обстановкѣ, его ненависть къ «программѣ» вообще.

Вырвемъ изъ литературы «дѣйственныхъ» анархистовъ нѣсколько строкъ, превосходно характеризующихъ философскую и практическую непримиримость анархизма, его «утопизмъ».

«Цѣль социалиста анархиста – читаемъ мы въ сборникѣ «Хлѣбъ и Воля», составившемся изъ статей основоположниковъ анархизма – во всякое время и при всякихъ обстоятельствахъ одна и та же. Промежуточныхъ цѣлей быть не можетъ».

«... Борьба за улучшеніе не должна быть содержаніемъ социалистическаго движенія, а лишь попутною въ той борьбѣ, которую мы ведемъ для интегральной реализаціи рабочаго идеала. Работая, такимъ образомъ, мы никогда не рискуемъ подставить частичное улучшеніе на мѣсто нашей конечной цѣли... Борьба за частичныя улучшенія дѣло серьезное, когда она не возводится въ систему, возведенная же въ систему, она превращается въ реформизмъ».

И какъ практическое обоснованіе этого утвержденія.

«Мы не думаемъ, что ближайшая революція поведетъ къ осуществленію нашего идеала во всей его полнотѣ; революція не будетъ дѣломъ какой-нибудь одной

Анархизм. Алексей Алексеевич Боровой filosoff.org
партіи, да и не может она стряхнуть сразу все пережитки старого общества. Но мы знаем, что она пойдет по равнодѣйствующей всех сил, приложенных к делу, и чем упорнее и непоколебимее мы будем действовать в нашем направлении, тем сильнее отзовется его влияние и тем большая доля наших идей будет в нее внесена. Чем громче мы будем заявлять о своих требованиях, тем ближе будет подходить к нам то, что дает действительность...»

И, наконец, как метод:

«Активное революционное меньшинство должно стараться увлечь за собой более пассивное большинство, а не тратить своих сил на составление таких программ, которые пришлось бы по плечу этому большинству».

«Идеалистический» характер анархизма – очевиден. «Идеализмом» напитаны не только его основные положения, но сплошь «идеалистична» и его тактика.

Проанализируем анархистскую «тактику» более конкретно.

Прежде всего следует особо – поставить то анархистское течение, которое обычно бывает связано с именем Нечаева и которое в уголок своего мировоззрения ставило – «голое отрицание», разрушение, порождение хаоса, из которого стихийными силами массового творчества должен был возникнуть новый порядок, построенный на «безначалии». Это течение не только не имело никакой положительной программы, но и вообще не ставило себе никаких положительных задач. В пламенной прокламации – «Народная Расправа» Нечаев мечет громы против мыслителей, теоретиков, «доктринерствующих поборников бумажной революции». «Для нас – писал Нечаев – мысль дорога только, поскольку она может служить великому делу радикального и повсюдного всеразрушения... фактическими проявлениями мы называем только ряд действий, разрушающих положительно что-нибудь: лицо, вещь, отношение, мешающие народному освобождению».

Это чисто-разрушительное течение анархизма может, впрочем, уже считаться ушедшим в историю. Подлинному идейному анархизму в нем нет места, зато оно таит глубокие соблазны для уголовных элементов. Последние для совершения своих, вполне индивидуальных актов прикрываются якобы анархистской «идеологией» и весьма легко усваивают ее немудреную квази-революционную фразеологию.

Господствующее место в тактике анархизма до последнего времени занимал – «террор».

Террор был освящен еще Бакуниным. Он поощрял устранение вредных политических лиц, усматривая в этом начало разложения общества, основанного на насилии; единичный террор он считал временной стадией, которая должна смениться эпохой коллективного, народного террора.

Превосходное изложение воззрений «традиционного анархизма» на террор мы находим в его официозном, цитированном уже нами выше сборнике «Хлеб и Воля».

Эти воззрения можно резюмировать следующим образом:

Террор и террористические акты открыты не анархизмом. Как средство самозащиты угнетенных против угнетателей, они существовали в любом человеческом обществе, но характер и формы их проявления менялись вместе с эволюцией общества и эволюцией взглядов на террор.

Анархистский террор – не политический, но антибуржуазный и антигосударственный. Он – направлен на самые основы существующего строя. В зависимости от задания, он может принять форму или индивидуального акта или массового террора – фабричного и аграрного.

Индивидуальный акт защищается анархизмом с двойной точки зрения.

С одной стороны, индивидуальный акт является ответом на возмущенное чувство справедливости. В известных условиях «личный акт» получает характер вполне заслуженного мщения революционеров за зверство угнетателей. В такие минуты это единственно возможный ответ народа, но

Анархизм. Алексей Алексеевич Боровой filosoff.org
отв?ть грозный; доказывающій его жизнеспособность. Личный акт, совершенный
въ указанныхъ условіяхъ, явится громкимъ и многозначущимъ свид?тельствомъ
активной революціонной ненависти ко всему тому, что угнетаетъ и что будетъ
угнетать. Мы долго любили, любовь оказалась безплодной, теперь намъ нужно
ненавид?ть, но сильно ненавид?ть».

Съ другой стороны, индивидуальный актъ можетъ им?ть глубоко-воспитательное
значеніе. «Хорошо иногда показать народу, что и Г. Г., ведущіе «райскую
жизнь», смертны... Слухъ объ убійств? тирана, разрушая торжество лакейства,
въ мигъ разносится по всей стран? и даже индифферентныхъ вызываетъ на
размышленіе. ...Пусть всякій властитель и эксплуататоръ знаетъ, что его
«профессія» связана съ серьезными опасностями; и если несмотря на это,
находятся люди, желающіе сыграть роль собаки буржуазіи, то они этимъ самымъ
пріобр?таютъ право на смерть».

Наконецъ, индивидуальный актъ можетъ нести въ себ? и опред?ленную
непосредственную пользу, устраняя съ общественной арены какого-либо
особенно энергичнаго, непримиримаго и жестокаго д?ятеля реакціи.

Такимъ образомъ, «индивидуальный террористическій актъ можетъ им?ть тройное
значеніе: мщенія, пропаганды и «изъятія изъ обращенія».

Необходимо, наконецъ, им?ть въ виду, что индивидуальные террористическіе
акты направлялись не только противъ отд?льныхъ лицъ, но, какъ принципіально
«антибуржуазные», могли им?ть объектомъ и случайную, анонимную толпу.
Таковы случаи «пропаганды д?йствіемъ» въ палат? депутатовъ, кафе и пр. Но
подобные акты им?ли вообще немногочисленныхъ сторонниковъ, а въ посл?днее
время въ сознательныхъ анархистическихъ кругахъ окончательно утратили
кредитъ.

Въ настоящее время даже наибол?е террористически настроенные анархисты уже
признаютъ, что соціальную революцію нельзя ни вызвать, ни р?шить
«н?сколькими пудами динамита», а потому анархизмъ высказывается р?шительно
за актъ коллективнаго террора.

Онъ рекомендуетъ даже предпочесть – «попытку коллективнаго акта
осуществленію личнаго акта».

Задача-же коллективнаго террора – посл?довательное устрашеніе собственника
до отказа его отъ вс?хъ его привилегій. «Ц?ль фабричнаго и аграрнаго
террора – довести фабриканта и землевлад?льца именно до того, чтобы они
молились только о спасеніи шкуръ своихъ».

Необходимо, наконецъ, отм?тить еще одну особенность анархистскаго террора.

Этотъ терроръ не только – «антибуржуазный» въ отличіе отъ «политическаго»
соціал-революціонеровъ, но онъ также – «неорганизованный». «... Мы не
признаемъ организованнаго террора и «подчинять его контролю партіи» не
только не рекомендуемъ, но, наоборотъ, относимся самымъ отрицательнымъ
образомъ къ такому подчиненію, потому что при такихъ условіяхъ
террористическій актъ теряетъ свое значеніе акта независимости, акта
революціоннаго возмущенія. Оправдывать террористическіе акты, высказываться
за нихъ принципіально, словесно или печатно всякій можетъ, кто находитъ имъ
историческое оправданіе, но право писанія смертныхъ приговоровъ мы
р?шительно отвергаемъ за организаціями, подъ какимъ бы флагомъ они не
выступали. Партійный терроръ всегда бываетъ централизованнымъ и это
посл?днее обстоятельство лишаетъ его характера борьбы народа противъ
правителей, и превращаетъ въ поединокъ между двумя верховными властями».

Однако, если анархизмъ отрицаетъ, по морально-политическимъ соображеніямъ,
возможность постоянныхъ террористическихъ организацій, онъ не высказывается
противъ временнаго существованія террористическихъ группъ вообще:
«...группы эти могутъ возникать для изв?стной опред?ленной ц?ли. Он?
создаются самими условіями борьбы, жизни, но он? должны возникать и
разрушаться вм?ст? съ объектами ихъ ударовъ».

Резюмируя все вышесказанное, анархическій терроръ можно характеризовать, по
преимуществу, сл?дующими моментами: а) анархическій терроръ –
антикапиталистичень и антигосударственъ в) анархическій терроръ признаетъ
индивидуальное право cadaго на казни ненавистнаго ему лица с) анархизмъ не
настаиваетъ на планом?рномъ, организованномъ веденіи террора d) анархизмъ

Анархизм. Алексей Алексеевич Боровой filosoff.org
высказывается категорически против партийной санкции террора.

В этом б?гломь и чисто теоретическомь очерк?, разум?ется, не может найти м?ста изложение ни истории, ни практики анархического террора. Къ тому же – акты Равашоля, Вальяна, Анри, Казеріо и др. – слишкомь общеизв?стны и слишкомь еще на памяти у многихъ, чтобы описание ихъ могло представить интересъ [25].

До посл?дняго времени, какъ мы уже говорили выше, террористическая тактика была чуть-ли не единственной формой практическихъ выступленийъ анархизма, если не считаться съ анархическимь «просв?щеніемь», то-есть словесной и печатной пропагандой, не им?вшей, впрочемъ, въ массахъ особенно глубокаго усп?ха.

Эта тактика была насквозь «идеалистичной». «Идеализмъ» анархизма шель такъ далеко, что въ любой моментъ онъ предпочиталъ идти на поражение, ч?мъ д?лать какія либо уступки реальной д?йствительности. Душевный порывъ, въ его глазахъ, былъ не только чище, нравственн?е, но и ц?лесообразн?е систематической, планом?рной работы. Его не смущало, что никогда и ничто изъ анархистскихъ требованій не было еще реализовано въ конкретныхъ историческихъ условіяхъ. Несмотря на н?которыя коренныя разногласія анархизма съ толстовствомъ, лозунгъ посл?дняго – «Все или ничего» былъ и его лозунгомь. Только Толстой въ своемъ отношеніи къ общественности избралъ «ничего», анархизмъ требуетъ «все».

Но толстовство представляетъ самый разительный прим?ръ неизб?жности тупика, къ которому должно придти на земл? всякое учение, въ своей жад? безусловнаго, отказывающееся отъ самой земли.

Безприм?рное по сил? и посл?довательности своихъ абсолютныхъ утвержденийъ, отказывающее въ моральной санкции каждому практическому д?йствию, не дающему разомъ и ц?ликомь всей «правды», толстовство приходитъ неизб?жно (по крайней м?р?, теоретически) къ признанію ненужности и даже вредности и опасности для нравственнаго сознанія людей – любой формы общественной д?ятельности. Система нравственнаго абсолютизма видитъ въ ней одн? иллюзію.

Вс? «проклятые» вопросы нашей общественной и моральной жизни могутъ быть разр?шены исключительно черезъ внутреннее совершенствованіе самой личности. Только черезъ ея совершенствованіе можетъ совершенствоваться и общество [26].

Въ этомъ смысл?, отрицанія полезности общественнаго д?йствія – учение Толстого – близко къ абсолютному индивидуализму типа Ницше. Отъ нигилистическаго пессимизма утвержденийъ ницше Толстого спасаетъ – признаніе имъ объективнаго закона добра, «Бога» и его «Воли», живущихъ въ людяхъ.

И мы не думаемъ, чтобы традиціонная анархистическая тактика въ конкретныхъ условіяхъ была продуктивн?е толстовства.

Мы не говоримъ уже о практически-неизб?жномь сдвиг? вправо «пассивнаго большинства» подъ опасеніемь «чрезм?рныхъ» требованій анархизма. Традиціонный анархизмъ, предполагавшій д?йствовать сверху, черезъ «активное революціонное меньшинство», игнорируетъ д?йственную и психологическую силу массъ, полагая возможнымь или, по крайней м?р?, желательнымь «увлечь ее за собой». Зд?сь – неизб?жное противор?чіе съ той уб?жденной в?рой въ творческую силу массъ, которая характерна именно для современнаго анархизма. Но это противор?чіе, какъ и многія иныя, есть плодъ того безудержнаго «утопизма», который проникаетъ вс? построения анархизма и всю его тактику.

Утопизмъ несетъ въ себ? великую моральную ц?нность. Онъ будитъ челов?ческую сов?сть, будитъ духъ протеста, утверждаетъ в?ру въ творческія силы человека и его грядущее освобожденіе.

Но «утопизмъ» для борца, какъ анархизмъ, не можетъ быть перманентнымь. Борець долженъ идти на борьбу съ открытыми глазами, зр?ло избирая надлежащія средства, не пугаясь черной работы въ борьб?. Утопизмъ же застилаетъ глаза дымкой чудеснаго; онъ подсказываетъ борцу высокія чувства, высокія мысли, но часто оставляетъ его безъ оружія.

Анархизм. Алексей Алексеевич Боровой filosoff.org
Возвращение к жизни; творческое разрешение в каждом реальном случае кажущейся антинормы между «идеалом» и «компромиссом» – таковы должны быть основные устремления анархизма. Тогда самый идеал его выиграет в ясности, средства и действия – в мощи.

Основная стихия анархизма – отрицание, но отрицание не нигилистическое, а творческое; отрицание, ничего общего не имеющее с тем бессмысленным разгромом ценностей и упразднением культуры – во имя только инстинкта разрушения или чувства слепой неудержимой мести, которые свойственны народу-варвару, народу-ребенку. Упражнение голого инстинкта разрушения губит реальные условия существования самого разрушителя. Это – поход против самой жизни, а такой поход всегда кончается поражением. Дочь-Кихоть, грязный плут и просто темный человек гибнут на равных основаниях.

Вра в рождение анархической свободы из свободы погромной – бессмысленна. И анархисту она принадлежать не может. «Погромный дух» – уродливая антитеза анархизма, злобная отвратительная карикатура на него, придуманная мстительным босом раба, развращенного полицией, взяткой, алкоголем и совершенной безответственностью.

Напрасны апофеозы голому «дерзанию». Дерзание, только как дерзание, отталкивается развитым анархическим самосознанием.

Что такое «дерзание»? Безстрашие, энергия, способность сильно чувствовать: если не сильно любить, то, по крайней мере, сильно ненавидеть. Вот – конститутивные признаки «дерзания». Но все эти качества – и смелость, и энергия, и способность сильно чувствовать носят отвлеченно-формальный характер. В каком деле – смелость является помехой, энергия – ненужной, сильное чувство – безразличным? Какая бы конкретная задача ни ставилась перед человеком или обществом, перечисленные качества являются условием ее успеха. Все дерзания невозможны деятельностью, творчеством, независимо от их реального содержания.

И потому дерзание – лучший помощник и в самом возвышенном творческом акте и в самом бесчестном деле.

Дерзание – есть средство, условие успешного достижения поставленной цели, но само в себя не есть цель.

Мы должны «дерзать» на подлинно анархический акт, чтобы само дерзание было анархическим.

В окружающей нас реальной исторической обстановке – строительству, положительному творчеству анархизма еще мало места. Дерзание, «бунтарство» стало представляться ему его единственной, самодовлеющей задачей. Подлинное содержание анархизма было забыто, цели оставлены и голое бунтарство без идейного содержания стало покрывать анархическое мировоззрение.

Но разве анархизм может быть сведен только к свободе самопроявления? Разве анархизм есть ни к чему не обязывающая кличка, билет, по которому «все дозволено»? Анархизм есть то-же, что и традиционная формула русского варварства – «моему ндраву не препятствуй»? Довольно-ли назвать себя анархистом и «дерзать», чтобы быть действительно анархистом, т.-е. подлинно свободным?

Что же отличает разбой от анархизма, отделяет анархическое бунтарство от погрома?

И разве мы не знаем, как преломляются анархические средства – анархический революционализм (action directe), анархическая экспроприация в призматическом варварского сознания?

«Революционаризм» свелся к групповым или даже индивидуальным террористическим актам – не связанным общностью цели, подменившим идейное анархическое содержание не анархической жаждой мести против отдельных лиц, желанием свести личные счеы.

Экспроприация утратила социальное содержание – экспроприации орудий и средств производства в целях их обобществления, а стала актом личной мести, личного обогащения или бессмысленного разгрома.

Такой «анархизм», доступный сознанию варвара, имеет естественно тем большую успех, чем в более темных массах он культивируется почитателями архаического подпольного бунтарства.

Уже давно стало общим местом социологии, что «чем ниже интеллектуальный уровень, чем неопределенные границы отдельных представлений, тем возбудимее область чувства и тем волевые акты являются менее продуктами определенных, логически расчлененных посылок и выводов, будучи лишь результатами общего душевного возбуждения, вызванного каким-либо толчком извне». (Зиммель).

Было бы, разумется, убийственным для самого анархизма полагать, что он имеет тем большую успех, чем «ниже интеллектуальный уровень» его последователей.

Так мы приходим к заключению, что анархизм не может родиться из «всякой» свободы и анархизм еще не осуществляется в каждом «дерзании».

Анархизму нить и не может быть места среди мародеров, предателей, алкоголиков, сутенеров, жандармов, государственных террористов. Их дерзания рождают погромы и рабство, и никогда анархическая свобода не может вырасти из их дерзаний.

Анархизму нить места в безстыдном, безответственном сброду, который свой бунт начинает с разгрома погребов и винных заводов, бессмысленного разрушения и расхищения того, что может и должно быть обращено на пользу народную, бессмысленных убийств, бессмысленных насиллий, самосудов, достойных людодов.

Анархизму нить места среди тех, кто, свергнув сегодня иго деспотизма, завтра проектирует иную усовершенствованную диктатуру, революционную охранку, тюрьмы, революционного жандарма, революцией оплаченных убийц?

Только то дерзание становится героическим, которое несет в себе достаточное содержание, которое продиктовано сознанием возвышающего его идеала.

Только то дерзание становится анархическим, которое соответствует содержанию его основных устремлений, которое несет подлинно освобождающий смысл, а не варьирует формы насилия.

И прежде всего необходимо подчеркнуть, что анархизму претит иезуитская мораль, что в глазах анархизма средства не могут быть оправданы целью, что анархическая мораль должна быть построена на признании внутреннего соответствия средств целям. Только такое средство может быть употреблено анархизмом, которое не противоречит его целям, избранным в данных условиях, или иным – более ценным, с точки зрения его морали.

Поэтому, анархизм, если он хочет не только иметь наиболее совершенный из известных общественных идеалов, но хочет воплотить его в жизнь, не может, не смеет отказаться от некоторых уступок реальности, неизбежных в условиях человеческого общежития.

Человек, как личность – свободен, как член определенной общности – обусловлен. И эта обусловленность – имманентна общности. Кто хочет эмансипироваться от обусловленности социальной стороны своего существования, тот должен отказаться от самой общности. А это в современных условиях существования – невозможно, равносильно смерти.

И самый абсолютный, самый непримиримый идеал, не может претендовать на немедленное утверждение его в жизни и на вытеснение всех тех относительных ценностей, среди которых живет человечество.

Это великопно показал В. Соловьев в «Оправдании добра».

Требование осуществления абсолютного идеала, не считаясь с миром относительного и необходимыми уступками ему, включает в себя неизбежное внутреннее противоречие: «В самом существе безусловного нравственного начала – пишет он в «Оправдании Добра» – как заповеди или требования... заключается уже признание относительного элемента в нравственной области.

Анархизм. Алексей Алексеевич Боровой filosoff.org
Ибо ясно, что требование совершенства может обращаться только к несовершенному, обязывая его становиться подобным высшему существу, эта заповедь предполагает низшие состояния и относительные степени возвышения (Нравственность и право).

Или еще в другом месте: «Отрицать во имя безусловного нравственного идеала необходимые общественные условия нравственного прогресса, значить, во-первых, вопреки логике смешивать абсолютное и вечно достоинство осуществляемого с относительным достоинством степеней осуществления, как временного процесса; во-вторых, это означает несерьезное отношение к абсолютному идеалу, который без действительных условий своего осуществления сводится для человека к пустословию; и, в третьих, наконец, эта мнимая нравственная прямолинейность и непримиримость изобличает отсутствие самого основного и элементарного нравственного побуждения – жалости, и именно жалости к тем, кто ее больше всего требует – к малым сим. Проповедь абсолютной морали с отрицанием всех морализующих учреждений, возложение бремени неудобноносимых на слабых и беспомощных плечи среднего человека – это есть дело и нелогичное, и не серьезное, и безнравственное».

Оставляя в стороне «жалость», как специфический элемент религиозно-философской системы Соловьева, мы должны признать доводы его в защиту «относительных степеней возвышения» – неотразимыми и особенно для того мирозерцания, которое утверждает себя «боевым», по преимуществу, и которое больше всего отталкивают уродства квиетизма.

Отказаться от признания «низших состояний», от постоянного и непрерывного воплощения своего «безусловного» в неизбежно «относительных» условиях общественной среды – значило бы сознательно обречь себя на бесплодие, на невозможность общественного действия и тем самым признать тщету своих утверждений. Идеаль – как хорошо сказал один писатель – есть всегда путь, то-есть переход от данного к должному, который включает, следовательно, и действительность и идею.

Так приходим мы к сознанию неизбежности уступок относительному. Стремление к своему общественному идеалу и следовательно осуществление его в жизни и есть видение абсолютного в рамки относительного.

Наконец, ни один общественный идеал, не исключая и анархического, не может быть называем абсолютным в том смысле, что он предустановлен раз навсегда, что он – венец мудрости и конец этических исканий человека. Подобная точка зрения должна обусловить застой, стать мертвой точкой на пути человека к безграничному развитию. И мы знаем уже, что конструирование «конечных» идеалов – антиномично духу анархизма.

Подведем итоги.

Может-ли быть оправдано насилие?

Да, должно быть оправдано, как акт самозащиты, как оборона личного достоинства. Ибо непротивление насильнику, примирение с насилием есть внутренняя фальшь, рабство, гибель человеческой свободы и личности. Кто не борется против «неправды», в неизбежных случаях и насилием, тот укрывает ее.

Но употребление насилия, его формы и пределы применения должны быть строго согласованы с голосом анархической совести; насилие для анархиста не может стать стихийным, когда теряется возможность контроля над ним и ответственности за него. Вот почему анархическая революция не может быть проповедью разнузданного произвола, погромов и стяжаний. Этим внешним самоосвобождением не только не облегчается борьба с насилием, но, наоборот, поддерживается и воспитывается само насилие. Оно приводит, таким образом, к следствиям, отрицающим самый анархизм.

Расценивая с этой точки зрения террористическую тактику, необходимо согласиться, что анархизм правильно отказывается от введения организованности, плановости в нее. Террор может быть делом только личной совести и может быть предоставлен только личной инициативе. Он не может стать – постоянным методом действия анархической организации, ибо, с одной стороны, целиком построен на насилие, с другой, не включает

Анархизм. Алексей Алексеевич Боровой filosoff.org
въ себѣ ни атома положительнаго. Терроръ вовсе не вытекаетъ изъ самой природы анархизма, и, въ этомъ смыслѣ, совершенно правъ одинъ его критикъ, когда пишетъ: «Антибуржуазный терроръ связанъ съ анархическимъ ученіемъ не логически, а только психологически... Нѣкоторые теоретики анархизма не идутъ на этотъ компромиссъ; Э. Реклю, напр., лишь психологически оправдываетъ отдѣльные террористическіе акты, но отнюдь не выступаетъ принципиальнымъ сторонникомъ «пропаганды дѣломъ». (В. Базаровъ. «Анархическій коммунизмъ и марксизмъ»).

Тѣмъ не менѣе, въ томъ фактѣ, что господствующіе круги анархистской мысли все же ищутъ извѣстной «мотиваціи» террористическаго акта, относясь безусловно отрицательно къ чисто «антибуржуазному», стихійному террору, можно видѣть, что индивидуальный актъ, этотъ «психологическій компромиссъ» перестаетъ уже удовлетворять развитое анархическое самосознаніе.

Если-же оцѣнивать индивидуальный актъ, не какъ актъ личной совѣсти, но какъ актъ политическій, можно придти къ заключенію о его полной безнадежности.

Правда, этотъ актъ есть единоборство личности не только противъ отдѣльнаго лица, но, въ сущности, противъ цѣлой общественной системы. И въ этомъ безкорыстномъ выступленіи – не мало героизма, неподдѣльной красоты и мощи. Они сообщаютъ акту характеръ подвига, въ молодыхъ, чистыхъ, всѣхъ – способныхъ къ экзальтаціи, зажигаютъ энтузіазмъ. Актъ-ли это самозащиты – обороны, актъ ли это личной мести, или чистаго безумія, но террористъ всегда готовъ пасть жертвой, и это самообреченіе борца окружаетъ голову его свѣтлымъ нимбомъ мученичества.

Но внѣ этихъ заражающихъ вліяній на небольшую относительно кучку «идеалистически» настроенныхъ людей, практическое значеніе индивидуальных актовъ – ничтожно.

А) Индивидуальный актъ – есть столько же доказательство силы, какъ и слабости. Этотъ актъ – взрывъ отчаянія, вопль безсилія передъ сложившимся порядкомъ. Вѣрять въ силу «бомбы», значитъ, извѣряться во всякой иной возможности дѣйствовать на людей и ихъ политику. И потому террористическій актъ есть столько-же актъ «убійства», сколько и «самоубійства». Этимъ актомъ нельзя создать «новаго міра»; можно лишь съ честью покинуть «старый». И тѣ, противъ кого направляются подобные акты, превосходно понимаютъ ихъ внутреннее безсиліе. Они могутъ повредить, убить частное, конкретное, а иногда даже случайное выраженіе системы, но не въ состояніи убить ея «духа». Какое можетъ быть дано лучшее доказательство непобѣдимости той власти, противъ которой единственно возможнымъ средствомъ оказывается «динамитъ».

В) Никогда ни бомба, ни динамитъ, ни вообще какія-бы то ни было насильственныя средства въ этомъ родѣ, не производили такого устрашающаго впечатлѣнія на власть, чтобы она самоупразднилась подъ гипнозомъ страха. Прежде всего, прерогативы власти настолько обольстительны еще въ глазахъ современнаго человѣчества, обладаютъ такой огромной развращающей силой, что рѣдкіе относительно террористическіе акты не могутъ убить «психологію» власти. А въ отдѣльныхъ случаяхъ, когда носитель власти обладаетъ личнымъ мужествомъ, террористическій актъ сообщаетъ ему новыя силы, укрѣпляющія его личную «психологію». Смакованіе возможности для себя «мученичества» – порождаетъ особую увѣренность въ себѣ, гордость, преувеличенное сознаніе своего значенія, презрѣніе къ врагу, особое сладострастіе жестокости. Наконецъ, терроромъ можно было бы бороться противъ власти въ примитивномъ обществѣ – при неразвитости общественныхъ связей, при слабой дифференціаціи органовъ власти. Въ современномъ же обществѣ власть долгіе относительно періоды покоится на прочномъ базисѣ общественныхъ отношеній. Самая власть представляетъ сложный комплексъ органовъ, и устраненіе одного изъ ея представителей, хотя бы и вліятельнаго, еще не колеблетъ всей системы, баланса, который сложился подъ вліяніемъ совокупности реальныхъ жизненныхъ условій. *Le roi est mort, vive le roi!*

С) Практическая бесполезность террористическихъ актовъ подтверждается еще тѣмъ, что они обычно порождаютъ вспышки реакціи, усиливаютъ государственно-полицейскій гнетъ, и вмѣстѣ способствуютъ «поправленію» общества. Россія имѣетъ въ этомъ смыслѣ достаточно краснорѣчивый примѣръ – безсилія «Народной Воли», несмотря на исключительную даровитость и энергію отдѣльныхъ ея членовъ.

Анархизм. Алексей Алексеевич Боровой filosoff.org

Д) Наконец, террористические акты, возведенные в систему, не?лесообразны потому, что они санкционируют то зло, против которого призваны бороться. Если вора невозможно исправлять покаянием у него, убийцу – убийством близкого ему человека, ибо подобными возмездиями воровство и убийство получают только лишнюю поддержку, то и террористическая политика правительства не может быть излечена или изменена террором. Террор, как мы сказали выше, сохраняет за собой значение лишь личного, «психологического» акта.

Еще более возмущающей и принципиальной, и практической характера вызывает против себя «индивидуальное» присвоение частной собственности – экспроприация, как тактической прием [27].

Никто не может оспаривать права не анархиста, но человека вообще, открыто и насильственно брать необходимое для себя и зависимых от него людей в тех случаях, когда условия общественной организации не могут обеспечить его человеческого существования. Но откуда очень далеко до той «экспроприационной» практики, которая, устрояя якобы насильников и лодырей, в сущности, их подменяет новыми фигурами. Безпринципность в этом направлении делает лишь то, что любой мошенник может наклеить на свой, якобы, «антибуржуазный» акт – этикетку анархизма.

Это печальное и грозное явление уже обращало на себя не раз внимание сознательных анархистов. Однако, в борьбе с ним никогда не было проявлено достаточно энергии, ибо в глазах многих «свобода» все еще является тем жупелом, которого не смеет коснуться ни анархическая логика, ни анархическая совесть. Однако, Гравь посвятил «воровству» в анархизм несколько вразумительных строк: «Есть анархисты – пишет он – которые из ненависти к собственности доходят до оправдания воровства, и даже – доводя эту теорию до абсурда – до снисходительного отношения к воровству между товарищами. Мы не нам?рены, конечно, заниматься обличением воров: мы предоставляем эту задачу буржуазному обществу, которое само виновато в их существовании. Но дело в том, что, когда мы стремимся к разрушению частной собственности, мы боремся, главным образом, против присвоения несколькими лицами, в ущерб всем остальным, нужных для жизни предметов; поэтому всякий, кто стремится создать себе какими бы то ни было средствами такое положение, где он может жить паразитом на счет общества, для нас – буржуа и эксплуататор, даже в том случае, если он не живет непосредственно чужим трудом, а вор есть ничто иное, как буржуа без капитала, который, не имея возможности заниматься эксплуатацией законным путем, старается сделать это помимо закона – что несколько не мешает ему, в случае, если ему удастся самому сделаться собственником, быть ревностным защитником суда и полиции» («Умирающее общество и анархия»).

Изследование внутренней природы компромисса невозможно без выяснения проблем, неизбежно встающих перед действительным анархистом. Эти проблемы: 1) как возможно «прощение» других, 2) как возможен «анархический долг».

Говоря о «прощении», мы имеем в виду не субъективные настроения личности, а некоторый социальный принцип, обязательный лозунг практической жизни.

Если мы решаем «прощать» всегда, принципиально, во имя стихийной, не могущей быть нами осознанной до конца причинности, но обуславливающей в нас все до последнего дыхания – мы неизбежно приходим к действительно всепрощающему, но отталкиваемому свободным сознанием материализму, где все предопределено и свободы выбора не существует. Но в таком «материалистическом» понимании мы уже – не свободны, сознавая себя «я», а химические или механические процессы. Все наши устремления, борьба, революции – моменты, обусловленные уже за тысячи лет назад. Такое понимание не только неизбежно ведет к бесплодному пессимизму, но не оставляет места и самой морали, невозможной без свободы.

С точки зрения свободного сознания – «прощение», само по себе, не есть благо. Оно может быть и благом и злом, в зависимости от содержания, которое вы в него вложите. Есть вещи, которые можно понимать и можно простить. Есть вещи, которые должно понимать и должно простить. Есть, наконец, вещи, которые нельзя ни понимать, ни прощать. Мы не смеем прощать проступков, претящих свободной человеческой совести, насилующих

Анархизм. Алексей Алексеевич Боровой filosoff.org
человеческую свободу. Въ подобныхъ случаяхъ компромиссы – не неуместны, но преступны. Что значило-бы понять и простить подобный актъ, когда самая возможность пониманія отталкивается нашимъ нравственнымъ сознаниемъ. Понять и простить его значило бы стать его соучастникомъ.

Личная психологія и социальная подоплека любой тиранніи (любого принужденія) могутъ быть великолѣпно выяснены. Вы можете понять и оцѣнить всѣ «необходимости» ея появленія. Но какими «внутренними» мотивами можетъ быть оправдана для васъ тираннія?

Знаніе причинности и основанное на ней прощеніе ублаживаютъ насъ. Они оправдываютъ не только возмущившій нашу совѣсть фактъ, но попутно, по аналогіи, готовятъ напередъ оправданіе инымъ, могущимъ открыться рядомъ, язвамъ. Та погоня за причинностью и закономѣрностью, которая оскопляетъ нашу «науку», характеризуетъ и всѣ наши судилища государственнаго и общественнаго характера, не исключая и безстыдныхъ пародій ихъ – революціонныхъ трибуналовъ. Въ нихъ всегда ищутъ, если не опредѣленно партійную, то нѣкоторую срединную правду, этической минимумъ, ничего общаго съ нравственностью не имѣющей, а являющейся лишь необходимой въ глазахъ общественности условностью, позволяющей продѣлывать успокоительныя для общественной совѣсти операціи.

Но «непрощеніе» не можетъ переходить въ недостойное анархиста чувство «мести».

Анархизму ненавистны – не люди, но строй, порядокъ, система, развращающіе ихъ. Анархизмъ не прощаетъ идолопоклонства, но не жаждетъ мстить отдѣльнымъ людямъ. Помимо этической недопустимости подобнаго чувства у анархиста, оно и практически нецѣлесообразно, ибо удовлетвореніе его рождаетъ всегда новое зло, новыхъ мстителей и новыя цѣпи преступленій. Мечь-насиліе можетъ быть оправдано лишь въ случаяхъ исключительныхъ – необходимой обороны себя и общественности отъ необузданныхъ проявленій произвола.

Великолѣпныя, подлинно анархическія мысли въ этомъ планѣ были сказаны на судѣ «Чикагскими мучениками» въ 1885 г. – Списомъ и Парсонсомъ.

«Анархизмъ вовсе не значить – говорилъ Спись – убійства, кражи, поджоги и т. п., а миръ и спокойствіе для всѣхъ». «Война съ учрежденіями, но миръ съ людьми» – говорилъ Парсонсъ. – «необузданный гнѣвъ противъ тиранновъ и смутное желаніе во что бы то ни стало разрушать и убивать не составляетъ характерныхъ чертъ анархическаго міросозерцанія... Анархизмъ есть полное противоположеніе идеи насилія».

Наоборотъ, на неправильной почвѣ стоитъ «традиціонная анархическая» мысль.

«Нельзя осуществить свободу безъ разрушенія рабства – читаемъ мы въ «Хлѣбъ и Воля» – а въ дѣлѣ разрушенія, само собою разумѣется, перчатокъ надѣвать не приходится». И мы совершенно согласны съ этимъ утвержденіемъ. Конечно, бунтъ, революція, низложеніе цѣлаго порядка не могутъ обойтись безъ насилія и жертвъ. Но мы не можемъ согласиться съ слѣдующимъ за тѣмъ воззваніемъ: «И не нужно бояться народа, не нужно бояться, что крестьянинъ, разъ сорвался съ цѣпи, пойдетъ и слишкомъ далеко, что ему не будетъ удержу. Не надо бояться «лишняго буйства» со стороны народа. По отношенію того класса, который вѣками угнеталъ его, онъ, какъ бы ни старался, не можетъ проявить «лишняго буйства». Какъ бы ни были жестоки въ день революціи угнетенные капиталомъ и властью, угнетатели все-таки останутся у нихъ въ долгу за муки, причиненныя имъ въ продолженіе долгихъ вѣковъ. Не надо бояться всѣхъ этихъ «страховъ».

Это – призывъ къ духу «погромному», который ничего общаго съ анархизмомъ имѣть не можетъ. И, помимо того, что призывъ этотъ напередъ санкціонируетъ любую безпринципность, онъ – бесплоденъ именно въ анархическомъ смыслѣ, ибо на мѣсто однихъ угнетателей воспитываетъ другихъ.

Лучшее рѣшеніе проблемы «мести» и именно въ анархическомъ смыслѣ дано Ницше.

«... Активный, наступающій, переступающій границы челоука – писалъ онъ – стоитъ всегда несравненно ближе къ справедливости, чѣмъ реактивный. Для него не необходимо такъ ложно, такъ предубѣжденно отнестись къ своему объекту, какъ это дѣлаетъ или долженъ дѣлать послѣдній... Во всѣ времена

Анархизм. Алексей Алексеевич Боровой filosoff.org
агрессивный человек, как бол?е сильный, бол?е спокойный, бол?е благородный, им?ль бол?е свободный взор? и бол?е чистую сов?сть». Наоборот, человек мести на своей сов?сти им?еть вымыслы нечистой сов?сти». ... И в другом м?ст?: «... В благородных и сильных людях... большой запас пластической, творческой, исц?ляющей, дающей забвение силы... Какое глубокое уважение питает благородный человек даже к своему врагу! А такое уважение – в?дь, мост? к любви... Самый враг – для него отличие! Наоборот, ... человек, живущий злобой и местью, представляет врага себя? «злым» и, сд?лав? это своим основным уб?ждением, создает себя? иной, противоположный образ? «добраго»; это – он? сам!»

Конечно, это – отвлеченное р?шение проблемы, но оно наполнено именно т?м? этическим содержанием, которое отв?чает? подлинно свободному м?росозерцанию.

Предъявляя чрезвычайно высокую требовательность по отношению ко всему окружающему, анархистское м?росозерцание т?м? с? большей силой утверждает и обязанности по отношению к? самому анархизму, анархическ?й «долг?», начало отв?тственности.

Идеаль, должное – в анархическом м?ровоззр?нии занимают доминирующее м?сто. Должное проникает вс? частная построения анархизма. Анархизм, по существу, занять бол?е всего этической проблемой.

Поэтому, анархизм – не может отказаться от? основного принципа морали – сознания долга. Посл?днее не выводится из? опыта, оно – имманентно человеческой природ?. Эмпирические данные обуславливают лишь конкретное содержание нашего сознания.

Анархическое содержание сознания долга, отв?тственности перед? собой, пред? св?том? своей сов?сти – высшее и благородн?йшее бремя, которое когда-либо человек возлагал? на себя.

Если, как? я говорил? выше, моя свобода – в? свобода? и радости других?, этим? самым? я постулирую содержание моего «долга» и моей «отв?тственности».

Я не см?ю отказаться от? моей доли в? «зл?», меня окружающем?. Я – повинен? за все отчаяние, за вс? преступления, за голод? и насильственную смерть, если они есть в? м?р?. Только раб? мирится с? существованием? рабов? и вс?х? хот?ль бы вид?ть рабами. Раб?, объявивш?й войну угнетателю – уже не раб?.

Сознать в? себя? отв?тственность за вс?х?, за все – значит? призывать к? подвигу. И отв?тственность такая – не страшна. Наоборот, она наполяет? жизнь реальным? содержанием?, роднит? каждое «я» с? другими, безсильного д?лает? активным?, творческим?.

Наоборот, чувство безотв?тственности разрушает? связи и огораживает? от? вс?х?. Страшное в? жизни не перестает? быть страшным?, но становится невыносимым? своим бессмыслом?, ибо самой черной человеческой сов?сти не дано спокойно пировать? на человеческих? труплах?.

Безотв?тственность неуклонно ведет? к? личной гибели – сознанию своего бессилия и ненужности. Сильным? становится тот?, кто берет? на себя «гр?х? м?ра».

И только свободное от? мертвого догматизма, от? в?ры в? непогр?шимость вождей и парти?, идущее из? глубины творческого «я», в?рующее в? свободную активность личности – анархическое м?росозерцание не боится никакой отв?тственности перед? судом? своей сов?сти. Поэтому, анархизм – необходимая форма нравственного отношения к? жизни.

Изсл?дование? практической д?ятельности или скор?е программы анархистов? легко нас? уб?ждает? в? том?, что ригоризм? их? носить часто вн?шний и поверхностный характер. В? действительности, и анархисты допускают? отступления? от? непримиримой догмы и идут? на компромиссы.

Фактически самый нетерпимый анархист? не может? обойтись без? компромисса – в? рамках? капиталистического строя. Не вс? анархисты слагают? свою голову

Анархизм. Алексей Алексеевич Боровой filosoff.org
на плах? и не вс? кончаютъ жизньъ въ тюрьм?. Между т?мъ, казалось-бы, самая возможность мирнаго существованія анархиста въ буржуазномъ обществ?, изданія имъ органовъ печати, выступленія его въ собраніяхъ есть абсурдъ. Такое существованіе возможно только потому, что перманентнаго бунта, какъ перманентной революціи, не было и быть не можетъ. Не въ силу только инстинкта самосохраненія, или общественнаго инстинкта косности, но въ силу психо-физическихъ условій самаго челов?ческаго организма.

Періоды разрушенія см?няются моментами строительства; посл?дніе, независимо отъ ихъ характера, всегда несутъ съ собой изв?стное успокоеніе, примиреніе, удовлетвореніе достигнутымъ. Это – лежитъ въ самой челов?ческой природ? и, докол? она сохраняетъ изв?стныя намъ сейчасъ ея особенности, это изм?ненію не подлежитъ. Особенность анархизма отъ прочихъ идеаловъ чело?чества заключается лишь въ томъ, что онъ никогда не можетъ остановиться на достигнутомъ, не мирится съ косностью, таитъ всегда въ себ? «безпокойство», не знаетъ конечныхъ ц?нностей. Но промежуточныя творческія ступени знаетъ и анархистъ. Доказательства этому мы найдемъ въ собственныхъ заявленіяхъ анархистовъ.

Кропоткинъ не в?рилъ прежде, повидимому, не в?ритъ и въ настоящее время, въ возможность непосредственнаго перехода отъ нашего дореволюціоннаго порядка къ коммунистическому строю. «Мы прекрасно знаемъ – читаемъ мы также въ сборник? «Хл?бъ и Воля» – что не завтра или посл?завтра осуществится въ Россіи анархизмъ, т.-е. безгосударственный социализмъ». И дал?е: «Не конституція, какъ таковая, намъ нужна, такъ-какъ мы вообще противъ всякаго государства, а свобода слова, печати и собраній, чтобы мы могли посл?довательн?е вести нашу социалистическую пропаганду и ускорить социальную революцію».

Т?-же признанія мы найдемъ у Малатесты, Корнелиссена, Малато, Мерлино и др.

Разв? мы не знаемъ, что непримиримый анархическій догматизмъ не м?шаль анархистамъ принимать д?ятельное участіе въ такихъ явленіяхъ, какъ буланжизмъ, дрейфусизмъ и пр., хотя об? стороны, казалось-бы далеки «д?лу» анархистовъ, а защита принциповъ демократіи и ц?лости буржуазной республики им?етъ мало общаго съ анархической «программой».

Разв? анархизмъ не уд?ляетъ чрезвычайно широкаго м?ста своимъ просв?тительнымъ задачамъ?

«Мы ничего не выигрываемъ – пишетъ Кропоткинъ въ «Р?чахъ бунтовщика» – изб?гая споровъ о «теоретическихъ вопросахъ»; наоборотъ, чтобы быть «практичными», мы должны ставить ихъ на обсужденіе и вс?ми силами оспаривать и защищать нашъ идеалъ анархическаго коммунизма... Мы должны ясно и точно опред?лить ц?ль, къ которой стремимся. И не только опред?лить эту ц?ль, но и подтвердить ее словомъ и д?ломъ, сд?лать достояніемъ всего народа, чтобы въ день возстанія она вырвалась изъ вс?хъ устъ. Совершить эту работу гораздо необходим?е и трудн?е, ч?мъ это предполагаютъ; если ц?ль наша и стоитъ, какъ живая, передъ глазами небольшого числа избранныхъ, то она совс?мъ не ясна для большей части народа, на который непрерывно вл?яетъ пресса буржуазная, либеральная, коммунистическая, коллективистическая и т. д. и т. д... И если мы хотимъ, чтобы въ день разгрома, народъ единодушно выставилъ наше требованіе, мы должны непрерывно распространять свои идеи и ясно выставить свой идеалъ будущаго общества. Если мы хотимъ быть практическими, мы должны заняться т?мъ, что реакціонеры называютъ «утопіями и теоріями». Теорія и практика должны составлять одно ц?лое, чтобы поб?да была на нашей сторон?».

«... Первое и самое важное средство для борьбы за анархическій коммунизмъ – пишетъ В?тровъ – есть просв?щеніе». И дал?е сл?дуетъ длинный списокъ того, что «необходимо доказать» народу. («Анархизмъ, его теорія и практика»).

Наконецъ – и это поворотный пунктъ въ исторіи анархизма – современный анархизмъ все бол?е приходитъ къ уб?жденію, что социальное д?йствіе требуетъ и социальныхъ средствъ, что возд?йствіе на самыя основанія общественной системы требуетъ постоянныхъ организацій, связанныхъ между собой не іерархически, но по принципу федераціи и т?сно спаянныхъ единствомъ ц?ли.

Организація перестаетъ пониматься, какъ инициативная группа «одиночекъ». Такія группы – полезны, какъ ферментъ, но строить политику» на нихъ нельзя.

Анархизм. Алексей Алексеевич Боровой filosoff.org
Такую «политику могут» нести на своих плечах только революционные слои, революционные массы в соответствующих организациях. Так пришел анархизм к «классу» и классовой борьбе? «...Классовая борьба – читаем в «Хлеб и Воля» – есть единственная почва, на которой возможно построение здоровой, целесообразной революционной тактики».

Что-же такое класс? И как анархизм понимает и должен понимать классовую организацию?

Экономическая эволюция в целом представляется нам систематическим, последовательным процессом выделения организационных или предпринимательских, и исполнительских, или рабочих, общественных групп.

Этот процесс, наблюдаемый в зачатках уже на самых ранних ступенях хозяйственного развития, в античном строе, феодальном строе, в эпоху товарного капитализма, наиболее рельефно и ярко выступает в современном капиталистическом строе с его почти законченной классовой организацией. «Экспроприация производителя от средств производства», к которой может быть сведен весь хозяйственный процесс, получила именно в наше время, благодаря окончательному торжеству машины над человеком, наиболее категорическое и резкое выражение.

В чем же сущность организационной и исполнительской функции? В чем разница между организатором и исполнителем? Что были они раньше? Чем стали теперь?

Удачный ответ на эти вопросы мы найдем в прекрасном очерке о классах и группах А. Богданова, помещенном в третьей книге его работы об «Эмпириомонизме».

Исполнители, независимо от их профессии, «сапожник, кузнец, земледельец – рассуждает Г. Богданов – выполняют очень различные трудовые акты, но все эти акты лежат в сфере непосредственного воздействия со стороны человеческого организма на внешнюю социальную природу, непосредственной борьбы с нею, – словом, в области технического процесса в самом полном и строгом значении этого слова».

Наоборот, организатор, направляющий труд исполнителей, будет ли это патриарх родовой общины, или средневековый феодал, или рабовладелец античного мира, или предприниматель эпохи капитализма, воздействует на природу через этих исполнителей; он не вступает с ней в непосредственную борьбу... Для организатора непосредственный объект деятельности – не природа внешняя-социальная, а другие люди...»

В образовании этих двух групп: организаторской и исполнительской и кроется зародыш классового начала. Разумеется, образование общественного класса далеко не совпадает с процессом выделения организаторских или исполнительских функций. Последние в той или другой форме возникают уже в самых ранних человеческих общностях, наоборот, общественный класс, есть продукт долгого исторического развития.

Минуя ранние исторические эпохи и разнообразная идеологические учения, складывавшиеся на почве общественных антагонизмов [28], мы перейдем непосредственно к тому времени, когда начала слагаться социалистическая мысль, ибо в ее критическом капитализма учение о классовом строе общества заняло одно из первых мест. Элементы этого учения мы находим уже у английских социалистов-утопистов: у В. Годвина, Ч. Голла и особенно В. Томсона. Затем идея классового строения общества получила широкое развитие в Сен-Симонизме, в «Демократическом Манифесте» Консидерана, в трудах Пеккера, Бюре, Л. Блана, Прудона, вплоть до ученых идеологов французской буржуазии в роду Гизо. В этом большом перечне нельзя не отметить также замечательного австрийского государственника, Л. Штейна, труды, которого, посвященные истории социализма и коммунизма во Франции и опубликованные до появления основных работ Маркса и Энгельса, несомненно влияли на политическую философию марксизма.

В «Письмах женева жителя к современникам» (1802) С. Симонь, набрасывая фантастический план будущего политического устройства,

Анархизм. Алексей Алексеевич Боровой filosoff.org обращается с горячим призывом – осуществить его к различным общественным группам. «Ученые и артисты», как представители умственной инициативы, должны первые победить инертность. Собственникам – консервативному элементу общества – С. Симонь напоминает, что они меньшинство в стране, что, если они не примут его плана, они могут вновь подвергнуться ужасам революции. Остальным – страдающим и бедным он указывает, что, хотя они и многочисленнее собственников, но слабее их, благодаря несправедливости. Власть принадлежит только просвещенным. Господство черни в эпоху революции приведет страну к голоду.

В этом противопоставлении общественных групп, различных в экономическом смысле, с различным отношением к общественному строю, различной психологией, глубоко противоречивыми стремлениями лежит основа современного учения об общественном классе. Конечно, здесь многое неясно, анализ Сен-Симона – неполон, классовые грани – намечены суммарно, – мы не говорим уже о глубоком политическом безразличии, характерном для всей системы С. Симона в ее целом – но здесь уже на лицо элементы социологической идеи о классовом строении общества, здесь рзкий, безповоротный разрыв с буржуазными теориями «гармонии интересов». И в других своих произведениях С. Симонь указывает на классовый антагонизм, как движущий фактор истории. Борьба феодализма–землевладельцев с промышленностью–капиталом, обусловила, по его мнению, наступление Великой революции конца XVIII-го века. С. Симонь предвосхищает современное социалистическое требование всеобщей трудовой повинности и право каждого на труд. Отсюда его критика права собственности на наследство и всякого права собственности, не основанного на личном труде. С необычайной силой он возстает против неравенства – не того, которое вытекает из самой сущности человеческой природы; – это он протестует, но того, которое своим происхождением обязано дурному социальному устройству. Его «Новое христианство» есть апофеоз труда и его представителей.

Ученики С. Симона продолжали и углубляли идеи учителя. У Анфантена мы находим блестящую критику буржуазной экономики. «Политическая экономика – писал он – софистика в пользу привилегий... Но капитал работает только потому, что к нему прилагают руки другие люди, сообщающие ему жизнь, рождающие его производительность». На улицах Парижа кипит июльская революция и Анфантен обращается к французскому народу с пламенной прокламацией, в которой клеймит «праздных, живущих чужим потом». В замечательном курсе лекций по С. Симонизму (1828) Базарь характеризует всю историю человечества, как систематическую эксплуатацию человека человеком. «Довольно бросить беглый взгляд на то, что происходит вокруг – восклицал Базарь – чтобы видеть, что современный рабочий эксплуатируется материально, интеллектуально и морально так же, как прежний раб».

Еще более глубокое понимание роли классовых антагонизмов в капиталистическом обществе мы находим у Фурье. Его характеристика современного периода «цивилизации» является самой полной из всех, когда-либо имевших место в социологической литературе. Марксизму оставалось ее лишь углубить. Источник «зла» – учил Фурье – лежит в глубоком, проникающем весь современный строй, «безпорядке». Самый грозный беспорядок – беспорядок экономической, порождающий бедность, самый страшный бич современности, источник физических и моральных страданий, ведущий к вырождению, толкающий на преступления. Экономический беспорядок вызывает беспорядок социальный. «7/8 народа ограблены – ой, живущей на их счет». Общество разбилось на враждующие классы, заинтересованные в причинении зла один другому. Это взаимоненавистничество – борьба за жизнь – источник глубокого противоречия между «индивидуальными интересами и интересом коллективным» Нет более общих идеалов. «Сколько классов, столько и моральных систем». Беспорядок проникает и политическую жизнь. Государство и правительство стоят исключительно на страже привилегированных интересов. Их главная забота – «вооружить некоторое количество жалких рабов, именуемых солдатами, терроризировать их помощью различных строгостей... и держать, таким образом, в повиновении массы невооруженных бедняков». Естественно, что последние находятся в состоянии постоянного антагонизма к существующему порядку, антагонизма, прорывающегося временами в возмущениях и бунтах.

Несмотря, однако, на глубокую и разностороннюю наблюдательность, ясное понимание несовершенств общественного строя, ранние социалисты, позже названные «утопическими», не оценивали достаточно сложности социального процесса, полагая, что сознания идеала довольно, чтобы изменить

Анархизм. Алексей Алексеевич Боровой filosoff.org
существующий порядок вещей. Фурье с оптимистической ясностью учивший, что каждая общественная форма вынашивает в своих собственных недрах, вопреки, однако, что главная революционная сила – нравственное перерождение человечества. Для переворота довольно обратиться к благородным инстинктам человека, внушить сострадание к меньшему брату или показать социально-экономические преимущества нового строя. С. Симонь глубоко вопреки, что королевского ордеранса довольно, чтобы сделать жизнь людей свободной и счастливой. И он, и Фурье вопреки, что новый строй должен быть «открыт», «изобретен» и на это время забывали о хорошо известной им неумолимой последовательности в развитии социально-экономических форм.

При этом положительные проекты утопистов всегда основывались на представлениях, во первых, о высоком достоинстве человеческой природы, во вторых, об исключительно дезорганизующем значении классовой борьбы. «Богачи – писал, например, Кабе в своем «Путешествии в Икарию» – такие же люди, как и бедняки и также – наши братья. Они – обширная и прекрасная часть человечества. Конечно, надо препятствовать им стать притеснителями, но их также не следует притеснять, как не следует давать угнетать самих себя... Их не следует ненавидеть, так как их предрассудки и вообще их жизнь есть такой же плод их дурного воспитания и дурной общественной организации, как несовершенства и пороки бедняков».

Так утопический социализм исправлял свои социологические концепции моралью и в общем морализировании думал найти средства к разрешению социальных неурядиц.

Впервые с классовой борьбой в современном ее понимании мы встречаемся в трудах «научного» социализма. Начало было положено «Коммунистическим Манифестом» (1847), возгласившим, что история всех бывших до сих пор человеческих обществ есть история борьбы классов. Последовательные характеристики исторического процесса, со стороны участвующих в нем общественных групп, манифест заключал: «Все более и более современное общество разбивается на два обширных враждебных лагеря – два великих класса, прямо противоположных по своим интересам: буржуазию и пролетариат».

Однако, ни в Коммунистическом Манифесте, ни у самого Маркса мы не находим систематического законченного учения о классе. Глава 52-я и последняя 3-го тома «Капитала», посвященная интересующему нас вопросу, неожиданно прерывается замечанием редактора – Энгельса: на этом рукопись обрывается. Но превосходный, хотя и разбросанный материал для освещения этой трудной проблемы, мы находим в небольших исторических работах Маркса. Мы отвлеклись бы слишком в сторону, если бы вздумали последовательно проследить ход развития его мысли об общественном классе; мы неминуемо натолкнулись бы и на целый ряд противоречий, изложению которых здесь не может быть места. Поэтому, мы остановимся только на капитальном выводе Маркса, который может быть положен в основу современного учения о классе. Этот вывод, поскольку он вытекает из целого ряда глубоких и блестящих характеристик, посвященных то крестьянству, то мелкой буржуазии, может быть сформулирован следующим образом: под общественным классом следует понимать социальную группу, члены которой связаны не только однородным экономическим интересом, но также и сознанием общности этого интереса. «Поскольку миллионы крестьянских семей – писал Маркс в «Восемнадцатом брюмера Луи Бонапарта» (1869), – существуют в экономических условиях, благодаря которым он по своему образу жизни, по своим интересам и образованию отличаются от всех других классов и даже враждебны им, они сами образуют класс. Но поскольку между малоземельными крестьянами существует только локальная связь, поскольку тождественность их интересов не создает никакой общности, никакого национального объединения, никакой политической организации, они не образуют класса».

Это рассуждение для конструирования определения общественного класса имеет огромную ценность. Оно совершенно порывает с традициями старой классической школы, довольствовавшейся в своем понимании класса принадлежностью совокупности хозяйственных индивидов к однородному экономическому интересу. При таком понимании необъяснимыми казались те случаи, когда определенные общественные группы с общими экономическими интересами не только не шли рука об руку, но нередко выступали открытыми врагами в процессе социальной борьбы.

Анархизм. Алексей Алексеевич Боровой filosoff.org
Итакъ, согласно опредѣленію Маркса, общественный классъ покоится на двухъ основаніяхъ: 1) экономическомъ и 2) идеологическомъ или моральномъ.

Экономическая основа – заключается въ томъ, что всѣ члены класса находятся въ однородномъ положеніи въ процессѣ производства, другими словами, они исполняютъ общія соціально-экономическія функціи, въ зависимости отъ формъ собственности на орудія и средства производства. Изъ этого также слѣдуетъ, что каждый общественный классъ имѣетъ собственную, специальную форму дохода, въ свою очередь обуславливающую однородность интересовъ всѣхъ членовъ класса.

Моральная или идеологическая основа – заключается въ томъ, что всѣ члены класса должны имѣть сознание однородности и общности ихъ интересовъ, т.-е. классовое самосознание.

Оба эти элемента – экономическій и моральный равно необходимы для построения понятія класса. Въ полемическомъ сочиненіи противъ Прудона «Нищета философіи» Марксъ писалъ: «Господство капитала создало для массы работниковъ общее положеніе, общіе интересы. И эта масса есть уже классъ по отношенію къ капиталу, но еще не по отношенію къ самой себѣ... Въ борьбѣ... эта масса объединяется, она становится классомъ для самой себя. Интересы, которые она защищаетъ, становятся интересами класса».

Современное опредѣленіе общественнаго класса представляетъ лишь углубленное пониманіе первоначальной формулы Маркса.

Еще въ 1875 г. Готская программа, желая подчеркнуть обособленное положеніе рабочаго класса, въ четвертомъ пунктѣ 1-ой части заявляла: «освобожденіе труда должно быть дѣломъ рабочаго класса, по отношенію къ которому всѣ остальные классы представляютъ лишь реакціонную массу». Такимъ образомъ, здѣсь для развитога классоваго самосознанія предполагается необходимымъ не только наличность сознанія общности интересовъ членовъ данной группы, но и сознание враждебности этихъ интересовъ интересамъ другихъ общественныхъ группъ: «Общественные классы – пишетъ Каутскій – образуются не только общностью источниковъ дохода, но также и вытекающей изъ нея общностью интересовъ и общностью противоположности своихъ интересовъ интересамъ другихъ классовъ».

Несмотря, однако, на всѣ эти опредѣленія, значеніе моральнаго момента въ образованіи класса долгое время оставалось непонятнымъ даже въ марксистскомъ лагерѣ.

Этотъ моментъ съ несравненной яркостью начинаетъ говорить, какъ мы видѣли уже выше, въ революціонномъ синдикализмѣ.

Синдикализмъ исходитъ изъ непримиримаго отношенія къ современной хозяйственной системѣ.

«Необходимо покончить – пишетъ Пуже – съ чудовищной системой распредѣленія, при которой почти все достается господствующему праздному, эксплуатирующему меньшинству и очень мало, почти ничего, большинству, создавшему всѣ богатства».

И синдикализмъ полагаетъ, что классовое движеніе тѣмъ болѣе выиграетъ, чѣмъ ярче обнаружится антагонизмъ между враждебными классами, чѣмъ полнѣе будетъ разрывъ между ними. Онъ не знаетъ ни перемирій, ни соглашеній. «Борьба должна вестись каждый день»... – пишетъ Грифюзль. «Революція – говоритъ Пуже – есть постоянное дѣйствіе, повседневная борьба, безъ отдыха и безъ перемирія противъ всѣхъ силъ тиранніи и эксплуатаціи».

И классовыя учрежденія синдикализма являются дѣйствительнымъ воплощеніемъ его революціоннаго духа.

Основной ячейкой синдикальной организаціи является синдикатъ – органъ классоваго воспитанія и классовой пропаганды. Задачи взаимопомощи, въ отличіе отъ англійскихъ, нѣмецкихъ и пр. профессиональных союзовъ, въ синдикатѣ отступаютъ на второй планъ. Этотъ боевой духъ синдикализма нашель превосходное выраженіе въ нормальномъ уставѣ синдиката. «Принимая во вниманіе – гласитъ онъ – что... современный строй промышленности... создаетъ постоянный антагонизмъ между капиталомъ и трудомъ, что... вслѣдствіе этого, лицомъ къ лицу стоятъ два резко различающихся и

Анархизм. Алексей Алексеевич Боровой filosoff.org
непримиримых класса, по всем этим основаниям пролетариат должен поставить своей задачей осуществление формулы Интернационала: «Освобождение рабочих может быть делом только самих рабочих»...: принимая во внимание, что для достижения этой цели синдикат есть самый лучший вид группировки, так как он осуществляет группировку интересов, объединяя эксплуатируемых против общего врага, капиталиста, и тем самым объединяет в себя всех производителей, каковы бы ни были их философские, политические и религиозные понятия и убеждения»... и т. д.

И высший орган классовой воли синдикализма – Конфедерация также осуществляет «полный разрыв между современным обществом и рабочим классом».

В современной литературе о революционном синдикализме, у теоретиков, сочувствующих этой форме пролетарского движения, мы находим обстоятельные исследования о природе общественного класса.

Лагарделль в любопытном этюде об «общественном классе и политической партии» останавливается на самых условиях зарождения моральной базы класса: «Класс не только продукт экономики, но также истории... Одна необходимость не могла бы сдаться ничего без воли. Или точнее: коллективная воля есть элемент исторической необходимости в такой мере, что с этой точки зрения можно утверждать, что классы являются своими собственными творцами и изучение классовой борьбы сводится к изучению образования коллективной воли».

И Лагарделль цитирует страничку из сочинения Прудона «О политической зрелости рабочего класса», превосходно рисуя этот процесс образования коллективной воли: «Для того – писал Прудон – чтобы личность, корпорация или общество могли достигнуть политической зрелости, требуется три основных условия: 1) субъект должен сознавать себя, свое достоинство, свою ценность, знать место, занимаемое им в обществе, роль, которую он исполняет, работу, на которую он имеет право рассчитывать, наконец, интересы, которые он представляет или олицетворяет, 2) в результате такого сознания себя и своих сил, субъект должен обладать своей идеей, т.е. он должен уметь представить в понятиях, выразить словами, объяснить посредством разума закон своего бытия в его принцип и со всеми вытекающими из него требованиями 3) наконец, из этой идеи, провозглашенной символом веры, он всегда должен уметь извлечь практические выводы, смотря по обстоятельствам и потребностям момента».

Условия, необходимые для образования класса, реализуются, таким образом, постепенно в процессе борьбы. Они – продукт долгой и трудной эволюции. Но все сформировавшиеся общественные классы прошли эти обязательные стадии: 1) отделение социальной группы от других, благодаря первоначальному, неосознанному еще инстинкту классового интереса, 2) прогрессивного пробуждения классового самосознания, 3) организации группы в целях обороны и нападения.

классовая борьба есть не только разрушительный, но и величайший творческий фактор истории.

классовая борьба вырабатывает общественное сознание, сплачивает в могучее тело слабых, разрозненные группировки, стимулирует коллективную и индивидуальную деятельность, будит энтузиазм, творческую энергию, героизм. Разрушая старые учреждения, классовая борьба тклет новые социальные нити, строит новое общество, новое право, новый порядок, в котором каждый будет уметь свободно утверждать свою творческую волю.

Тем, кто, подобно Г. Ганото или Е. Эйхталю, утверждают, что классовый дух есть только разрушительный дух и таковым только обнаружил себя и в истории – делают величайшую передержку. Из вышеизложенного должно быть ясно, что классовое самосознание – величайший архитектор современной истории. Именно он раскрыл глаза, родил надежды, дал, наконец, прочную и ясную уверенность, что в классовых организациях закладывается фундамент нового порядка, не знающего социальных антагонизмов.

Еще Маркс говорил в «Нищете философии»: «...Освобождение рабочего класса есть упразднение классов, как освобождение третьего сословия было упразднением всех других сословий. Рабочий класс в процессе своего

Анархизм. Алексей Алексеевич Боровой filosoff.org
розвиття преобразуеть старое гражданское общество въ общество, не знающее классовъ и ихъ антагонизмовъ...»

И въ наше время н?ть силъ, способныхъ противостоятъ творческой энергїи общественнаго класса. Она становится бол?е мощнымъ факторомъ исторїи, ч?мъ «естественные», «стихийные», «вышїе» законы общественнаго развиття или меланхолическіе призывы къ «солидарности». Правъ – теоретикъ французскаго синдикализма Эд. Бертъ, что «...катастрофа (соціальная революція) не есть бол?е... механической продуктъ капиталистическаго фатума, приносящаго рабочимъ въ подарокъ революцію. Она – абсолютно свободный актъ мощно организованнаго и совершенно сознательнаго рабочаго класса!»... И современный мїръ готовится къ грандіозной будущей коллизїи[29].

Жизнь изд?вается надъ слащавыми попытками въ стил? Леона Буржуа – изобразить капиталистическое общество, какъ большую семью. Увы! семья распалась, и ничто бол?е не въ силахъ соединить ее. Общественные классы становятся все бол?е антагонистичными; въ каждомъ класс? сознательно и бессознательно совершается отборъ, выдвигается на первый планъ – все наибол?е непримиримое, наибол?е боевое.

Въ исторїи капиталистической классъ сыгралъ и продолжаетъ еще играть огромную организующую и цивилизующую роль. Капитализмъ въ процесс? развиття создаетъ матеріальныя предпосылки будущаго общества. Капитализмъ въ его завершенныхъ формахъ – есть апо?еозъ техно-экономической логики.

Соотв?тственно этимъ матеріальнымъ усп?хамъ, совершенствуется и классовое оружіе буржуазїи, борцы закаляются. Французскїй экономистъ Жидъ далъ превосходную характеристику современнаго представителя капиталистическаго класса: «Предприниматель... въ настоящее время ведетъ борьбу на два фронта: онъ борется съ рабочими и государствомъ, съ забастовщиками и ихъ жожаками, съ одной стороны, съ рабочимъ законодательствомъ и фабричной инспекціей, съ другой... Такая д?ятельность – не подъ силу «маменькинымъ сынкамъ». Потому люди, перелагающїе бремя веденїя отцовскихъ предпрїятїй на плечи управляющаго – становятся все бол?е р?дки. Они предпочитаютъ трусливо ликвидировать д?ла и жить рентой. Такъ въ патронат? совершается отборъ, выталкивающїй паразитовъ и зам?щающїй ихъ боевиками...»

Но дни «индивидуальнаго» предпринимателя, какъ изображаетъ его Жидъ, сочтены. Личности пожираются чудовищными коллективными организмами, анонимами, не знающими ни жалости, ни угрызений сов?сти, неумолимо проводящими свою политику и беспощадно пресл?дующими соратниковъ за мал?йшую изм?ну чувству товарищеской солидарности. «..Картельный магнатъ – пишетъ Гильфердингъ – чувствуетъ себя господиномъ производства... Картельный магнатъ не испытываетъ – никакихъ угрызений сов?сти... Но тягчайшее преступленїе съ точки зр?нїя ихъ этики – нарушенїе солидарности, свободная конкуренція, выходъ изъ братства, поставившаго ц?лью монопольную прибыль. Общественное презр?нїе и уничтоженїе въ экономическомъ смысл? – подобающая кара за такїя преступленїя...»

Мы знаемъ уже, какихъ одушевленныхъ и непримиримыхъ противниковъ боевому патронату готовятъ, въ свою очередь, новыя синдикальныя формы рабочаго класса. И къ зр?лымъ пролетарскимъ слоямъ примыкають вс? т?, кого развитїе капиталистическаго строя ставитъ въ антагонистическое отношенїе къ капиталу.

Вс?мъ обществомъ влад?етъ неукротимый духъ самоорганизациї Это – тотъ процессъ, о которомъ осторожный и вдумчивый юристъ писалъ: «...Современное общество охвачено непрерывнымъ процессомъ самоорганизациї. Разнообразн?йшіе челов?ческіе интересы, которымъ напрасно пытаются дать удовлетворенїе при помощи парламентовъ, объединяются въ ц?ломъ ряд? группъ, перекрещивающихся между собой на каждомъ шагу... Право образованїя союзовъ – сд?лалось могучимъ средствомъ организациї гражданскихъ обществъ... Въ этихъ союзахъ идея представительства находитъ себ? гораздо бол?е правильное выраженїе, ч?мъ въ существующихъ центральныхъ парламентахъ, потому–что союзные органы, въ противоположность неосуществимой иде? выраженїя въ единомъ представительств? всей совокупности интересовъ ц?лаго народа, им?ють задачей служить только бол?е или мен?е ограниченному кругу интересовъ членовъ даннаго союза...» (Еллинекъ).

Подведемъ итоги.

Современное политическое общество, современная демократия строится по абстрактному понятию «гражданина», современное экономическое, классовое общество отправляется от факта эмпирического производителя. Класс – по верному определению Лагарделля – есть орган экономического общества, партия – орган политического общества.

Класс рождается в реальной жизненной борьбе. Вне борьбы образование класса – невозможно. Борьба есть изначальный эмпирический факт, от которого отправляется классовое сознание и которым обуславливается классовая тактика.

Партия есть искусственно созданный орган приспособления к демократическому обществу. Если для принадлежности к классу требуется участие в его эмпирической борьбе, для принадлежности к партии требуется принятие определенной программы – социологического прогноза, в основе своей, несомненно, добытого из наблюдений над «движением», «классом», «средой» и пр., но дополненного, усовершенствованного в процесс развития самой партии. Рост политического значения партии есть в то же время неуклонный отход ее от той изначальной точки, когда партия воспроизводила точно классовую волю. И в жизни партии всегда наступает момент, когда она обнаруживает претензию поставить свою волю над волей класса.

Итак, основными элементами, слагающими характеристику классовой организации являются:

- a) Жизненность, непосредственное выражение действительной воли самого борющегося класса.
- в) Подлинность этого выражения, так как идеология, вырабатываемая в классовой организации под непосредственным впечатлением повседневного классового опыта, адекватна идеологии самого класса.
- с) Последовательность, ибо здесь каждый поступательный шаг диктуется предшествующим положением класса, а не является пробой теоретизирующего ума.
- d) Революционность, ибо класс, отрицающий, по самому существу своему, компромиссы, находит в своей организации послушный инструмент для осуществления своей революционной воли.
- e) Ответственность, ибо класс непосредственно наблюдает за деятельностью своего исполнительного органа и видоизменяет его в зависимости от правильности принятого им курса.
- f) Творческий дух, проникающий классовую организацию, ибо каждый шаг класса есть действительно нечто новое, вносящее изменения в установившиеся соотношения.

Основными элементами, слагающими характеристику партийной организации являются:

- a) Отвлеченность, ибо партийная организация, по мере роста ее зрелости, все далее отходит от «движения», стремясь подчинить его своим универсальным схемам.
- в) Фальсификаторство, ибо, отрываясь от «движения», она исправляет, дополняет, извращает подлинную классовую волю.
- с) Непоследовательность, ибо партийная политика, не имея эмпирической основы, строится на «изобретениях», счастливых «выдумках» или компромиссах противоборствующих партий.
- d) Компромиссность, ибо задача партии найти равнодействующую между антагонистическими требованиями различных классов.
- e) Безответственность, ибо ответственность партийных вождей, в конечном счете, есть отвратительная перед классом, а перед партией и сводится к критике их в партийной печати, к турнирам на конгрессах, где красноречие или искусно подобранное «большинство» могут легко спасти «недодумавшего» или «передумавшего» товарища.

f) Доктринерство, ибо партийная организация бол?е или мен?е искусно приспособляет или развивает то, что создано непосредственно самим классом – д?ятельность не творческая, а паразитическая.

В частности для пролетарского движения должны быть сделаны еще следующие оговорки:

А) Марксизм и выросшая из него социалистическая партия в своих построениях исходят из наблюдений над первоначальной капиталистической фабрикой с деспециализованным рабочим, низведенным до роли живого «орудия производства». Фабрика была своеобразным микрокосмом, в котором воля непосредственного производителя была подчинена хозяйской вол?, гд? от рабочего требовалось только сл?пое подчинение. Современное предприятие, благодаря повышенным техническим условиям производства, предъявляет к рабочему требование интеллигентности. Чернорабочий должен был уступить м?сто квалифицированному и экстраквалифицированному рабочему. От рабочего требуют – сознательности, инициативы, активности, гибкости и быстроты в р?шеніи предлагаемых ему технических проблем. Современный рабочий находится под двойным влиянием: технического прогресса и роста классового самосознания. В зависимости от этих коренных изменений в самом трудовом центре – производителе, должен идти и уже идет коренной пересмотр и взаимоотношений между классом и партией. Политическая рабочая партия, корректировавшая, в известном смысле, первые, робкие шаги малосознательных рабочих, становится лишней и тяжелой опекой с ростом учрежденной созр?вшего класса.

В) Защитники партийной организации пролетариата, возражая против упреков партии в ее гегемонических и бюрократических стремлениях; указывают, что классовые организации также знают иерархию.

В любопытной полемик? Туринского проф. Роберта Михельса с Лагарделлем Михельс указывал, что всякая «демократическая организация – фатально обречена стать монархической, т.-е. разбиться на вождей и ведомых, на управителей и управляемых... Этому закону аристократического отбора подлечь одинаково и все? социалистическая и революционная организации». Конечно – продолжает Михельс – в синдикализме, наподобие, опасности такого отбора меньше, ч?м в партийной организации, благодаря пролетарскому происхождению членов. Но... отбор совершается и здесь, вырабатывая постепенно «идеологию» и «психологию» вождя. И здесь неизбежен процесс «депролетаризации». «Всякая боевая организация – кончает Михельс – несет в себе зародыш монархического начала и зародыш этот развивается по м?р? развития функций и органов самой организации».

Михельс – прав. Общие психологические законы любой человеческой организации – остаются неизменными.

Но... есть разница в «психологии» вождя, вышедшего из рядов класса, которому он служит, и психологией вождя, не бывшего никогда членом той общественной группы, которую он представляет.

Первый – проникнуть сквозь т?мь специфическим «бытом», в котором он родился и в котором жил творческой жизнью, ибо только творец становится вождем в человеческой группе. Второй – в лучшем случае – стремится понять психологию и обстановку класса, который всеми подробностями своего «быта» остается ему чуждым, непонятным, нер?дко именно в своих «бытовых» условиях даже и враждебным. «Психология» такого вождя – продукт или умственных спекуляций, приводящих к «сочувствию», «приживальчеству» и пр. или плод холодного расчета, искания карьеры.

Есть также разница в самом положении вождя. В классовой организации «вождь» есть воистину первый среди равных. В ней н?тъ и не может быть людей провиденциальных – пророков и апостолов. Вождь, ведущий политику вразр?з с интересами организации, немедленно устраняется. В партийной организации вождь есть действительный шеф, начальник с бонапартистскими замашками, глубоко презирающий «классовую» шумиху и р?зко отд?ляющий «свои» планы от наивных и «ненаучных» намерений самого пролетариата. Подобному вождю не страшны классовые бури. Партийный жезл утишит волны.

С) Было-бы неправильным отрицать всякое значение за социалистической партией в парламенте?. В отдельных случаях политическая партия

Анархизм. Алексей Алексеевич Боровой filosoff.org
пролетариата может содействовать его намерениям и облегчать его путь. Но для этого необходимо, чтобы социалистическая партия отказалась от гегемонических претензий и согласилась на более скромную, но более плодотворную роль – быть точной, последовательной истолковательницей подлинных требований класса.

Лагарделль хорошо выразил эту мысль: «...Роль партии состоит в объявлении народной воли с трибуны...» Она должна удовлетворяться ролью докладчика рабочих требований».

Класс может жить без партийной организации. Партия, образовавшаяся из «сочувствующих» и жаждущих «прийти на помощь», должна руководиться тем, что представляется целесообразным классу, а не тем, что могло бы служить ее собственному честолюбию.

Глава VII. Анархизм и право.

В научной критической литературе, посвященной анархизму до настоящего времени пользуется прочным кредитом убеждение, что анархизм, категорически отрицающий современное государство и современное право, столь же категорически отрицает «право» вообще и в условиях будущего анархического строя.

Убеждение это, являющееся совершенным недоразумением, поддерживается следующими причинами.

1) Методологической невыясненностью самой проблемы о праве и государствах в анархическом учении.

2) Разнородностью определений права и государства у анархистов и их критиков.

3) Голословными и непродуманными заявлениями отдельных adeптов анархизма. Одни в безбрежной социологической наивности убеждены, что «анархия» – означает в буквальном смысле слова отсутствие какого либо правового регулирования – полное «безначалие». Другие постулируют чудо внезапного и всеобщего преобразования людей под влиянием знакомства с анархическим идеалом. Внезапного потому, что самый «осторожный» анархист, в роде Корнелиссена, не мечтает о подготовке всерьез, без исключения, к будущему анархическому строю. Третьи, наконец, – таковыми были когда-то авторы этих строк – мечтают о возможности, благодаря техническому прогрессу, создать условия внесоциального существования и тем избжать ограничивающего влияния «права».

4) Общей предубежденностью, а часто и совершенной невежественностью критики, не дающей себя труда всесторонне и объективно ознакомиться хотя-бы с наиболее выдающимися течениями анархистской мысли.

5) Наконец, нарочитой тенденциозностью, густо окрашивающей, напр., еще со времени Энгельса, всю «социалистическую» критику [30].

В образцовом – во многих отношениях – изложении анархических учений Эльцбахера мы находим между прочим, следующие строки: «утверждают, что анархизм отвергает право, правовое принуждение. – Если бы это было так, то учения Прудона, Бакунина, Кропоткина, Тэкера и многие другие учения, признаваемые за анархистские, нельзя было бы считать анархистскими... Говорят, что анархизм требует уничтожения государства, что он хочет стереть его с лица земли, что он не желает государства ни в какой форме, что он не желает никакого правления. – Если бы это было верно, то учения Бакунина, Кропоткина и все эти учения, которые признаются анархистскими и не требуют уничтожения государства, но только предвидят его, нельзя было бы считать анархистскими... Единственный общий признак анархических учений состоит в отрицании государства для нашего будущего. У Годвина, Прудона, Штирнера и Тэкера это отрицание имеет тот смысл, что они отвергают государство безусловно, а потому и для нашего будущего. Толстой отвергает государство не безусловно, но лишь для нашего будущего; наконец, у Бакунина и Кропоткина отрицание государства имеет тот смысл, что они предвидят, что в прогрессивном развитии человечества государство в будущем исчезнет».

Ничего нельзя возразить против этих утверждений – сухих, формальных, но

Анархизм. Алексей Алексеевич Боровой filosoff.org
обоснованных обширных непредубежденным исследованием.

Наоборот, и теоретическое рассуждение и изучение возр?ной самих
анархистов? вполне подтверждают заключения Эльцбахера.

Интересующая нас проблема обычно ставится так: найти условия
существования такого общества, гд? ничто – ни в учреждениях, ни в
нравах – не ограничивало бы воли личности, гд? каждый был бы автономен,
гд? законодателем, регулятором поведения была бы личная, а не
коллективная воля в любом ее выражении.

Анархизму предлагается задача – найти такой общественный строй, «в
котором не будет больше никаких начальников, не будет официальных
блюстителей нравственности, не будет ни тюремщиков, ни палачей, ни
богатых, ни бедных, а только люди, равные между собой в правах, –
братья, имеющие каждый свою ежедневную долю хлеба насущного и живущие в
любви и согласии не в силу пресловутого повиновения законам,
сопровождаемого страшными наказаниями для ослушников, а в силу всеобщего
уважения интересов друг друга, в силу научного следования законам природы».
(Реклю. Анархия).

Как же анархизм решает подобную проблему?

Протесты против «государства», против «права государства», против
«права, основанного на законе?» и пр. начались давно.

Съ «??? ?? ??????????????» (берегись оцезариться) Марка Аврелия, в
разнообразных от?нках проходят они через политическую литературу вс?х
времен. У Гердера они отлились в настоящие анархические перлы. «Миллионы
людей живут на земном шаре без государства и тот, кто хочет быть
счастливым в искусственном государстве, должен его искать там же, гд?
дикарь; искать здоровья, душевных сил, благополучия своего дома и сердца
не в услугах государства, но в себе?».

Социологи показали в своих исследованиях, что государство не является
первоначальной формой человеческого общежития, что народы начинают свою
историческую жизнь с «безгосударственного» состояния. Государство является
продуктом сложной культуры, от?том на разнообразные запросы постепенно
дифференцирующегося общества, одновременно и плодом завоевания и
результатом постепенно вырастающего сознания о выгоды и даже
нравственности связи, солидарности между разрозненными членами хаотического
ц?лага.

Социологи и политики показали нам картину постепенного роста государства,
захвата им? т?х функций, которые первоначально принадлежали общественным
организациям м?стного характера. И, если н?которые из этих функций,
независимо от их природы, технически выполнялись государством с
большим совершенством, то многие функции исполнялись им
неудовлетворительно и притом с постоянным нарушением основных прав
личности. Ч?м дал?е, т?м бол?е должно было претить это государственное
всемогущество развитому чувству личного правосознания.

Этот процесс государственной гипертрофии и в противов?с разложения идеи
«государственности» превосходно охарактеризован Дюркгеймом:
«..Государственная власть... стремилась поглотить в себя вс? формы
деятельности, носившая социальный характер, и в? ее осталась лишь пыль
людская. Но тогда ей пришлось взять на себя огромное число функций, для
которых она не годилась и которые плохо исполняла. Много раз уже было
замечено, что ее страсть все захватывать равна только ее бессилию. Только
бол?зненно перенапрягая свои силы, сум?ла она распространиться на вс? т?
явления, которые от не? ускользают и которыми она может овлад?ть, лишь
насилуя их. Отсюда расточение сил, в котором ее упрекают и которое
действительно не соответствует полученным результатам. С? другой
стороны, частные лица не подчинены бол?е никакому другому коллективу, кром?
нея, так как она единственная организованная коллективность. Только
через посредство государства они чувствуют общество и свою зависимость
от него. Но государство далеко стоит от них и не может оказывать на
них близкого и непрерывного влияния. В их общественном чувстве н?тъ
поэтому ни посл?довательности, ни достаточной энергии. В течение большей
части их жизни вокруг них н?тъ ничего, что оторвало бы их от них
самих и наложило бы на них узду. При таких условиях, они неизбежно

Анархизм. Алексей Алексеевич Боровой filosoff.org
погружаются въ эгоизмъ или въ анархію».

Да, именно на этой почвѣ – стремленія государства поглотить личность, сковать ея волю и акты своими санкціями – вырастаетъ бунтъ анархизма.

Но есть-ли этотъ бунтъ – бунтъ противъ «права» вообще? Думаетъ-ли анархизмъ, отвергнувъ государство, ничѣмъ его не замѣнить, предоставивъ распыленнымъ «индивидамъ» устраиваться, какъ имъ угодно?

Правда, проблемы права, принужденія въ анархическихъ условіяхъ общежитія, трактуются вообще анархистами неясно. Многіе, какъ мы сказали выше, постулируютъ прямое чудо – вѣру въ чудесное и совершенное преображеніе человѣческой природы, болѣе не нуждающейся въ «слишкомъ человѣческомъ» правѣ. Одни при этомъ вѣрятъ въ волшебную силу эгоизма, другіе въ солидарность, третьи возлагаютъ всѣ надежды на силу общественнаго мнѣнія, четвертые на умственный и нравственный прогрессъ личности, пятые, наконецъ, вѣрятъ даже въ особую природу «новаго человѣка», въ которой исчезаетъ все «дурное» съ гибелью собственности и государства.

Но, несмотря ни на какія чудеса, анархизмъ вообще, а коммунистическій, являющійся разновидностью либертарнаго социализма, въ особенности, прежде всего признаетъ – «организацію».

Онъ только строить ее не на началахъ классового господства, какъ строить капиталистическій режимъ, но на началахъ солидарности, взаимопомощи. Но самый принципъ «организаціи» не отрицается никѣмъ изъ современныхъ анархистовъ.

«Анархія – говоритъ де-Папъ – есть замѣна политики социальной экономіей, правительственной организаціи, организаціей промышленной». Мерлино думаетъ, что «въ организаціи – душа, сущность анархіи». Испанскіе рабочіе заявляютъ въ манифестѣ: «самой крупной обязанностью анархіи является соотвѣтствующая организація администраціи»[31].

Такимъ образомъ, необходимость экономической организаціи, хотя-бы и мѣстнаго характера, долженствующей смѣнить дѣйствующій сейчасъ государственный политическій аппаратъ, не оспаривается вовсе анархизмомъ.

Менѣе ясной представляется – проблема организаціи правосудія въ будущихъ анархическихъ условіяхъ общежитія. Здѣсь въ разсужденіяхъ анархистовъ мы найдемъ и полную голословность утвержденій, и вопіющія противорѣчія.

Нечего и говорить, что цѣлыя категоріи современныхъ «преступленій» должны исчезнуть съ устраненіемъ принудительнаго государства со всѣми его органами, бюрократіей и полиціей. Подавляющее большинство коммунистическихъ анархистовъ вѣрятъ также въ глубокое измѣненіе человѣческой природы подъ вліяніемъ уничтоженія частной собственности[32]. Что современный строй съ его исправительными и карательными институтами порождаетъ самъ преступленія и преступниковъ – это, разумѣется, не требуетъ особыхъ доказательствъ. Однако, отсюда еще очень далеко до представленій, что немедленно по вступленіи въ анархическія условія существованія – исчезнутъ всѣ антисоціальныя инстинкты, исчезнутъ мотивы ко всякому преступленію.

Если бы мы даже согласились съ тѣмъ, что утверждаютъ нѣкоторые анархисты, что преступленіе въ подлинно свободномъ обществѣ было бы только свидѣтельствомъ «вырожденія» преступника, т.-е. состоянія не подлежащаго вмѣненію, то, для установленія подобныхъ заключеній, необходимы, по меньшей мѣрѣ, годы анархической практики, чтобы человѣкъ былъ воспитанъ уже въ «новыхъ» условіяхъ. Но вѣрить въ мгновенное перерожденіе человѣка, измѣненіе всей его психической природы только съ устраненіемъ государства и наступленіемъ всеобщей сытости едва-ли мыслимо.

Лавровъ, разсуждая объ этой вѣрѣ въ исчезновеніе «преступленій» подъ вліяніемъ расцвѣта альтруизма, основательно замѣтилъ: «Это, конечно, весьма возможно и вѣроятно, даже если дѣло идетъ лишь о значительномъ уменьшеніи «преступленій противъ личности», совершаемыхъ подъ вліяніемъ страсти – почти неизбѣжно. Но современное состояніе психологіи все-таки не позволяетъ поставить вполнѣ достовѣрное предсказаніе о роли аффектовъ и страстей въ будущемъ обществѣ, такъ какъ до сихъ поръ мы имѣемъ крайне недостаточное число фактовъ для опредѣленія измѣненія силы и направленія аффектовъ въ личностяхъ подъ вліяніемъ измѣненія характера общественной среды и подъ

Анархизм. Алексей Алексеевич Боровой filosoff.org
влиянием воспитания. Среда, в которой развивались личности, была до сих пор наполнена вредными влияниями, и воспитание было настолько подвержено случайностям в своей практик?, что «о степени влияния бол?е здоровой среды и бол?е правильного воспитания можно только догадываться». («Государственный элемент в будущем обществ?»).

Лавров в?рять в? огромную роль общественного мн?нія в будущем обществ?, и все-же, хотя и в? очень туманных чертах?, говорит об? организаци? «возмездя?».

«Будущее общество не будет нуждаться в? специальной полици?, охраняющей личную безопасность, потому что вс? будут охранять ее. Столь же мало, в? подобных случаях?, может понадобиться, специальный суд?, если преступление было совершено в? порыв? непоб?димой страсти и вызвало негодование общественного мн?нія, которое есть и мн?ние самого преступника в? трезвомъ состоянii, то он? наказан? и собственнымъ осужденiемъ и сознаниемъ, что его осудили вс? окружающiе, съ которыми он? былъ связанъ тысячь разнообразныхъ нитей, кооперацiй. Надо думать, что в? огромномъ большинств? подобныхъ случаевъ – совершенно исключительныхъ, какъ я уже говорилъ – эта кара будетъ настолько тяжела, что побудитъ преступника или зажит? свой проступокъ вс?ми силами, или даже выселиться изъ общества, в? которомъ изв?стенъ... его проступокъ. В? меньшинств? бол?е серьезныхъ случаевъ, при бол?е упорной натуре преступника, он? можетъ подлежать приговору, не какихъ-нибудь специальныхъ судовъ, но общихъ собранiй т?хъ самыхъ группъ, в? которыхъ он? свободно вступитъ для общаго д?ла и для взаимнаго развитiя... Для исполненiя приговора, не нужно никакой принудительной силы: самъ преступникъ исполнитъ его надъ собой, какъ бы он? строгъ ни былъ».

Приведемъ мн?ние еще другого, изв?стнаго своей гуманностью, анархиста – Малатесты: «Во всякомъ случа? и какъ бы тамъ ни понимали это сами анархисты, которые, какъ и вс? теоретики, могутъ потерять изъ виду д?йствительность, гоняясь за кажущейся логичностью, – изв?стно, что народъ никогда не позволитъ безнаказанно посягать на свою свободу и благосостоянiе, и если явится необходимость, он? приметъ м?ры для защиты противъ антисоциальныхъ стремленiй н?сколькихъ. Но, разв? есть для этого нужда в? т?хъ людяхъ, ремесло которыхъ фабрикацiя законовъ? Или в? т?хъ, которые отыскиваютъ и выдумываютъ нарушителей законовъ? Когда народъ д?йствительно отвергаетъ что-нибудь, находя вреднымъ, он? всегда сум?етъ этому воспрепятствовать и притомъ лучше, ч?мъ вс? законодатели, жандармы и судьи по ремеслу. Когда бы народъ пожелалъ, в? пользу или во вредъ остальнымъ заставить уважать частную собственность, он? заставилъ бы уважать ее, какъ не могла бы сд?лать ц?лая армiя жандармовъ» («Анархизм?»).

Ниже мы будемъ еще знакомиться съ воззр?нiями анархистовъ на роль «принужденiя» в? будущемъ обществ?, но и сказаннаго довольно, чтобы вид?ть, что анархизмъ признаетъ – «организацiю», «порядокъ».

Но всякая организацiя есть результатъ соглашенiя, а, сл?довательно, заключаетъ в? себ? изв?стную модификацiю жизни cadaго.

Это уб?дительно было показано однимъ изъ наибол?е солидныхъ и добросов?стныхъ критиковъ анархизма – Штаммлеромъ («Теоретическiя основы анархизма?»).

Штаммлеръ не в?рять в? анархическое «чудо» и отрицаетъ возможность социальнаго существованiя вн? правового регулированiя.

«Мысль о существованii естественной гармонii, какъ законной основы общественной жизни, нев?рна – пишетъ он?. Сама социальная жизнь – «в? д?йствительности вообще им?етъ смыслъ и существуетъ только при предположенii созданныхъ людьми правилъ»; ...«в? любомъ соглашенii между людьми уже находится сама по себ? изв?стная модификацiя и изв?стное регулированiе естественной жизни cadaго отд?льнаго чело?ка».

Посл?днее положенiе – самоочевидно; отрицать ограниченiе частной воли в? соглашенii; значило-бы признать абсурдомъ самое соглашенiе. Какiя ц?ли могло-бы оно пресл?довать, какъ не опред?ленное направленiе личной воли, в? интересахъ достиженiя ц?ли, нам?ченной участниками соглашенiя. Предположенiе, что отд?льный членъ соглашенiя можетъ выйти изъ него в? любой моментъ – недопустимо, ибо этимъ легко можетъ быть разрушено все

Анархизм. Алексей Алексеевич Боровой filosoff.org
д?ло, которому соглашение призвано служить, не говоря уже о неуважении к? достоинству вс?хъ участниковъ соглашения, выразившихъ въ немъ свою свободную волю.

Мы не знаемъ также ни одного члов?ческаго общества (задолго до образования государств?), которое бы не было изв?стнымъ порядкомъ. Совм?стная жизнь требуетъ изв?стныхъ правилъ, но правила эти могутъ быть различны.

Наряду съ юридическими постановленіями въ любомъ члов?ческомъ обществ? д?йствуютъ еще особыя нормы, которыя Штамплеръ называетъ «конвенціональными правилами». Эти нормы – «въ правилахъ приличія и нравственности, въ требованіяхъ этикета, въ формахъ общественныхъ отношеній, въ бол?е узкомъ смысл? слова, въ мод? и во многихъ вн?шнихъ обычаяхъ, равно какъ въ кодекс? рыцарской чести». Реальная сила конвенціональныхъ правилъ можетъ быть значительн?е силы юридическихъ предписаній. Повиновеніе имъ нер?дко заставляетъ члена обществ? вступить въ конфликтъ съ закономъ. Коренное, внутреннее отличіе конвенціональнаго правила отъ юридическаго предписанія заключается въ томъ, что первое им?еть значеніе – «исключительно всл?дствіе согласія, подчиняющагося ему лица, – согласія, быть-можетъ, молчаливаго, какъ это большей частью им?еть м?сто въ общественной жизни, но всегда всл?дствіе особаго согласія».

Вотъ это право, право, какъ совокупность конвенціональныхъ правилъ, обусловленныхъ согласіемъ подчиняющихся имъ лицъ, и есть собственно анархистическое право. И это право, какъ мы увидимъ ниже, не отрицается ни однимъ изъ наибол?е выдающихся представителей анархистской мысли. Ибо ни самое существованіе общественной организаціи, ни ея техническій прогрессъ – невозможны безъ опред?леннаго регулированія общественныхъ отношеній.

Разум?ется, это право, вовсе не обезпечиваетъ вс?мъ и каждому «неограниченной» свободы.

Во первыхъ, какъ это было указано Штамплеромъ-же, правомъ, какъ совокупностью конвенціональныхъ нормъ, въ общественной организаціи анархистовъ не предусматриваются т?, которые не обладаютъ фактической способностью – вступать въ договорныя отношенія. Таковы вс? нед?еспособныя лица: д?ти, тѣжко-больные, страдающіе безуміемъ, дряхлые старики и пр. Очевидно, что ихъ жизнь регулируется изв?стными правилами, установленными вн? ихъ согласія.

Съ другой стороны, совершенно ясно, что конвенціональныя правила заключаютъ въ себ? значительную дозу косвеннаго понужденія до того, какъ на нихъ получено согласіе присоединяющагося. Проблема состоитъ не въ томъ – можетъ ли уклониться личность, принадлежащая к? опред?ленному союзу, отъ принятыхъ посл?днимъ конвенціональныхъ нормъ или н?тъ, но въ томъ – можетъ-ли личность уклоняться отъ участія въ союз?, нормы согласія котораго противор?чатъ его свободному сознанію. Логически проблема разр?шается весьма просто – личность уйдетъ изъ союза, но практически, надо полагать, будутъ случаи, когда уйти будетъ некуда, и личность должна будетъ согласиться на изв?стныя самоограниченія.

Посл? б?глаго теоретическаго обзора познакомимся непосредственно съ воззр?ніями отд?льныхъ наибол?е выдающихся представителей анархистской мысли на роль права и государства въ будущемъ обществ?.

I) Годвинъ, какъ выражается Эльцбахеръ, отрицаетъ право – «вполн? и всец?ло». Онъ отм?чаетъ его – чрезм?рность, хаотичность, неопред?ленность, отсутствіе индивидуализаціи, претензіи на пророчество. Столь-же категорически отрицаетъ Годвинъ и государство, называя всякое правительство, независимо отъ его формы, тиранніей и зломъ.

Однако, Годвинъ говоритъ объ общин?, какъ организаціи «совм?стнаго разсмотр?нія всеобщаго блага» и объ обязательств? подчиненія отд?льной личности вел?ніямъ общины. Предвидя возможность «несправедливостей», чинимыхъ отд?льными членами общины, Годвинъ поручаетъ борьбу съ ними «судамъ присяжныхъ», которые р?шаютъ – исправлять преступника или изгнать его.

Наконецъ, Годвинъ предвидитъ возможность созыва въ исключительныхъ случаяхъ особыхъ національныхъ собраній – для улаживанія споровъ между общинами и

Анархизм. Алексей Алексеевич Боровой filosoff.org
изысканія средствъ защиты отъ непріятельскихъ нападеній. Впрочемъ, Годвинъ чисто рационалистически уповаетъ, что практика всѣхъ этихъ новыхъ учреждений будетъ далека отъ практики существующихъ учреждений. Такъ – право, усердно изгоняемое, тѣмъ не менѣе просачивается и въ новыя – анархическія формы общиннаго устройства.

II) Ученіе Прудона, несмотря на многочисленныя частныя противорѣчія, вытекающія изъ основной антиноміи, лежащей въ основѣ всѣхъ Прудоновскихъ построеній – антиноміи между требованіями абсолютной свободы личности и полного соціального равенства всѣхъ членовъ общегитія, въ его цѣломъ – за право и даже за государство.

Правда, Прудонъ требуетъ отмены всѣхъ правовыхъ нормъ современнаго государства, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ утверждаетъ всеобщее и принудительное значеніе правовой нормы, предписывающей соблюденіе и выполненіе общественнаго договора, на которомъ онъ строить новую общественность. Отказъ отъ выполненія договора или нарушеніе его можетъ вызвать противъ нарушителя страшныя репрессіи до изгнанія и смертной казни включительно.

На такое-же радикальное противорѣчіе наталкиваемся мы и въ ученіи Прудона о централизаціи и государствѣ. Какъ бы мы ни называли проектируемый Прудономъ строй, который долженъ утвердиться на мѣстѣ упраздненнаго буржуазнаго государства – «анархіей» или «федерализмомъ», онъ, несомнѣнно, носитъ въ себѣ всѣ черты «государственности». Самое понятіе – «анархія» – употребляется Прудономъ въ двоякомъ смыслѣ. Въ однихъ случаяхъ, анархія есть идеаль, представленіе объ абсолютно безвластномъ обществѣ. Реально такое общество – невозможно, ибо необходимость соблюденія договора предполагаетъ наличность принужденія. Въ другихъ случаяхъ – анархія есть только своеобразная форма политической организаціи, характеризующаяся преобладаніемъ началъ автономіи и самоуправленія надъ началомъ государственной централизаціи. Однако, компромиссы и поправки идутъ у Прудона еще далѣе. Если въ «Confessions» онъ разрабатываетъ сложную систему общественности на началахъ централизаціи, то въ «Principe Federatif» онъ уже опредѣленно признаетъ, что «анархія» въ чистомъ видѣ, какъ абсолютное безвластіе, неосуществима и что реальное рѣшеніе политической проблемы лежитъ въ реализаціи «федерализма», какъ дѣйствительнаго, жизненнаго компромисса между анархіей и демократіей.

III) Никто не написалъ болѣе краснорѣчивыхъ и пламенныхъ филиппикъ противъ государства, чѣмъ Бакунинъ.

Государство – для Бакунина вездѣ и всегда зло. Оно – не общество, а его «историческая форма, столь же грубая, какъ и абстрактная. Оно исторически родилось во всѣхъ странахъ, какъ плодъ брачнаго союза насилія, грабежа и опустошенія, однимъ словомъ войны и завоеванія, вмѣстѣ съ богами, послѣдовательно рожденными теологической фантазіей націй. Оно было съ своего рожденія и остается до сихъ поръ божественной санкціей грубой силы и торжествующей несправедливости... Государство это власть, это сила, это самопоказъ и нахальство силы. Оно не вкрадчиво, оно не ищетъ дѣйствовать путемъ убѣжденія и всякій разъ какъ, это ему приходится, оно дѣлаетъ это противъ доброй воли; ибо его природа заключается въ дѣйствіи принужденіемъ, насиліемъ, а не убѣжденіемъ. Сколько оно ни старается скрыть свою природу, оно остается законнымъ насильникомъ воли людей, постояннымъ отрицаніемъ ихъ свободы. Даже когда оно повелѣваетъ добро, оно его портитъ и обезцѣниваетъ именно потому, что оно повелѣваетъ, а всякое повелѣніе вызываетъ, возбуждаетъ справедливый бунтъ свободы»... («Богъ и государство»). Или въ другомъ мѣстѣ: «...Государство... по самому своему принципу, есть громадное кладбище, гдѣ происходитъ самопожертвованіе, смерть и погребеніе всѣхъ проявленій индивидуальной и мѣстной жизни, всѣхъ интересовъ частей, которыя то и составляютъ всѣ вмѣстѣ общество. Это алтарь, на которомъ реальная свобода и благоденствіе народовъ приносятся въ жертву политическому величію, и чѣмъ это жертвованіе болѣе полно, тѣмъ Государство совершеннѣе... Государство... это абстракція, пожирающая народную жизнь». («Четвертое письмо о Патріотизмѣ»).

Но государство – указываетъ Бакунинъ – есть зло «исторически необходимое...», – столь-же необходимое, какъ были необходимы первобытная животность и теологическія пустосплетенія людей». Оно обречено исчезнуть; его замѣнитъ свободное общество, которое, отправляясь отъ удовлетворенія своихъ естественныхъ потребностей, будетъ строиться на началахъ полного самоопредѣленія, отъ маленькой общины къ грандіозному міровому союзу,

Анархизм. Алексей Алексеевич Боровой filosoff.org
объемлющему все человечество. Связь отдельных ячеек – не принудительна, она основывается не на законе, но на свободном соглашении всѣх. Общая воля – вот источник всѣх правовых норм для Бакунина и разѣ принятое добровольное соглашение обладает обязывающей силой.

IV) Съ воззрѣніями Кропоткина на государство мы познакомились выше. Въ «Рѣчахъ бунтовщика» и «Завоеваніи хлѣба» онъ далъ чрезвычайно полную увлекательную картину будущаго общественнаго строя – федераціи общинъ, въ основаніи котораго должно лежать исполненіе договора свободныхъ и равныхъ людей. Дѣйствующее гражданское и уголовное право находятъ въ Кропоткинѣ безпощаднаго критика: «Если изучать миллионы законовъ, подчиняющихъ себѣ человечество – пишетъ онъ – легко можно замѣтить, что они подраздѣляются на три обширныхъ класса: законы, защищающіе собственность, законы, защищающіе правительство и защищающіе личность. Всѣ они равно безцѣльны и вредны. Соціалисты превосходно знаютъ, какую роль играютъ законы о собственности... Они служатъ не для того, чтобы обезпечить отдельнымъ лицамъ или обществамъ пользованіе плодами ихъ трудовъ. Наоборотъ, для того, чтобы узаконить похищеніе части продукта у его производителя и защищать похитителя. Что касается законовъ, защищающихъ правительство, то стоитъ ли его защищать, когда всѣ правительства, монархическія или конституціонныя или республиканскія, имѣютъ своей цѣлью удержать насиліемъ привилегіи имущихъ классовъ: аристократіи, буржуазіи, духовенства. Болѣе всего предразсудковъ существуетъ насчетъ третьей категоріи законовъ, охраняющихъ личность. Но анархисты – восклицаетъ Кропоткинъ, – должны всюду проповѣдывать, что и эти законы такъ же вредны, какъ и всѣ остальные. Прежде всего извѣстно, что, по крайней мѣрѣ, 75% всѣхъ преступленій противъ личности внушаются желаніемъ обладать чужимъ богатствомъ. Эти преступленія должны исчезнуть вмѣстѣ съ исчезновеніемъ частной собственности. Что касается другихъ мотивовъ, то уменьшила ли когда-нибудь жестокость наказаній число преступниковъ? Остановился ли когда-нибудь хоть одинъ убійца изъ-за страха наказанія? Кто хочетъ убить своего ближняго изъ мести или нужды, тотъ не станетъ раздумывать надъ послѣдствіями. Каждый убійца убѣжденъ, что онъ избѣгнетъ наказанія... Если бы убійство было объявлено безнаказаннымъ, то, конечно бы, число убійствъ не увеличилось, а сократилось, такъ какъ много убійствъ теперь совершается рецидивистами, испорченными въ тюрьме».

Но и Кропоткинъ, подобно своимъ предшественникамъ, признаетъ правовую норму, обязывающую исполненіе договора.

Въ «Завоеваніи хлѣба» онъ подробно останавливается на разборѣ возраженій, обычно представляемыхъ противъ анархическаго коммунизма. Слѣдуетъ признать, что въ отвѣтахъ Кропоткина все-же больше гуманизма и вѣры въ силу любви, долженствующей связать людей, чѣмъ покоряющей логики.

Кропоткинъ, несомнѣнно, правъ, когда онъ говоритъ, что «бездѣлничать можетъ захотѣть только меньшинство, ничтожное меньшинство общества», что, поэтому, прежде чѣмъ «законодательствовать» противъ него – слѣдуетъ узнать причины страннаго желанія «бездѣлничать» и устранить ихъ. Однако, до точнаго изученія «причинъ» и тѣмъ болѣе устраненія ихъ, рецидивы «бездѣлья» или будемъ говорить общѣе, нежеланія подчиниться, принятымъ коллективомъ рѣшеніямъ могутъ найти мѣсто и въ самой благоустроенной общинѣ. Вѣдь, нельзя вообще представить ни одного соціальнаго состоянія, которое не могло бы породить протестанта и тревоги, связанной съ его появленіемъ. Въ этихъ случаяхъ обществу остается одно – изгнать непокорнаго. Но послѣднее практически есть страшное ограниченіе правъ, которое ляжетъ клеймомъ на бунтующую, хотя-бы и недостойно, личность. И невольно, встаетъ сомнѣніе – найдеть-ли еще изгой, отвергнутый общиной, легко себѣ мѣсто въ другой! А подобрать себѣ специальную группу на «новыхъ началахъ» – не просто, хотя бы уже изъ однихъ техническихъ основаній.

V) Въ области философскихъ построеній Тэкеръ – послѣдователь Штирнера, въ области соціально-политической онъ слѣдуетъ за Прудономъ и Уорреномъ. У Штирнера Тэкеръ беретъ идею неограниченнаго верховенства индивида, у Прудона и Уоррена онъ заимствуетъ методы, помощью которыхъ надѣется переформировать современный ему общественный строй въ новое свободное общежитіе, построенное согласно индивидуалистическимъ началамъ.

Крайній индивидуалистъ, – Тэкеръ категорически отвергаетъ всякую принудительную организацію. Отсюда его рѣзко отрицательное отношеніе къ государству. «..Государство, – пишетъ онъ, – самый колоссальный преступникъ нашего времени... Не защита является существеннымъ его признакомъ, а

Анархизм. Алексей Алексеевич Боровой filosoff.org
нападение, посягательство... Уже первый акт государства, принудительное обложение и взимание податей, является нападением, нарушением равенства и свободы и отравляет собою все посл?дующие его акты...»

Съ одинаковой силой протестуетъ Тэкеръ противъ монополій – государственныхъ и классовыхъ, защищаемыхъ государствомъ: монетной, тарифной, патентной и др. Монополіямъ онъ противопоставляетъ въ реформированномъ стро? начале неограниченной конкуренціи. «Всеобщая неограниченная конкуренція обозначаетъ совершенн?йшій миръ и самую истинную кооперацію!..»—воскликаетъ онъ. Эти воззр?нія объясняютъ намъ ту страстную борьбу, которую ведетъ индивидуалистическій анархизмъ противъ государственнаго (вообще авторитарнаго) социализма. Въ посл?днемъ абсолютное торжество большинства, угнетеніе личности ; въ немъ – власть достигаетъ «кульминаціонной своей точки», а монополія – «наивысшаго могущества». Въ этомъ смысл? индивидуалистическій анархизмъ не видитъ принципиальнаго различія между государственнымъ социализмомъ и коммунистическимъ анархизмомъ; посл?дній представляется ему лишь фазой въ общемъ развитіи социалистической доктрины:.. «Анархизмъ означаетъ абсолютную свободу, – пишетъ Тэкеръ – а коммунисты отрицаютъ свободу производства и обм?на, самую важную изъ вс?хъ свободъ – безъ которой все другія свободы въ сущности не им?ютъ никакой или почти никакой ц?ны...»

Индивидуалистическій анархизмъ, въ представленіи Тэкера, есть гармоническая общественная организація», предоставляющая своимъ членамъ «величайшую индивидуальную свободу, въ равной м?р? принадлежащую вс?мъ.» Единственное ограниченіе правъ члов?ка и «единственную обязанность члов?ка» Тэкеръ видитъ лишь въ уваженіи правъ другихъ. Насиліе надъ личностью или правомъ собственности другого, правомъ, основанномъ на трудовомъ, а не на монопольномъ начал?, – недопустимо.

Самымъ оригинальнымъ моментомъ въ ученіи индивидуалистическаго анархизма является р?шительное допущеніе имъ частной собственности. Проблема, стоявшая передъ индивидуалистами, была такова: допустимо ли въ анархическомъ обществ?, чтобы отд?льная личность пользовалась средствами производства на началахъ частной собственности. Если бы индивидуалистическій анархизмъ отв?тилъ отрицательно, онъ высказался бы этимъ самымъ за право общества вторгаться въ индивидуальную сферу. И абсолютная свобода личности, являющаяся символомъ всего ученія, стала бы фикціей. Онъ избралъ второе, и институтъ частной собственности на средства производства и землю, – другими словами, право на продуктъ труда возродилось въ индивидуалистическомъ анархизм?.

Признавая эгоизмъ единственной движущей силой члов?ка, Тэкеръ изъ него выводитъ законъ равной свободы для всехъ. Именно, въ ней эгоизмъ и власть личности находятъ свой логическій пред?ль. Въ этой необходимости признавать и уважать свободу другихъ кроется источникъ правовыхъ нормъ, основанныхъ на общей вол?.

Такимъ образомъ, индивидуалистическій анархизмъ не только допускаетъ право, какъ результатъ соглашенія общины, но склоненъ защищать его всеми средствами. Тэкеръ не останавливается ни передъ тюрьмой, ни передъ пыткой, ни передъ смертной казнью.

Если бы даже индивидуалистическій анархизмъ во всехъ отношеніяхъ удовлетворялъ потребности члов?ческаго духа, то уже одно допущеніе имъ возможности подобнаго реагирования со стороны общественнаго организма на отд?льные акты личности является полнымъ ниспроверженіемъ всехъ индивидуалистическихъ идеаловъ. Можно ли говорить о неограниченной свобод? личности въ томъ стро?, гд? ею жертвуютъ въ случа? нарушенія, хотя бы и самаго священнаго договора? Сл?довательно, и зд?сь, какъ и въ коммунистическомъ анархизм?, мы сталкиваемся съ той же трагической невозможностью – разр?шить величайшую антиномію личности и общества въ смысл? «абсолютной» свободы личности.

Всякое неисполненіе или уклоненіе отъ соглашенія представляетъ уже собою нарушеніе чужого права. Если анархизмъ мирится съ такимъ порядкомъ, онъ кореннымъ образомъ извращаетъ тотъ принципъ, который положенъ въ основу всего его ученія: принципъ равноправности членовъ, принципъ абсолютнаго равенства, какъ логическій выводъ абсолютной свободы всехъ индивидовъ, объединенныхъ въ союзъ. Если же анархизмъ не желаетъ мириться съ т?мъ хаосомъ, который является неизб?жнымъ результатомъ такого порядка

Анархизм. Алексей Алексеевич Боровой filosoff.org
отношений, он должен создавать карательные нормы.

Изъ всего изложеннаго выше очевидно, что анархизм – не мечтательный, но действительный, стремящийся дать живой, реальный выход бунтующему против насилия человеческому духу – не должен говорить о фикциях – «абсолютной», ничьей и ничьей «неограниченной» свободе, отсутствии долга, совершенной безответственности и пр.

Вечная, в природе вещей лежащая – антиномия личности и общества – неразрешима. И искать с фанатическим упорством решения социологической «квадратуры круга» – значило-бы напрасно ослаблять себя, оставить без защиты то, что в мировоззрении есть бесспорного и ценного.

Скажем категорически – анархизм знает и будет знать – «право», свое анархическое «право».

Ни по духу, ни по форме оно не будет походить ни на законодательство современного «правового», буржуазного государства, ни на «декреты» социалистической диктатуры. Это «право» не будет вдохновляться идеей растворения личности в целом, коллективом, всем нивелирующим, всем уравнивающим в делах служения «общему благу», придуманному «сверху». Анархическое право не будет изливаться благодетельным потоком сверху. Оно не будет – ни изобретенным, ни оторванным, ни самодовольным. Оно будет органическим порождением – безпокойного духа, почувствовавшего в себе силу творца и жаждущего своим творческим актом выразить искания свои в реальных – доступных человеку формах.

Содержание этого права – ответственность за свободу свою и свободу других. Как всякое право, оно должно быть защищено. А конкретные формы этой защиты наперед указаны быть не могут. Они будут определены реальными потребностями анархической общественности.

Глава VIII. Анархизм и национализм.

Во всех учениях и системах анархистов – без исключений – анархизм определяется как антипатриотизм и антинационализм.

Только одна стихия анархизма – стихия отрицания вложена в эти определения; они лишены утверждающего смысла. Конечно, в анархическом словаре есть целый ряд более или менее прекрасных формул – о вселенском братстве, о «гражданине человеческого рода» и т. п. Но формулы эти звучат бледно, как-то черезчур словесно; в них так-же мало чувствуется жизни, как и во многих других рационалистических конструкциях анархизма.

Я думаю, психология космополитических убеждений анархизма нам станет ясной, если мы припомним, что в построениях анархистов патриотизм или национализм (обычно не различающиеся) сочетаются всегда с представлениями о войне и милитаризме. Анархизм, который насковозь пацифичен, полагая преступным не только вооруженное столкновение народов, но и любую форму экономической борьбы между ними – всегда соединяет, таким образом, понятия патриотизма и национализма с милитаризмом, то-есть воинствующими тенденциями определенного исторического уклада.

Милитаризм есть порождение империализма, своеобразный продукт буржуазно-капиталистической культуры. И, если милитаризм – невыносим вне национальных границ, отсюда еще не следует, что любое осознание народом своего своеобразия и самоутверждение его в своем индивидуальном бытии, в чем основное ядро самого анархизма, сопряжено всегда с тягостями и безнравственностью милитаризма.

Со времени знаменитого «пятого письма» Бакунина патриотизм в представлениях анархизма – стал навсегда «явлением вторичным», своеобразной формой «пожирания друг друга». При этом охотно забывают и неполноту Бакунинского определения «патриотизма» вообще и то, что в представлениях самого Бакунина «естественный или физиологический» элемент патриотизма заслонил и вытеснил все другие элементы.

Вот – наиболее полное определение патриотизма у Бакунина: «Естественный патриотизм можно определить так: это инстинктивная, машинальная и совершенно лишенная критики привязанность к общественно принятому, наследственному, традиционному образу жизни, и столь-же инстинктивная,

Анархизм. Алексей Алексеевич Боровой filosoff.org
машинальная враждебность ко всякому другому образу жизни. Это любовь к своему и к своим и ненависть ко всему, имущему чуждый характер. Итак, патриотизм это – с одной стороны, коллективный эгоизм, а с другой стороны – война».

Но ни упрощенное понимание Бакунина, далеко не покрывающее все представление о «патриотизме», ни националистическое юродство ничего общего не имеют и не должны иметь с анархическим пониманием патриотизма.

Анархизм, конечно, должен отвергнуть и «рыночные» вожаки империалистов и изступленный «мессианизм» какогонибудь Шатова.

Слова Шатова: «Всякий народ до тех только пор и народ, пока имеет своего Бога особого, а все остальных на свете богов исключает без всякого примирения, пока верует в то, что своим богом победить и изгнать из мира все остальных богов» – бред, изуверство, на смерть поражающий и своего бога и свой народ. Бог, как и сказал Шатову Ставрогин, низводится в таком разсуждении до простого «атрибута народности», народ – становится воинствующим маниаком, сжигающим не любовь, а ненависть, отрицающим творческое право за всяким другим народом».

Патриотизм может и должен быть утверждаем – в борьбе, в взаимострелении, в милитаризме. Все эти явления не сопутствуют патриотизму, но, наоборот, отрицают его.

Милитаризм – всегда есть покушение на самую идею народности, на своеобразии данного национального опыта. И потому милитаризм – угроза не только чужой национальности, но и своей собственной, ибо никакая свобода не может строиться на поглощении чужой свободы или даже ограничении ее.

Но может ли анархизм отрицать своеобразии народов, индивидуальные – в их психологической сущности – различия сложившихся и окрестивших национальностей и может ли анархизм желать их уничтожения, обращения ярких, душистых цветов, выросших в жизни, в неведомую пыль?

Я думаю, на оба вопроса анархизм может ответить только отрицательно.

Правда, анархисты склонны утверждать с восторженным удовлетворением – в глубочайшем противоречии с основами их учения – что уже сейчас в «передовых» элементах отдельных национальностей – передовых, понимая это слово в революционном смысле, то есть в трудящемся населении, пролетариате, революционерах – нет никакого национального привкуса, что это – люди, живущие «вне границ», считающие весь мир или лучше интернационал своим отечеством. Они любят указывать, что «пролетарии всех стран» говорят все на одном, всем им понятном языке и что отечество для них есть варварский пережиток, в наше время поддерживаемый или явными и скрытыми империалистами, или безответственными романтиками. Но подобные утверждения находятся пока в абсолютном противоречии с действительностью; пока они – лишь слащавая идеализация реального положения вещей, Дон-Кихотизм, оставшийся от героической эпохи анархизма – романтического бунтарства, при том Дон-Кихотизм, обезкровливающий самый анархизм.

1) Прежде всего, покрывается ли человек, личность, во всем ее своеобразии и полнотой, даже независимо от степени ее культуры, понятием пролетария?

Пролетарское состояние есть определенная социально-экономическая категория и только. Называть данного человека пролетарием, значит характеризовать его в определенном плане, обрисовать его социальную природу. Но пролетарий есть не только пролетарий, не только член определенной социальной культуры, но и человек, личность – своеобразная, имущая кроме социальной еще и индивидуальную природу, и чем более одаренная, тем менее годная укладываться целиком в рамки только пролетарского мирозерцания.

Следовательно, говорить, что пролетарий не имеет отечества, значит сказать: человек – пролетарий, поскольку он пролетарий, не имеет отечества. Но это еще не значит, что он действительно не знает отечества или не любит его, так как пролетарность – лишь часть его человеческой природы в ее специальном выражении. Закрывать глаза на это свидетельствовало бы, во первых, о нежелании считаться с подлинной

Анархизм. Алексей Алексеевич Боровой filosoff.org
человеческой природой, богатством ее особенностей и настроений, с другой подчинить все индивидуальное своеобразие личности моменту только социальному.

И то и другое может иметь место, где угодно, но не в анархизме. Анархизм отправляется от личности, а не от ее социального клейма, и протестует против рабского подчинения личного социальному.

2) Непосредственное знакомство с жизнью, хотя-бы изучение разнообразных национальных форм пролетариата, показывает нам с полной очевидностью, как ошибочно характеризовать весь международный пролетариат, как единое целое, солидарно шествующее к освобождению и в своих теоретических и в своих практических путях.

Среди разнообразных антагонизмов, действующих в пролетарской среде, национальные антагонизмы также имеют свое место.

Дух и тактика английского трэдь-юниониста, германского социаль-демократа, французского синдикалиста, русского анархиста – глубоко различны. Было бы странным настаивать на серьезном внутреннем сродстве русского и германского, или германского и французского социаль-демократов. Кроме высшего рабского преклонения перед авторитетной указкой Маркса – ничего общего между ними нет. В то время, как французский социаль-демократ, несмотря на весь «экономический материализм», прежде всего – скептик и бунтарь (кажущееся противоречие), немецкий – атеист и бухгалтер, русский – варвар – идолопоклонник. Один требует жертв, другой хочет сам быть первой жертвой; один хочет благ культуры, другой в порыве отвлеченного пафоса готов похоронить всю культуру. То что для одного есть метод, для другого есть мисосозерцание и т. д. и т. д.

Принадлежность к интернационалу, таким-образом, не может еще устранить ни непонимания, ни непримиримости.

И это внутреннее, «слишком-человеческое» живет глубоко под казарменно-нивелирующей скорлупой и время от времени вспыхивает, обнаруживая неизгладимая, чисто народные черты в определенном пролетарском типе и давая, таким-образом, еще лишнее доказательство богатства, разносторонности и своеобразия человеческой природы. Иммиграции, эмиграции, войны – дают довольно красноречивых иллюстраций. И глубокая ошибка – относить их на долю недостаточной сознательности, злонравного увлечения в «антипролетарском направлении» зарвавшимися или продажными вождями.

Причины – глубже. Он – в наличности того остатка, который неразложим ни на какие пролетарские функции и который живет, невзирая ни на какие классификации и программы партийных мудрецов.

Этот остаток – неустраняемая любовь к своей стране, своему языку, своему народу, его творчеству, всем особенностям его быта. И, если можно и должно отвергнуть «свою» капиталистическую культуру, «свои» таможни, «свой» милитаризм, то ничем не изгонишь из ума и сердца человека любви к своему солнцу и своей земле.

Это чувство – иррационально и конкретно, оно – сильнее любой рационалистической формулы и не считается ни с какими теоретическими аргументами.

Оно – инстинкт, вложенный в нас самым актом нашего рождения в известной материальной и психологической среде. Нам безконечно дорог наш язык, нам особенно понятны и милы обычаи нашей родины. Вся обстановка – природа, места, люди – связанная с нашим детством, с нашими юными, творческими годами, для нас полна особой интимной прелести. И это чувство изжить нельзя.

Оно умирает вместе с человеком.

Это чувство – неразложимо ни на какие интеллектуальные клочки. Казалось бы, общая культура, общность умственных интересов должны тесно сливаться между собою людей. А между тем... самая высокая культурная ценность оказываются бессильными перед сладкими и тоскливыми воспоминаниями о «своем».

Это чувство – любовь. Как всякая любовь, это чувство – вне разумно, возникает стихийно; его нельзя подменить или вытеснить иным чувством, как первую, неповторимую любовь. И такое чувство, по самой природе своей, не может быть «дурно». Наоборот, оно обязывает к подвигу, оно не знает – холода, измены, компромисса. И вместе с тем, – диктуя любящему готовность на жертвы для объекта своей любви, оно требует и от послышавшего соотвѣтствія тому нравственному ореолу, которымъ онъ окруженъ въ глазахъ любящаго.

Такъ стихийно рождающаяся – вне законовъ разума и законовъ морали – любовь, стихийно-же въ самомъ основаніи своемъ проникается нравственнымъ началомъ. Любовь вырастаетъ – и не можетъ быть иначе – въ рядъ суровыхъ требованій и къ себѣ и къ объекту своей любви.

И, если патриотизмъ или націонализмъ есть такая любовь, тѣмъ самымъ они исключаютъ возможность насилій, они не могутъ питаться людодѣствомъ, челоуконенавистническими чувствами.

Если я люблю «мое» отечество, то въ этой любви я заключаю любовь и къ «чужому» отечеству или, по крайней мѣрѣ, ограждаю, чтобы любимое другими – «ихъ» отечество не пострадало отъ «моей любви» къ «моему» отечеству.

Какъ истинное свободолубіе есть не только свобода для себя, но свобода для другихъ, для всѣхъ, и, наоборотъ, въ свободѣ только для себя заключена несвобода всѣхъ остальныхъ, такъ истинная любовь къ отечеству предполагаетъ несомнѣнное любовное отношеніе къ отечеству другихъ и пониманіе въ другихъ «ихъ» любви къ своему отечеству.

Только тотъ, кто любитъ свою страну, свой языкъ – можетъ по настоящему понимать любовь къ другой странѣ, ибо знаетъ, какой могучій отрадный источникъ радостныхъ, счастливыхъ, благородныхъ челоуческихъ чувствъ заключенъ въ ней.

Любовью къ своей родинѣ, пониманіемъ нравственной красоты и прелести чужой страны – мы лишній разъ незримо приближаемся къ познанію высшаго челоуческаго чувства – челоуческаго братства.

Творческая работа всегда идетъ черезъ индивидуальное и конкретное къ общему и идеальному. Только черезъ личный, непосредственный опытъ постигаешь себя членомъ союза равноправныхъ индивидуальностей. Жизнь прогрессирующей національности, какъ жизнь освобождающейся личности, должна избирать средства, соотвѣтствующія тѣмъ нравственнымъ началамъ, коимъ она считаетъ себя призванной служить. И только такой націонализмъ, не противорѣчащій нравственному сознанію ни цѣлаго, ни его частей, не считаетъ, по чудесному опредѣленію В. Соловьева, «истиннымъ и прекраснымъ утверждать себя и свою національность, а прямо утверждаетъ себя въ истинномъ и прекрасномъ».

Такъ каждый народъ, сознавая свою міровую роль, пріобщается къ общечелоуческому творчеству. И, какъ свободный челоукъ не мирится съ существованіемъ рабовъ, такъ свободный народъ не можетъ мириться съ теоріями о зависимыхъ, второстепенныхъ народахъ и ихъ фактическимъ существованіемъ.

Сознаніе общности нравственныхъ цѣлей должно соединить и оравноправитъ отдѣльные народы. Никто, не отказываясь отъ «себя» и «своего», будетъ служить «себѣ» и всѣмъ.

Замѣчательный русскій лингвистъ Потѣбня, съ свойственной ему глубиной однажды писалъ: «... Если цивилизація состоитъ, между прочимъ, въ созданіи и развитіи литературы, и если литературное образованіе, скажемъ больше, если та доля грамотности, которая нужна для пользованія молитвенникомъ, библіею, календаремъ на родномъ языкѣ, есть могущественнѣйшее средство предохраненія личности отъ денационализаціи, то цивилизація не только сама по себѣ не сглаживаетъ народностей, но содѣйствуетъ ихъ укрѣпленію.» («Мысль и языкъ»).

Наоборотъ, формулы космополитизма звучатъ безнадежной схоластикой. Это – отвлеченныя догмы, блѣдныя призраки. Въ нихъ нѣтъ реальнаго содержанія и паѣосъ ихъ – чисто риторическій. Въ данныхъ намъ формахъ психологическаго развитія космополитъ все еще остается существомъ «метафизическимъ».

Анархизм. Алексей Алексеевич Боровой filosoff.org
Не было и не будет еще людей вне определенной народности. Человек, если он не анекдотическое исключение, не может не иметь любви к своей стране, своему языку, своей народной культуре. Никогда – за исключением редчайших случаев – «чужое» ему не может быть так доступно, как «свое». Вспомним Герцена, Печерина... и сколько других...

Космополитизм может уживаться разве только с абсолютным индивидуализмом, так как последний в своем безграничном эгоизме, отвергающем свободу и равенство, разумеется, сам свободен от каких-либо обязательств и какой-либо ответственности в обширном универсуме, чем в относительно узких рамках определенной общественности или народности.

В этом смысле, наиболее последовательным и неуязвимым космополитом является бездушный капитал, который в погоне за большей прибылью не разбирает стран и ту назовет своим отечеством, которая обеспечит ему наивысший процент.

Таковыми космополитами кишела замечательная историческая эпоха – эпоха перехода к новому времени. «Он не был ни немцем, ни швейцарцем, ни фламандцем, ни французом, ни испанцем – пишет Ж. Орсье про знаменитого авантюриста XVI-го века Агриппу Неттесгеймского. – Он был все сразу, судя по сторонам, откуда дул ветер удачи». Эти люди шли туда, где им хорошо платили за их талант, и там устраивали они свое отечество. Но этот торговый индивидуализм давно исчез, и даже современные капитаны индустрии, помимо капиталистической «гордости», имеют в своем человеческом балансе немного и «любви к отечеству».

И, если мы склонны утверждать анархизм, как реалистическое мирозерцание, как любовь к живой личности, а не к мистическому мистицизму по трафаретной рецептуре, мы должны будем согласиться с старым мыслителем Гердером, предпочитавшим энергичного, полного жизни и любви к своему племени дикаря – «цивилизованной твари», увлекаемой восторгом перед «призраком рода человеческого».

Да, анархизм есть философия жизни, культ всего реального, индивидуального, своеобразного в ней и потому «национализм», как живое, здоровое чувство любви к своей родине, не может не быть одним из элементов его всеобъемлющего мирозерцания.

«Пожалей меня, брат мой! – говорит один из героев Барбье. Мое горе – смертельно, ибо отечество перестало быть для меня прекрасным!»

ГЛАВА IX. Анархизм, как общественный идеал. (Анархо-гуманизм).

Анархизм – мирозерцание динамическое. Анархизм видит в непрерывности мирового развития, в неостанавливающейся росте человеческой природы и ее возможностей.

И в раэ это – плод не отвлеченных разсуждений, не романтической горячности, а результат непосредственных наблюдений над всем, что нас окружает. Разве мы – люди XX-го столетия – не чувствуем в себе пробуждения новых чувств, не роем пропасти между нами и нашим прошлым, не сознаем, что каждым шагом нашим мы делаем все более необъятными богатства мира, открываем в себе неизсякаемую готовность к новым опытам и тем отодвигаем грани конечного.

Наши потребности чудесно растут, человек становится полем для всевозможных открытий, он по истине – неисчерпаем. Физиологические предельности жизни становятся тсны. Прав был Гёте, что земной жизни – не довольно, чтобы достигнуть совершенства.

И анархический идеал вытекает из этого убеждения неисчерпаемости человеческих способностей. Потому анархический идеал не знает конечных форм, не может дать точного описания и определения типа общественности, который бы являлся точным его выражением.

Анархизм – неограниченное движение к общественным формам, не знающим насилия, в которых не так много препон к последовательным, расширяющимся творческим исканиям, как в ясном сознании ненарушимости прав другого

Анархизм. Алексей Алексеевич Боровой filosoff.org
на творческое самоутверждение.

И никакая определенная общественная форма не может дать послѣдняго удовлетворенія, за которымъ нечего желать. Мыслить такъ – значило бы подчинить человѣческой духъ безусловному, т.-е. смерти.

Полная гармонической прелести библейская картина насъ не смущаетъ: «Тогда волкъ будетъ жить вмѣстѣ съ ягненкомъ, и барсъ будетъ лежать вмѣстѣ съ козленкомъ, и молодой левъ и волъ будутъ вмѣстѣ, и малое дитя будетъ водить ихъ. И корова будетъ пастись съ медвѣдицею, и дѣтеныши ихъ будутъ лежать вмѣстѣ, и левъ, какъ волъ, будетъ съсно. И младенецъ будетъ играть надъ норою аспида, и дитя протянетъ руку свою на гнѣздо зми. Не будутъ дѣлать зла и вреда на всей святой горѣ моей, ибо земля будетъ наполнена познаніемъ ягве, какъ воды наполняютъ море» (Пророкъ Исаиія» II., 1–9).

Но эта идиллія поддерживается могущественнымъ стражемъ – ягве. И для Исаиіи, ягве – и стражъ и неограниченный владыка. И міръ, полный гармоническихъ чудесъ, живетъ, пока угоденъ ягве.

Это – не идеаль анархизма!

Развѣ – не высшее счастье, доступное намъ, жажда вѣчности, жажда новаго, неизвѣстнаго, все высшаго, все совершеннѣйшаго. Развѣ не источникъ счастья – трепеть безпокойства, который говоритъ въ насъ въ наши лучшія минуты, минуты творческаго экстаза, далеко уносящія насъ за грани относительнаго! Какимъ-бы малоцѣннымъ былъ міръ въ нашихъ глазахъ, если бы мы знали напередъ, что онъ имѣетъ опредѣленный конецъ, а что наша жизнь есть только подготовка къ этому концу съ его окаменѣвшими совершенствами. Что могло бы воспитать въ насъ подобное знаніе – кромѣ презрѣнія къ собственнымъ судьбамъ или сытаго фатализма?

Нѣтъ! Вѣчная борьба, призывъ къ будущимъ творцамъ, безкрайность будущаго, вотъ – маяки анархиста! И пусть всегда будутъ и новая земля, и новое небо и новая тварь!

Обратимся къ непосредственному изслѣдованію содержанія анархическаго идеала.

Анархизмъ строится на принципѣ личности. Эта личность – не рационалистическій призракъ, но одѣтый въ плоть и кровь, живой, конкретный дѣятель во всемъ своеобразіи качествъ его и устремленій.

Среди разнородныхъ социальнихъ образованій, загромаждающихъ нашъ міръ, только онъ является подлинной реальностью; всѣ образованія обязаны ему своимъ происхожденіемъ. Онъ – творецъ. Все, что мы называемъ социальнымъ творчествомъ, только черезъ него возникаетъ и реализуется въ мірѣ. Какъ хорошо сказалъ одинъ изъ величайшихъ артистовъ современности – Эдуардъ Мане, самыя «вещи прекрасны, потому-что онъ живая, потому – что онъ человѣчны...»

И потому первое положительное требованіе анархическаго идеала заключается въ созданіи условій, обеспечивающихъ возможность сохраненія и непрерывнаго, безграничнаго развитія индивидуальности.

Эти условія должны прежде всего заключаться въ ея свободѣ. Свобода – основной инстинктъ личности; только въ свободѣ можетъ быть выявлено ея своеобразіе, только въ свободѣ она находитъ самое себя.

Но рядомъ съ этимъ инстинктомъ въ человѣкѣ говоритъ другой основной инстинктъ – инстинктъ общительности, инстинктъ человѣчности. Не къ уединенію и отобщенію отъ всѣхъ другихъ влечетъ человѣка живущій въ немъ духъ свободы, но къ сближенію и сліянію въ цѣляхъ совмѣстныхъ творческихъ достижений.

Свободное самосознаніе утверждаетъ свободу и для другихъ. И анархическое общеніе есть союзъ равноправныхъ, равно свободныхъ личностей. Ограниченіе правъ одного есть ограниченіе права личности вообще и, слѣдовательно, ограниченіе правъ всѣхъ. Моя свобода становится немислимой внѣ свободы всякаго другого.

Такъ анархизмъ утверждаетъ себя въ свободѣ, равенствѣ и солидарности.

И чѣмъ шире тотъ общественный кругъ, которому принадлежитъ личность своими интересами и связями – тѣмъ болѣе выигрываетъ ея независимость, тѣмъ большій размахъ и глубину пріобрѣтаютъ ея творческія устремленія.

Анархизмъ есть, такимъ-образомъ, глубоко-жизненный, а, слѣдовательно, и культурный идеаль.

Анархизмъ долженъ объявить себя наслѣдникомъ многовѣковой міровой культуры. Вѣдь, ему – анархическому духу, жившему во всѣ времена и у всѣхъ народовъ, обязаны своимъ существованіемъ величайшія культурныя цѣнности. Все то, что въ прошлой культурѣ – носитъ на себѣ печать подлинной свободы и подлинной человѣчности, не можетъ не быть дорогимъ анархизму, ибо безпокойный, ищущій человѣческой духъ, пробившійся сквозь внѣшнія историческія формы насилія и рабства, и бросившій намъ слово, которое говоритъ еще сейчасъ, есть духъ анархическій, близкій и дружественный намъ.

Его отрицанія – чужды рационалистическому нигилизму. Его отрицанія – творческія. Онъ отмечаетъ все, что враждебно его духу; внѣ человѣка для него нѣтъ фетишей и безусловныхъ цѣнностей, но впередъ онъ идетъ, вооруженный всей предшествующей культурой, черезъ преодолѣніе, а не черезъ механическое отсѣченіе ея. Анархизмъ есть революція, анархизмъ есть созиданіе, но не пляска дикарей надъ поверженнымъ кумиромъ.

Въ чемъ сущность революціи, ея значеніе, ея радость?

Прежде-всего въ томъ, что она несетъ намъ – новое, небывалое, что она – разрывъ съ прошлымъ, «прыжокъ» въ царство свободы.

Въ природѣ все, какъ будто, подчинено естественнымъ, неизмѣннымъ законамъ развитія, все рождается, растетъ и умираетъ, переливаясь въ новыя формы.

Отъ зерна бѣгутъ ростки, оно пробѣетъ землю и выброситъ растеніе. Растеніе покроется цвѣтами, дастъ плоды... И развѣ не та же постепенность наблюдаемъ мы въ жизни человѣка и человѣческихъ обществъ? Непрерывная цѣпь формъ, переходящихъ одна въ другую. *Non facit saltus natura!*

Но приходитъ день... взрывъ, толчекъ, революція уносятъ все, что было наканунѣ, и міру неожиданно открывается новое.

«Да» – писалъ когда-то Реклю – «природа не дѣлаетъ скачковъ, но каждая изъ ея эволюцій осуществляется посредствомъ перемѣщенія силъ въ новомъ направленіи. Общее движеніе жизни въ каждомъ отдѣльномъ существѣ и каждомъ рядѣ существъ никогда не имѣетъ вида непрерывной цѣпи, а всегда представляетъ прерывающуюся, такъ сказать, революціонную смѣну явленій. Одна вѣтвь не увеличиваетъ длины другой. Цвѣтокъ не есть продолженіе листа, а пестикъ – тычинка, завязь по существу отличается отъ органовъ, которые породили ее. Сынъ не есть продолженіе отца или матери, но вполне самостоятельное существо. Прогрессъ совершается посредствомъ постоянной перемѣны точекъ отправленія для cadaго отдѣльнаго индивидуума... Тотъ-же законъ существуетъ и для великихъ историческихъ эволюцій. Когда старыя рамки, формы организма, слишкомъ опредѣленныя, становятся недостаточными, жизнь дѣлаетъ скачекъ, чтобы осуществиться въ новомъ видѣ. Совершается революція».

Нѣтъ большей радости, какъ это явленіе міру новаго. Изъ хаоса противорѣчивыхъ и враждебныхъ устремленій человѣчеству открывается хотя на время ихъ гармоническое сліяніе въ одномъ общемъ порывѣ, въ общемъ согласномъ переживаніи. И если любовь матери къ своему младенцу называютъ святой и чистой, какая радость достанется народу, выносившему и выстрадавшему свою революцію.

И эта радость не изживается мгновенно, ибо моменты революціи – моменты высшаго творческаго напряженія. И творчество это выливается прежде всего въ упоительномъ чувствѣ разрушенія.

Творецъ – разрушитель – въ самыхъ нѣдрахъ нашей природы, творецъ – жадный, ненасытный, готовый оторваться отъ того, что приняло уже законченныя формы. Мы любимъ только то, что ищемъ, что еще волнуетъ насъ загадкой, ожидаемыми нами возможностями... Готовое перестаетъ насъ волновать. Оно – ступень къ дальнѣйшимъ отрицаніямъ – во имя высшаго и совершеннѣйшаго. Не потому-ли мы

Анархизм. Алексей Алексеевич Боровой filosoff.org
любимъ такъ – молодость, весну, начало всякаго дѣла съ ихъ, быть-можетъ, смутными, но такими радостными и смѣлыми предчувствіями неограниченныхъ возможностей?

Творчество – разрушеніе – отказъ отъ стараго, ломка старыхъ вѣрованій, старыхъ утвержденій. Строить, не разрушая, изъ элементовъ даннаго – бесплодно. Это значило бы укрѣплять старые корни, открыть старому всѣ выгоды изъ перемирія и охладить энтузіазмъ всѣхъ рвущихся впередъ.

И первоначально, въ творческомъ порывѣ намѣчаются лишь основныя линіи будущаго. Глубина и паѣосъ содержанія почерпаются изъ самаго процесса работы. Чѣмъ шире, чѣмъ рѣшительнѣе идетъ эта работа, чѣмъ болѣе вносится въ нее страстности – тѣмъ болѣе сама работа исторгнетъ новыхъ идей, дастъ новыхъ плановъ для дальнѣйшихъ построеній.

Страсти – нужны! Не дикій разгулъ страстей, когда въ слѣпомъ увлеченіи фанатикъ, безумецъ столько-же бьетъ по врагу, сколько по любимому дѣлу, но способность къ самозабвенію, готовность отдать себя всего революціи, творческому экстазу. И одновременно – совершенное обладаніе средствами, чтобы осуществить свой творческій замыселъ.

Такъ порядокъ родится изъ хаоса.

Но творческое разрушеніе – бесконечно трудно. Гигантскія силы инерціи – равно въ природѣ и общественномъ строительствѣ – не терпятъ остановокъ и проваловъ. На мѣстѣ разрушеннаго бѣгутъ сейчасъ-же новыя ростки, иногда ядовитыми стеблями восходя изъ отравленной почвы.

«...Великій трудъ и единственно трудный – разрушеніе прошлаго – прекрасно сказалъ Метерлинкъ. – Нечего заботиться о томъ, что поставитъ на мѣстѣ развалины. Сила вещей и жизни возьмутъ на себя заботу возрожденія... Она даже слишкомъ поспѣшно это дѣлаетъ, и не слѣдовало бы помогать ей въ этой задачѣ...».

Легко-ли подойти къ прошлому? Бросить только вызовъ, бросить осужденіе – не значить еще разрушить. Чтобы разрушить – надо быть здоровымъ, вѣрующимъ, энтузіастическимъ и беспощаднымъ. Развѣ часта такая сліянность? Здоровье, вѣра, энтузіазмъ, когда молодость нашей эпохи такъ скоро тускнѣетъ разсудочностью, скептицизмомъ...

А тормозящее чудовище – наслѣдіе прошлаго, его традиціи, его «милая привычка». Мы такъ легко, такъ просто не хотимъ знать его варварства изъ-за прекраснаго далека его декораціи...

А гдѣ молчитъ историческій сентиментализмъ, гдѣ неподатливыя сердца не бьются отъ романтическихъ развалинъ, тамъ рождается ужасъ передъ нависающимъ надъ нами неизвѣстнымъ, встаютъ суевѣрія будущаго. И вотъ – каменная гряда рутины, трусливой и вмѣстѣ страшной, готовой въ своемъ страхѣ на всякую отместку... И сколько разобьется о гряду валовъ, прежде чѣмъ покроютъ ее своею разъяренной пѣной.

Такъ творчество должно открыться разрушеніемъ, смертью. «Не оживетъ, аще не умретъ».

И за разрушеніе всегда – все молодое, все то, что надѣется и вѣритъ, что не желаетъ еще знать цѣлесообразности, причинности и относительности – всего, что позже леденитъ нашъ мозгъ, сковываетъ руки и подмѣняетъ солнце, беспощадное, благодѣтельное солнце тусклымъ фонаремъ компромисснаго благополучія. Инстинктъ самосохраненія, интересы рода, фамиліная честь, саображенія карьеры – весь нечистый арсеналь мѣщанскихъ понятій безсиленъ передъ радостью разрушительнаго творчества, готовностью его къ подвигу.

А упившемуся въ революціи разрушеніемъ, революція готовитъ уже новую могучую радость – радость созиданія.

Творческій актъ есть преодолѣніе, побѣда. Побѣда творящаго надъ первоначальной косностью, проникающей мірозданіе, выходъ его изъ пассивнаго состоянія въ положеніе борющагося «я». И творецъ, побѣдившій первоначальную косную природу, всегда остается побѣдителемъ, хотя бы въ жизни и падаль побѣжденнымъ.

Анархизм. Алексей Алексеевич Боровой filosoff.org

Творческий акт есть воля к жизни и воля к власти – власти надъ окружающимъ. Зодчій самъ беретъ все нужное ему, чтобы осуществить свой планъ, чтобы выполнить для себя естественное и неизбѣжное. И океаны жестокости заключены въ рѣшимости творца, его революціонныхъ открытіяхъ. Творецъ опрокидываетъ привычное сознание, онъ такъ же можетъ вознести на вершины радости, какъ погрузить въ пучины страданій. Онъ опьянитъ васъ, заразитъ своимъ экстазомъ, сдѣлаетъ васъ – свободнаго и гордаго – радостно-попослушнымъ, не разсуждающимъ, фанатикомъ. Но онъ-же броситъ васъ въ тягчайшіе внутренніе кризисы, сдѣлаетъ васъ больнымъ, безпомощнымъ, убьетъ васъ.

И творчество, ограничивая волю и индивидуальность другого, убивая его міръ, подмѣняя его «я» своимъ, жестоко, неизбѣжно жестоко. Такъ должно быть. Что сталь-бы міръ безъ дерзновенья. Безстрашіе въ борьбѣ сообщаетъ безсмертіе творцу. Плоды его «жестокости» освятятъ миллионы человѣческихъ существованій, имъ же послужатъ оправданіемъ.

Но творчество не только насиліе и жестокость, творчество – любовь, творчество – радость.

Въ творчествѣ замкнутая ранѣе въ себя индивидуальность разрываетъ оболочку своей отъединенности, раскрываетъ себя и сближается съ другими, приближая ихъ къ себѣ.

Творчество есть преодоленіе первоначальной косности для послѣдующей сліянности, любви, вселенскаго единенія. Насиліе и любовь лишь разныя стороны одного духовнаго взлета.

Такъ борьба на высшихъ ступеняхъ есть предвареніе великой любви къ міру. Активность и любовь – неотдѣлимы.

И еще болѣе любовность и радостность творческаго акта подчеркиваются тѣмъ, что творчество всегда есть борьба за будущее, борьба для «дальнихъ».

На долю тѣхъ, кто борется активно въ настоящемъ, рѣдко выпадаетъ счастье пожать плоды борьбы. Они достанутся потомкамъ, далекимъ братьямъ.

Творецъ одушевляется лишь призраками будущаго счастья. Подлиннымъ, «реальнымъ» счастьемъ, живутъ его наслѣдники. Можетъ-ли быть дано челѣкомъ доказательство большей любовности? И какой подвигъ заключаетъ въ себѣ болѣе радостный смыслъ?

Но, какъ будто для того, чтобы сдѣлать эту радость еще полнѣй, еще чудеснѣй, въ моменты высшей творческой напряженности, какъ въ моменты революціи, мы отбрасываемъ все компромиссное, все срединное, что удовлетворяетъ насъ въ обычное время. Освященные, согрѣтые лучами правды, мы ищемъ абсолютныхъ формулъ счастья безъ уступокъ времени и исторической обстановкѣ и въ экстазѣ требуемъ реальныхъ осуществленій нашихъ мечтаній...

И въ анархическомъ идеалѣ творчество разлито кругомъ насъ, весь міръ – непрерывный творческий процессъ.

И если каждый изъ насъ, какъ творецъ, безконеченъ, безконеченъ и міръ, открывающійся намъ все полнѣе, богаче. Воспринявъ все то, что создано раньше, мы дальше творимъ и безпрестанно, любовно отдаемъ сотворенное нами будущимъ далекимъ отъ насъ поколѣніямъ.

Въ творчествѣ связуемъ мы всѣ времена и въ творческомъ мгновеніи постигаемъ вѣчность, безсмертіе.

Пусть каждый изъ насъ въ звенящемъ жизнью и страстной борьбой мірозданіи – точка, но эта точка – безсмертна, а потому не «бунтъ», не «дерзаніе», но радостное, живое, неукротимое, какъ лавина, устремленіе въ духѣ основной стихіи анархизма: освобожденія себя и всѣхъ – освобожденіе не отъ государства и полиціи, но также отъ робости, смиренія, зависти, стыда, покоя – вотъ идеаль анархизма.

Быть-можетъ, строяемый такъ, анархическій идеаль упрекнуть въ недостаточной послѣдовательности, въ противорѣчіяхъ. Романическое ученіе и

Но тамъ, гдѣ жизнь, нечего бояться противорѣчій. Противорѣчія – не страшны всему живому, всему развивающемуся. Ихъ боится только дискурсивное мышленіе, собирающее свою добычу въ отточенныя логическія формулы. Но формулы убиваютъ жизнь, формулы – смерть жизни.

Все, что носить на себѣ печать челоукаго творчества, все, что способно, съ одной стороны, погрузиться въ «бытіе», съ другой, заковать свои «опыты» въ отвлеченныя формулы, рано или поздно становится жертвой «ироніи всемірной исторіи». Послѣдняя разсѣетъ всѣ иллюзіи интеллекта, обнаружитъ тщету «вѣчныхъ» завоеваній разума. Все «научное», «объективное», рационалистически доказуемое бываетъ безжалостно попорано, наобороть, остается нетлѣннымъ все недоказанное и недоказуемое, но субъективно достовѣрное. Въ «знаніи» противорѣчія – недопустимы, вѣра знаетъ – любя протворѣчія. Всякое знаніе можетъ быть опровергнуто, а вѣру опровергнуть нельзя. И анархизмъ есть вѣра. Его нельзя показать ни научными закономѣрностями, ни рационалистическими выкладками, ни біологическими аналогіями. Его родить жизнь, и для того, въ комъ онъ заговорить – онъ достовѣренъ. Тотъ, кто сталъ анархистомъ, не боится противорѣчій; онъ сумѣетъ ихъ творчески изжить въ самомъ себѣ.

И анархизмъ не чуждается «науки», и анархизмъ не презираетъ формулъ, но для него онѣ – средство, а не цѣль.

ГЛАВА X. Анархизмъ и современность.

Предсказанія о близкой гибели капиталистическаго режима и водвореніи новаго – социалистическаго порядка начались уже съ середины XIX столѣтія. Въ 1847 году Марксъ и Энгельсъ ждали социальной революціи, въ 1885 г. Энгельсъ вновь пророчествовалъ о грядущемъ переворотѣ. Позже марксисты подыскали объясненія для неудавшихся пророчествъ (недостаточная революціонность «буржуазіи» или полная утрата ея революціонности), и пророчества были сданы въ архивъ.

Однако, въ 1909 г. Каутскій въ небольшой книгѣ – «Путь къ власти» вновь заговорилъ о близости социалистическаго переворота. И въ этомъ же году другой, гораздо болѣе глубокой писатель, чѣмъ Каутскій, Гильфердингъ – заговорилъ также о возможности социальной революціи, не дожидаясь окончательнаго захвата парламента политической партией пролетаріата.

И русская революція сейчасъ (съ октября 1917 г.) въ неожиданныхъ размѣрахъ рѣшаетъ эту проблему.

Если «научный социализмъ», измѣняя своей «научности», обращался къ пророчествамъ, то анархизмъ, «научностью» никогда не кичившійся, былъ всегда еще болѣе нетерпѣливымъ.

Подавляющее большинство анархистовъ всегда полагало, что анархизмъ, какъ міросозерцаніе, доступенъ на всѣхъ ступеняхъ интеллектуально-моральнаго развитія, что нѣтъ особыхъ препятствій къ водворенію анархистскаго строя – «сейчасъ», «немедленно» даже въ такой отсталой во всѣхъ отношеніяхъ странѣ, какъ Россія. Ни безпросвѣтное невѣжество нашего народа, ни техническая его неподготовленность, ни «алкоголизмъ», ставшій уже давно «національной» нашей особенностью, ни равнодушіе и даже пренебрежительное отношеніе къ культурнымъ цѣностямъ – не могутъ, въ ихъ глазахъ, служить тормазомъ къ торжеству анархическихъ идеаловъ.

Но подобныя мечты и даже утвержденія – являются глубокимъ трагическимъ недоразумѣніемъ. Уже социализмъ – согласно заявленіямъ наиболѣе авторитетныхъ представителей его – требуетъ для осуществленія своей программы наличности реальной техно-экономической подготовки и политической зрѣлости массъ.

Но социализмъ есть рѣшеніе хозяйственной проблемы. Его интересуетъ лишь планомѣрная организація производства и распредѣленія продуктовъ въ цѣляхъ достиженія социального равенства. Челоука, какъ такового, вопреки его завѣреніямъ, онъ оставляетъ въ покоѣ. И каждый голодный можетъ быть социалистомъ. Въ широкомъ масштабѣ это иллюстрируется опытомъ настоящей русской революціи[33].

Анархизм. Алексей Алексеевич Боровой filosoff.org
Тот-же опыт подтвердилъ правильность и другихъ заключеній, дѣлавшихся задолго до современныхъ событій. Именно: социализмъ, ставя себѣ совершенно новыя цѣли, методы дѣйствія охотно заимствуетъ изъ практики «буржуазнаго общества». Та-же централизація, тѣ-же диктаторскія замашки у правительства – декреты сверху, «классовое» презрѣніе къ «правамъ личности», революціонная цензура, революціонные жандармы, революціонная тюрьма. Все – старыя, испытанныя буржуазіей средства.

И всѣ эти соображенія, разумѣется, нельзя отвести указаніемъ на «остроту» момента. Ибо, даже оставляя въ сторонѣ отдѣльныя неизбѣжныя противорѣчія настоящаго момента, все-же необходимо признать, что и современный социализмъ – насквозь пропитанъ централистическими тенденціями, по прежнему строится онъ сверху внизъ, демагоги благодѣтельствуютъ массу, а мѣстные органы классоваго представительства могутъ цензурировать и привлекать къ отвѣту кого угодно, но только не правительственную власть. Это – то социалистическое самодержавіе, которое при извѣстной настойчивости можетъ заставить умолкнуть буржуазію, но оно не задавитъ личность. Послѣдняя встанетъ рано или поздно противъ новой формы гнета.

Анархизмъ никакъ не можетъ быть сведенъ къ хозяйственному благополучію людей. И анархизмъ не можетъ быть введенъ никакимъ «декретомъ» и не можетъ быть плодомъ болѣе или менѣе удачнаго «бунта».

Анархизмъ требуетъ – свободнаго челоѣка, требуетъ самодѣятельности, воспитанія, культуры.

Даже тѣ страны, которыя оборудованы по послѣднему слову капиталистической техники, которыя переболѣли уже парламентаризмомъ, которыя вырастили мощныя классовыя организаціи – и тѣ еще далеки подлинному анархизму.

Сознательный массовой анархизмъ – организованный революціонаризмъ – только начинаетъ еще говорить (анархо-синдикализмъ), а подавляющее большинство революціонно настроенныхъ людей все еще мечтаетъ о «разумности» и блаженствахъ социалистическаго государства и ждетъ просвѣщенныхъ указаній «сверху», отъ «вождей». Даже величайшее катастрофическое событіе современности – міровая война – дала поразительно мало въ смыслѣ уясненія социальнаго самосознанія. Въ Россіи же она обнаружила нашу исключительную неподготовленность и неумѣлость въ созиданіи новой общественности.

И мечтанія о водвореніи у насъ, въ Россіи теперь-же анархистическаго строя – не только бесплодная, но и вредная утопія. Чрезмѣрныя иллюзіи губятъ самый анархизмъ.

Вчерашній рабъ не можетъ стать сегодня анархистомъ.

Вспомнимъ, какія словословія «народу-земледѣльцу», не желающему «государствовать», раздавались въ рядахъ славянофиловъ. Но уже и въ мессіанистическихъ кликахъ Хомякова прорывались тревожныя ноты о привычкѣ къ рабству «народа-богоносца». Онъ ясно отдавалъ себѣ отчетъ въ томъ, что «народъ порабощенный (а гдѣ нѣтъ еще сейчасъ въ анархистскомъ смыслѣ не порабощеннаго народа? А. Б.) впитываетъ въ себя много злыхъ началъ, душа падаетъ подъ тяжестью оковъ, связывающихъ тѣло, и не можетъ уже развивать мысли истинно челоѣческія».

Изукрашенная русская община имѣла весьма мало въ себѣ «анархическаго». Въ ней не было личности, слѣдовательно, не было и сознанія челоѣческаго достоинства. Не всѣ «изгои» могли быть и были анархистами, но возможные «анархисты» были среди «изгоевъ», а не оставались въ общинѣ.

«Всего менѣе эгоизма у рабовъ» – говорилъ Герценъ, разумѣя подъ «эгоизмомъ» – личное самосознаніе, сознаніе личнаго достоинства.

И нужно, чтобы «рабъ», «порабощенный» – возвысился до личнаго самосознанія, воспиталъ въ себѣ сознаніе личнаго достоинства. А это не дѣлается *ex improviso*, по желанію.

Что-бы ни дали возставшему рабу, или лучше, что-бы ни завоевалъ онъ (мы разумѣемъ рабство не только политическое, но и психическое), завоеваніе не дѣлаетъ еще раба свободнымъ. Это перемѣщеніе господъ, перемѣщеніе власти – быть, можетъ, справедливое, но не заключающее въ себѣ еще ни атома «анархизма». Развѣ Бурбоны, Романовы, Гогенцоллерны не были рабами? Развѣ

Анархизм. Алексей Алексеевич Боровой filosoff.org
не были набиты рабами – демократические парламенты, социалистические советы и комиссии, революционные трибуналы и пр. [34] И как старая русская община не была анархической, так новая русская коммуна из «сегодняшних» анархистов могла бы воспитать участок и урядников. Кто дал больше убежденные исторические приметы постыдного крушения коммуны, чем Кропоткин? Были, значить, внутренние силы, которые ломали ее. И силы эти были в самых людях, еще не созревших для коммуны.

Для анархистского строя мало пустых, нигилистических отрицаний, необходимо творчество. А последнее требует любви к свободе, любви к труду и знаниям.

И в высшей степени ошибочно думать, что проповедь немедленного утверждения анархизма, независимо от среды и места, несет в себя облагораживающий смысл для усвоивших подобный принцип! Наоборот! Нет ничего страшнее уродливого истолкования свободы. Как будто – «моему здраву не препятствуй» или гильотины не выросли из своеобразной любви к свободе.

Такая проповедь может воспитать – маленьких «сверхчеловечков», самодуров, апашей, хулиганов, мародеров всякого рода. Но все это нас не только не приближает к анархизму, но, наоборот, бесконечно удаляет от него. Это – не «опрошение» анархизма, но безстыдное извращение его. Что общего между неограниченным уважением к правам личности и требованием равенства анархизма и той полной беззаботностью насчет «ближнего» и общественности, которая характеризует всех первобытных индивидуалистов.

Поэтому, одним упований на творческие возможности анархизма – мало. Его принципы, легче, чем всякие иные, могут быть дурно поняты, ложно истолкованы, неправильно применены. Анархизм должен не только обещать права, но и указывать на анархический долг, на обязанности, вытекающие из анархизма.

И потому звучит почти обманом довольно обычный лозунг – «возьмите, берите анархизм»!

Брать только для того, чтобы завтра-же – из-за неумелости или бессилия отдать и оставить все по-старому, значить не только понести бесполезные жертвы, но и надолго погубить самую идею в глазах «дерзнувших».

Творческое завоевание должно исключать возможность возвращения к старому; надо не только уметь взять, но и уметь удержать, укрывать за собой раз отобранное. Поэтому, лозунг – только «взять» без всяких дальних или помыслов вовсе даже и не анархический лозунг.

Для анархизма требуется двойная подготовка.

1) Для утверждения анархизма необходимо осуществление некоторых реальных предпосылок. Необходимо предварительно устранить те технические препятствия, которые мешают соединению людей и их свободному коллективному творчеству.

Анархизм – невозможен в таком обществе, которое неспособно обеспечить всем своим членам полное удовлетворение их потребностей. Анархизм предполагает многогранную личность с многочисленными и разнообразными запросами. И техническая культура должна быть достаточно высокой, чтобы покрыть эти запросы.

При этом ничто так не враждебно духу подлинного анархизма, как «опрошение». Последнее предполагает искусственный отбор потребностей, с весьма произвольным делением их на более, менее важные, бесполезные и т. д. Анархизм стремится обеспечить каждой личности максимум культурного развития, а потому он должен идти не через отказ от культуры, а через преодоление культуры. Первое искусственно суживает творческие горизонты личности, второе сообщает ей предельную полноту бытия в двойном процессе разурения и созидания.

Таким образом, анархизм для осуществления своего прежде всего требует некоторой реальной обстановки.

«Этическая система не создается философской мыслью из себя самой» – пишет
Страница 101

Анархизм. Алексей Алексеевич Боровой filosoff.org

Б. А. Кистяковский в своем изследованіи: «Соціальный науки и право» – и слова его могутъ быть всецѣло отнесены и къ анархизму, какъ извѣстной совокупности соціально-моральныхъ утвержденій. «Какъ бы ни былъ гениаленъ тотъ философъ, который поставилъ бы себѣ такую задачу, онъ не смогъ бы ее выполнить. Ибо этическая система, подобно наукѣ, творится всѣмъ человѣчествомъ въ его историческомъ развитіи...», она творится не только индивидуальными этическими дѣйствіями, но и путемъ созданія культурной общности. Въ качествѣ предпосылки этической системы необходима сложная экономическая жизнь съ вполне развитой промышленной техникой, правильная соціальная организація съ соотвѣтственной соціальной техникой» и т. д. и т. д.

2) Во-вторыхъ, утвержденіе анархизма необходимо предполагаетъ соотвѣтствующую подготовку и самого человѣка.

Человѣкъ, какъ мы его знаемъ въ исторіи и знаемъ сейчасъ, реальный, живой человѣкъ, со всѣми взлетами его и паденіями, соединяющій въ своемъ характере – цѣломудріе и жажду наслажденій, гордость и самоотреченіе, страсть къ господству и похоть пресмыкательства – далеко подлинной анархической свободѣ.

Напомнимъ, не утратившую еще и сейчасъ значенія, характеристику «человѣка», принадлежащую Бакунину: «Созерцаемое съ точки зрѣнія земного, т.-е. реального, а не фиктивного существованія, огромное большинство людей представляетъ зрѣлище такого униженія, такой бѣдности подвиговъ воли и ума, что надо обладать дѣйствительно большой способностью къ самообману, чтобы отыскать въ нихъ бессмертную душу и проблескъ свободной воли. Они являютъ себя намъ существами, всецѣло и фатально обусловленными: обусловленными прежде всего внѣшней природой, характеромъ почвы и всѣми матеріальными условіями своего существованія, обусловленными безчисленными отношеніями политическими, религіозными и соціальными, обусловленными обычаями, привычками, законами, цѣлымъ міромъ предразсудковъ и мыслей, медленно скопленныхъ предыдущими вѣками, и которые они получаютъ, рождаясь среди общества, коего они никогда не являются творцами, но, напротивъ того, сперва произведеніями, а потомъ инструментами. На тысячу людей можно найти развѣ одного, о которомъ можно бы сказать, съ точки зрѣнія относительной, а не абсолютной, что онъ желаетъ и думаетъ самъ отъ себя. Огромное существо человѣческихъ индивидуумовъ, не только среди невѣжественныхъ массъ, но и среди цивилизованныхъ и привилегированныхъ классовъ, желаютъ и думаютъ только то, что свѣтъ вокругъ нихъ желаетъ и думаетъ; они полагаютъ, конечно, что желаютъ и мыслятъ сами по себѣ, но дѣйствительно они лишь рабки, рутинерски, съ совершенно незначущими и ничтожными измѣненіями, повторяютъ мысли и желанія другихъ. Это рабство, эта рутинерская, неисчерпаемые источники общихъ мѣстъ, это отсутствіе бунта въ волѣ и это отсутствіе инициативы въ мысли индивидуумовъ являются главными причинами приводящей въ отчаяніе медленности историческаго развитія человѣчества». («Богъ и государство»).

Не будемъ говорить о тѣхъ, кто не понимаетъ вообще, что свобода и связанныя съ нею творческія потенціи и чувство моральнаго долга – имманентны человѣческой природѣ.

Оставимъ въ сторонѣ всѣхъ, отстаивающихъ «дурную» свободу, т.-е. свободу только для себя съ беззащитнымъ попираніемъ правъ другихъ.

Но въ самой совершенной человѣческой природѣ современности бьютъ еще глубокіе родники пресмыкательства.

Да! Современный человѣкъ – эгоистъ, скептикъ, бунтарь. Онъ громитъ авторитеты, низвергаетъ кумиры, опрокидываетъ власть. Всѣ эти разнородные и разнокачественные элементы свободолюбія живутъ въ немъ, какъ жили и раньше. Свидѣтельство – его сложная и пестрая исторія.

Но, разрушая и ломая, развѣ современный человѣкъ не творитъ себѣ сейчасъ же на мѣстѣ поверженныхъ кумировъ новыхъ и служить имъ, то съ повадкой лукаваго раба, то съ усердіемъ влюбленнаго фанатика?

Цѣпи и человѣкъ – неразлучны доселѣ. Подъ разными ликами – высокой разрѣшающей церкви, желѣзной устрояющей власти, благодѣтельной ферулы товарищей, государства, коммуны, союза – деспотизмъ овладѣваетъ человѣческой душой, обращая для нея въ абсолютъ лють относительное и временное

Анархизм. Алексей Алексеевич Боровой filosoff.org
и заставляя забывать о безусловномъ.

И идолопоклонство это носить тѣмъ болѣе «дурной» характеръ, что оно соединяется съ искаженіями и передѣлками своихъ кумировъ – Христа, Маркса и пр. – примѣнительно обстоятельствамъ.

Такъ было и такъ будетъ еще долго, ибо свобода рождается въ трудѣ и творческомъ подвигѣ, а не изъ благочестивыхъ пожеланій и не изъ партійнаго кликушества.

Поэтому, для анархизма нуженъ прежде всего человекъ.

Тотъ, кто не чувствуетъ въ себѣ неумолчнаго голоса совѣсти, кто, требуя права для себя, безразличенъ къ свободамъ и правамъ другихъ, тотъ – не анархистъ. Тотъ, кто не имѣетъ сильной воспитанной воли, яснаго сознанія своей цѣли, кто способенъ перестраивать свои идеалы, въ зависимости отъ случайнаго наушничества, тотъ – не анархистъ.

Анархистъ не можетъ терпѣть умаленія своей свободы, отъ кого бы оно ни исходило – отъ власти абсолютнаго монарха, или отъ диктатуры пролетаріата. Онъ отрицаетъ самодержавіе во всѣхъ его формахъ. Для него нѣтъ фетишей, какъ бы они ни назывались – «классъ», «партія», «народъ».

Анархистъ – безстрашенъ. Ничей авторитетъ не можетъ отклонить его отъ исполненія велѣній его личной совѣсти. Но онъ долженъ смѣло противостоять попыткамъ бессмысленныхъ насилій и долженъ быть готовъ всегда отдать себя и все свое одушевляющей его вѣрѣ.

Анархистъ – великодушенъ. Онъ – разрушитель-творецъ, но не мучитель, не погромщикъ, бессмысленно сметающій чужіе труды.

И если нѣтъ анархиста, не можетъ быть – анархизма, какъ строя. Но анархизмъ возможенъ и нуженъ, какъ трудъ, какъ борьба.

Нѣтъ социальнo-политической вѣры, болѣе далекой отъ квіетизма, отъ холоднаго созерцанія, чѣмъ анархизмъ. Въ свѣтѣ своей совѣсти онъ сметаетъ все окружающее, чтобы на обломкахъ рабства и социальнoй несправедливости создать свободнаго человека.

Пусть каждый отброситъ схоластическій балластъ и пожертвуетъ доктринерскимъ хламомъ ради вольнаго простора жизни. Пусть каждый почувствуетъ въ себѣ бьющій въ немъ океанъ устремленій!

Многіе ли слышатъ сейчасъ его волны? Одни – рабы пресмыкаются въ прахѣ, другіе – варвары не научились слушать ихъ.

И когда каждый – и самый малый изъ всѣхъ – почувствуетъ себя творцомъ, родится анархизмъ.

Только творецъ встрѣтится съ міромъ – необходимостью, какъ равный съ равнымъ, какъ неодолима творческая воля къ борьбѣ – сліянію. И изъ пролитаго имъ творческаго сѣмени на лоно матери-необходимости родятся дѣти его воли – молніи мысли, цвѣты фантазіи. И въ творческомъ вызовѣ вѣкамъ, въ сліяніи мгновенія съ вѣчностью рождается чувство безсмертія – величайшая изъ радостей, доступныхъ намъ.

ГЛАВА XI. Анархистскій манифестъ [35].

Революція и свобода всегда рождались въ крови и страданіяхъ.

На зарѣ ихъ падаютъ жертвы – герои, борцы, творящіе новое и наслѣдники стараго съ отчаяніемъ его защищающіе.

Но... не надо, чтобы жертвы падали даромъ. Передъ нами – гигантская работа, такая, какой еще не знало человечество.

Надо переустроить цѣлую страну, расшатанную развратомъ стараго порядка, войной и опытами «сверху» разныхъ партій. И въ переустройство это – нести не старую рутину, не затхлое и догматическое профессиональных изобрѣтателей человеческого счастья, но новое, творческое, взятое непосредственно изъ жизни, отвѣчающее устремленіямъ и интересамъ тѣхъ

Анархизм. Алексей Алексеевич Боровой filosoff.org
людей, которыми и для которых совершался переворотъ.

Пора покончить съ любой опекой, хотя и самой благожелательной! Пора покончить съ представительствомъ, кто-бы ни былъ представителемъ! Каждый долженъ взять «свое» дѣло въ «свои» руки!

Къ этому зоветъ насъ анархизмъ!

Анархизмъ – ученіе жизни! Анархизмъ родится съ каждымъ человѣкомъ и живетъ въ каждомъ изъ насъ, но задавленъ – нищетой, робостью, лакействомъ предъ людьми и предъ теоріями, привычками къ насилію и развратной жизни. И нужны – смѣлость, просвѣтленіе, жажда подвига, чтобы въ каждомъ – и большемъ и маломъ проснулся анархизмъ.

Анархизмъ – ученіе свободы! Не отвлеченной, призрачной свободы, но жизненной, реальной... Въ основѣ всѣхъ построеній анархизма – свободный человѣкъ, свободный отъ гнета учрежденій, отъ власти законовъ, которые для него придумали другіе. Но свобода – анархиста есть свобода всѣхъ. Разъ есть рабъ, онъ – несвободенъ. Анархистъ долженъ бороться до тѣхъ поръ, пока не будутъ свободны всѣ. Нѣтъ идоловъ для анархизма, ничего абсолютнаго, кромѣ самого человѣка, его свободы, его правъ на безграничное развитіе. Каковъ бы ни былъ общественный порядокъ, анархистъ всегда будетъ стремиться дальше, къ новому, болѣе совершенному, полнѣе и чище говорящему его анархической совѣсти.

Анархизмъ – ученіе равныхъ! Всѣ – равны въ свободѣ. Каждый – творецъ своего дѣла. И сфера личной его свободы – неприкосновенна.

Анархизмъ – ученіе культуры! Ибо анархизмъ зоветъ не къ разрушенію, но преодолѣнію культуры. Не къ безмысленному разгрому и расхищенію достоянія народнаго, но бережному храненію цѣнностей, въ которыя заключены творческія достиженія человѣка, которыя – необходимы, какъ средство къ послѣдовательному, непрерывному нашему освобожденію. Анархизмъ – наследникъ всѣхъ прошлыхъ освободительныхъ стремленій человѣка и несетъ отвѣтственность за ихъ сохранность.

Анархизмъ – ученіе любви! Ибо онъ учитъ любить не себя только и свою свободу, но каждого и всѣхъ. Онъ зоветъ къ подвигу, зоветъ къ великому дѣлу, чтобы плоды его собрали не только наши современные, но и будущіе, далекіе отъ насъ братья. Онъ зоветъ къ борьбѣ, разрушенію насильнической системы, но не къ мести и безстыднымъ самосудамъ противъ отдѣльныхъ лицъ.

Анархизмъ – ученіе радости! Ибо онъ вѣритъ въ человѣка, вѣритъ въ его неограниченныя возможности, вѣритъ, что своимъ подвигомъ для всѣхъ, онъ связуетъ всѣ времена и всѣхъ людей. Такъ рождается радость творца – величайшая изъ возможныхъ для человѣка радостей!

Примечанія

1

Однако, Штирнеріанству неопасны обычныя «разъясненія» его изъ лагеря марксистовъ. Попытки характеризовать его, какъ «буржуазную открыжку», бьютъ мимо цѣли. Въ Штирнеріанствѣ есть элементы, совершенно чуждые «капиталистической культурѣ». А чисто анархическіе моменты отрицанія, разумѣется, не могутъ быть восприняты Бернштейномъ, Плехановымъ и пр.

2

О Ницше и особенно «системѣ» Ницше надлежитъ, впрочемъ, говорить съ чрезвычайной осторожностью, дабы «упрощеніями» и «стилизацией» не исказить подлиннаго Ницше. Въ замыслахъ его – исключительно глубокихъ, сложныхъ и художественно значительныхъ – легко открыть любое «міросозерцаніе» и найти любое «противорѣчіе». Внешне, въ планѣ общихъ проблемъ индивидуализма, Ницше доступенъ любому «приспособленію». И моя задача здѣсь – заключается не въ общей характеристикѣ ученій Ницше, не въ выявленіи ихъ essentialia, но лишь въ указаніи на неизбѣжность моральнаго тупика для неограниченнаго индивидуализма, поскольку онъ имѣетъ мѣсто у Ницше.

3

Индивидуалистические принципы лежат в основании и либерального мировоззрения. Но либеральный индивидуализм не имеет ничего общего с анархическим, ибо в основу его легли разнообразные формы ограничения личной свободы – право эксплуатации одних другими при добровольном признании власти, как начала, обеспечивающего «общее благо».

4

Курсив везд? – П.Л. Лаврова.

5

Необходимо отдать справедливость Дюркгейму – весьма далекому от анархистского мировоззрения – в том, что, утверждая статистическую закономерность, он, тем не менее, не склонен утверждать детерминизма для отдельной личности, полагая ее, таким образом, свободной. Ход его рассуждения таков: Постоянство демографических явлений порождается силой, лежащей вне индивидов. Сила эта требует определенного количества актов, но ей безразлично, исходят ли эти акты от этого или от другого индивида. Число покоряющихся ей компенсируется числом успешно сопротивляющихся ей. Выбор, таким образом, принадлежит самой личности. При этом личностей, предрасположенных к акту самоубийства, в любой общественной организации в каждый данный момент больше, чем действительно совершенных актов. Смысл общей концепции Дюркгейма заключается в том, что помимо физических, химических, биологических и психологических сил, существуют еще силы социальные, которые оказывают свое влияние на индивидов извне, так же, как и силы выше упомянутые. Поэтому, если первые не исключают человеческой свободы, то нет оснований думать, что дело обстоит иначе со вторыми.

6

Contra, напр., Б. Сидис: «Сила личности обратно пропорциональна числу соединенных людей. Этот закон врен? не только для толпы, но и для высоко организованных масс. В больших социальных организациях проявляются обыкновенно только очень мелкие личности. Не в древнем Египте, Вавилоне, Ассирии, Персии сл?дует искать великих людей, но в маленьких общинах древней Греции и Иудеи». («Психология внушения».)

7

В философовании Гердера вообще не мало анархических мотивов, несмотря на то, что под его эмпирическим нарядом жил подлинный рационализм.

8

Некоторые исследователи, впрочем, протестуют против чрезмерного подчеркивания антиисторизма в естественно-правовых учениях.

9

Ни одно умственное течение не было жертвой такой легкой и жестокой критики, как романтизм. Его чрезвычайная и быстрая возбудимость, его иногда чрезмерная чувствительность, его гипертрофическое представление о своих способностях, его апология смутных настроений, его податливость химерам давали богатую пищу пародиям и злым карикатурам. Интересные и в своем роде талантливые работы Леметра, Ляссерра, традиционалистов, неомонархистов и особенно Мегрона пытались уничтожить романтизм. Им удалось осм?ять частности, но они были бессильны против общечеловеческого значения всего течения.

10

И, быть-можетъ, мен?е остро, но еще бол?е полно, бол?е примиренно со вс?мъ, бол?е радостно – въ «челов?кобожеств?» Достоевскаго (Кирилловъ въ «Б?сахъ».).

11

Бергсонъ, съ присущей ему тонкостью, различаетъ въ интеллектуализм? – «мысль, черпающую изъ ея глубокихъ источниковъ», и мысль, закочен?вшую въ формул?. «Есть два рода интеллектуализма: интеллектуализмъ истинный, который переживаетъ свои идеи, и ложный, который подвижныя идеи превращаетъ въ неподвижныя, затверд?вшія понятія, чтобы пользоваться ими, какъ жетонами». (Психофизическій параллелизмъ и позитивная метафизика».)

12

См. объ этомъ мою брошюру – «Революціонное творчество и парламентъ. Революціонный синдикализмъ)». Москва, 1917.

13

Необходимо, однако, различать «утопію» и «соціальный мифъ» Сореля. Утопія – разсудочное построеніе, плодъ выдумки, вдохновенія кабинетнаго мудреца. И т?мъ безжизнен?е и отвлечен?е становится утопія, ч?мъ бол?е доказательствъ приводитъ въ ея защиту авторъ. Самыя остроумныя и проницательныя схемы не могутъ охватить жизни въ ея многообразіи. И жизнь всегда см?ется надъ безсильными фантазіями челов?ческаго мозга. Соціальный мифъ не есть разсудочное построеніе, онъ – ц?лый, живой, нед?лимый образъ, созданный интуитивно, субъективно – достов?рный, но не доказуемый логической аргументаціей. Соціальный мифъ не можетъ быть изложенъ въ терминахъ науки. Таковъ, наприм?рь, мифъ о наступленіи царствія божія на земл?, таковъ наибол?е популярный и властный у Сореля мифъ о «Всеобщей стачк?» – соціальной революціи. Мифъ трепещетъ полнотою подлинной и ц?лостной жизни; онъ – неразложимъ на раціоналистическія кл?точки, но самъ является источникомъ творчества. Мифъ, одушевляющій революціонера – идентиченъ религіозному огню, влад?вшему первымъ христіаниномъ. Онъ – вн? контроля интеллекта, ибо, по словамъ Сореля, онъ не «описаніе вещей, но выраженіе воли».

14

Это противоположеніе – существенно для современной хозяйственной формы. Торговый капитализмъ, н?когда открывавшій дорогу промышленному, когда то бесспорный и могучій хозяинъ рынка, пріучается нын? къ скромной роли агента промышленнаго капитала, олицетворяющаго современное производство.

15

Бол?е полную мою рецензію этого труда Кропоткина см. въ журн. «Голось Минувшаго» за 1912 г.

16

См. объ интересномъ спор? Р. Михельса и Лагарделля о роли «вождей» въ синдикализм? въ моей брошюр?: «Революціонное творчество и парламентъ». гл. V-я.

17

Обычное возраженіе противъ классовой теоріи государства, заключающееся въ томъ, что государство способно въ отд?льныхъ случаяхъ подняться надъ интересами господствующей группы и д?йствовать даже вопреки имъ, нисколько не колеблетъ доказательности общихъ защищаемыхъ зд?сь положеній.

Анархизм. Алексей Алексеевич Боровой filosoff.org
Господствующая классовая группа никогда не действует с фанатической слепой силой. Она ведет «политику». Поэтому, и у нея бывают дни уступок, компромиссов и подачек. Ее политика столько-же определяется «эгоизмом» и жестокостью, сколько коммерческой расчетливостью и сентиментами.

18

См. подробнее «Революционное творчество и парламент». гл. III-ю.

19

Разумеется, политические партии могут существовать и существовали в парламентарном представительстве. Тем не менее в условиях современной государственности участие в парламентской жизни является для партии не только существенным, но иногда неустранимым признаком.

20

Совершенно правы, однако, те исследователи, которые собственно парламентскую борьбу пролетариата связывают, по преимуществу, с именем Лассаля.

21

Здесь умственно вспомнить о совершенной безпринципности Бебеля и Либкнехта в вопросе об «огосударствлении предприятий» (Берлинский конгресс 1892 г. и Бреславльский 1895г.), о первоначальных громах и послышаем отступлении Бебеля в вопросе о завоевании прусского ландтага (1893 г.);, о речи Бебеля на Гамбургском конгрессе, о политике партии в аграрном вопросе и пр. и пр.

22

Справедливость требует отметить, что не одни русские партийные шовинисты повинны в подобном искажении материалистической концепции истории, лежащей в основе марксистского мирозерцания. Виднейшие из лидеров английской социаль-демократии, Гайндман также не врет в творческую силу класса, который должна представлять социалистическая партия. «Социализм – говорит он – создавался везде не самими ремесленниками и рабочими, а всегда образованными людьми из класса, стоящего выше их... Слова Маркса, что эмансипация рабочих может быть совершена лишь самими рабочими, верны в том смысле, что социализм невозможен без социалистов, как республика без республиканцев. Но рабы не могут освободить самих себя. Руководительство, инициатива, указания и организованность должны прийти от тех, которые родились в другой обстановке и привыкли к умственной работе с малых лет». Как мало соответствует подобная концепция новому факту пролетарской действительности – рабочему синдикализму.

23

Маркс в 1869 г. в письме к кассиру немецкого союза металлургов следующим образом характеризовал соотношение между политической партией и профессиональными союзами: «...Профессиональные союзы – школа социализма. В профессиональных союзах рабочие действуют социалистами, так как они изо дня в день борются с капиталом. Все политические партии какого бы то ни было направления воодушевляют массу рабочих только на короткое время; профессиональные же союзы, наоборот, связывают эту массу прочно и надолго. Только союзы в состоянии представлять действительно рабочую партию и противопоставлять силу рабочих могуществу капитала».

24

Автор этих строк когда-то в небольшой работе дал всестороннее и панегирическое описание революционного метода. В ней революционизм

Анархизм. Алексей Алексеевич Боровой filosoff.org
разсматривался, как абсолютная самоцель. См. «Революционное
миросозерцание». Москва. 1917. Изд. «Логос».

25

Къ тому-же отдѣльные акты, какъ актъ Равашоля, по недоразумѣнію,
называемого анархистомъ, своевременно вызывали одушевленные протесты
идейныхъ вождей анархизма (Кропоткинъ, Реклю и др.).

26

Разумѣется, въ ученіи Толстого, какъ во всякомъ большемъ и оригинальномъ
ученіи, есть мѣста, какъ будто опровергающія смыслъ вышеуказанныхъ сужденій
и противорѣчащія имъ, но въ цѣломъ ученіе Толстого (именно ученіе, а не его
практическая дѣятельность) необыкновенно послѣдовательно и однородно.

27

Рѣчь не идетъ, конечно, объ экспроприаціи общаго характера – «соціальной
революціи».

28

Подробнѣе см. въ подготовляющейся къ печати моей брошюрѣ – «Классъ, партія
и интеллектуальный пролетаріатъ».

29

Но именно потому, что въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ о «коллизіи» системъ,
коллизіи, подготовляемой развитіемъ классового самосознанія – не можетъ
быть и рѣчи о возможности «сорвать» подобную коллизію, провести ее смѣлымъ
натискомъ. Если революціонный классъ недостаточно технически воспитанъ, онъ
не сумѣетъ создать «своей» системы и послѣ краткаго триумфа понесетъ всю
тяжесть пораженія.

30

Перломъ такой «дурной» для анархизма критики можетъ почитаться извѣстная
книжечка Плеханова – «Анархизмъ и социализмъ», знакомившая съ анархизмомъ
поколѣнія социаль-демократовъ, книжечка написанная съ специфически
Плехановскими – стремительностью, полемической «ясностью» и
побѣдоносностью. Передержки и остроуміе – не всегда хорошаго тона – сходятъ
здѣсь за аргументацію.

31

См. объ этомъ подробнѣе въ изданной подъ моей редакціей книгѣ Амона –
«Социализмъ и анархизмъ». М. 1903.

32

Индивидуалистическіе анархисты, особенно Тэкеръ и Маккэй, вслѣдъ за
Пруденомъ и Уорреномъ, не признаютъ формулы – «все принадлежитъ всѣмъ» и
доказываютъ ея непримиримость съ основнымъ постулатомъ анархизма –
«свободой личности». Коммунистъ – С. Форъ также видитъ источникъ «міровой
скорби» не въ собственности, а въ организаціи власти.

33

Оставленіе за флагомъ «соціализаціи» извѣстной части интеллектуальнаго
пролетаріата, не повзрившаго въ «соціалистическую» революцію, не мѣняетъ
общей картины.

34

Русская революція 1917–18 гг. – въ большевистскомъ ея уклонѣ – дала краснорѣчивѣйшія иллюстраціи подобнаго положенія вещей. Опыты «соціализаціи» сверху, со всей «удалью отсебятины» (больше всего марксисты игнорировали Маркса и марксизмъ), опирающіеся на вооруженныхъ солдатъ, наемную гвардію, государственный терроръ, въ разнообразныхъ формахъ его примѣненія, съ истинно рабскимъ потаканіемъ разнузданнымъ инстинктамъ массъ, съ преміями за невѣжество и пр. и пр., разумѣется, никакъ не могутъ служить переходомъ къ анархическому строю и уже тѣмъ болѣе быть имъ самимъ. Это – перемѣщеніе власти. И анархизму нечего дѣлать въ большевизмѣ. Послѣднему онъ могъ бы сказать словами Герцена: «я вижу на твоёмъ челѣ нѣчто такое, что меня заставляетъ называть тебя рабомъ..» Здѣсь не мѣсто, конечно, касаться положительныхъ заслугъ «большевизма»: ликвидаціи бездарной и безсильной политики «временнаго правительства», выявленія политической и нравственной дряблости нашихъ соціалистическихъ партій и непрочности нашей «буржуазіи».

35

Нѣкоторыя положенія этого манифеста были приняты инициативной группой «Московского Союза идейной пропаганды анархизма» и легли въ основаніе его «Декларациі». (Москва, 1918 г.).

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке <http://filosoff.org/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!